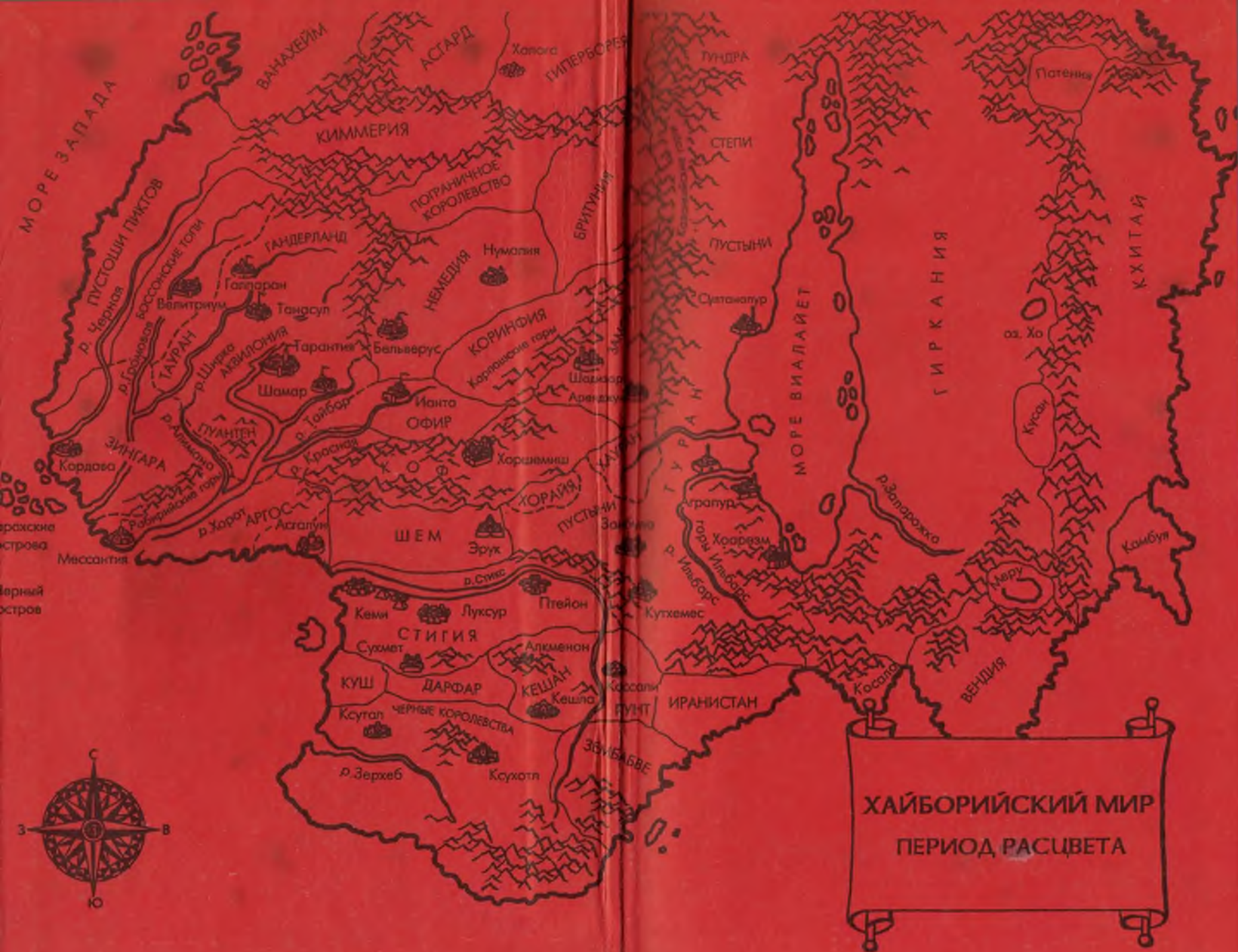

РЫЖАЯ СОНЯTM

РЫЖАЯ СОНЯ И СЛЕПОЙ БОГ

Северо-Зонаг®

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

Р93 Рыжая Соня и слепой бог: Роман и
повесть. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-За-
пад, 1999. — 432 с.

ISBN 5-83765-058-6

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-058-6

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Пролог

Долнце заливало живительными лучами расстилавшуюся под ним землю. Каждый стебелек, каждый листик впитывал его несущее силу тепло. Зеленое царство наполняла своей силой и Мать-Земля — от самой маленькой, незаметной травинки до крепких упругих стеблей и широких листьев, собирая в них жесткость камня, журчание и текучесть ручьев и рек, прохладу озер и мощь нависающих над потоками скал.

Красные блики вспыхивали на сильных руках кузнеца, и металл послушно тянулся, изгибался и растекался, подвластный мощным ударам молота и горячему пламени горна. Кузнец поднял раскаленный добела клинок, и тот, роняя последние звездочки искр, еще связывающие его с огнем, начал постепенно темнеть, а затем его поверхность окрасилась всеми цветами радуги. Мастер резко опустил клинок в чан с настоем трав горных лугов, и металл гневно зашипел, окутывая все густым облаком пара, но потом притих и лишь мир-

но ворчал, поворачиваемый могучей рукой, впитывая крепость и твердость, гибкость и стремительность, которые таила в себе волшебная вода. Кузнец вытащил совершенно присмиревший и затихший клинок, еще долго мудрил и колдовал над ним, счищал окалину, полировал... пока наконец металл не засверкал в лучах живительного солнца так ярко, что, казалось, был готов соперничать с самим светилом, и не было лучшего меча во всей поднебесной обители.

Вслед за всесильным мечом изготовил мастер щит, не уступавший клинку по крепости, ибо воин должен иметь совершенную защиту, если когда-нибудь другой кузнец сможет выковать подобный меч, а еще и потому, что истинная мощь оружия может быть проверена только в схватке с равным себе. Щит тоже шипел и бурлил в темном настое разнообразнейших трав и цветов, а потом так же победоносно сверкал на солнце всеми своими гранями. И тогда мастер посчитал, что цели своей он достиг.

Глава первая

Вот ты и дома, девочка,— один из сопровождавших Соню воинов махнул зажатой в правой руке плетью на показавшиеся из-за поворота дороги стену поместья. Кешекмен, небольшой городок на границе Хаурана и Заморы, остался чуть позади. Здесь начинались владения знати и богачей — изумрудные поля, ухоженные сады и рощи, дворцы из золотистого камня, сверкавшие под солнечными лучами, словно самоцветы в драгоценном футляре.— Наверное, соскучилась по своим?

Чуть заметная улыбка тронула алые губы рыжеволосой красавицы, гибкой и стройной, выглядевшей старше своих неполных шестнадцати лет. Уверенной рукой опытной всадницы она направила вперед игренного жеребца. Конь, чуя близость дома, радостно всхрапнул, ускоряя шаг.

Спутнику Соня не ответила, да он и не ждал от нее ответа. За всю дорогу от столицы прелестная воспитанница советника Джергеца не обмена-

лась со свитой и дюжиной фраз. «Гордячка!» — решили стражники про себя. Но обижаться на такую красавицу было выше их сил. Им оставалось лишь украдкой любоваться рыжеволосой наездницей, чьей прямой посадке позавидовал бы и любой из гирканцев, о которых говорили, что те рождаются и умирают в седле, дивиться роскоши ее дорожного платья, украшенного розовым жемчугом и тончайшей золотой вышивкой, восхищаться прямым профилем, белоснежной кожей, не тронутой и тенью загара, миндалевидным разрезом серых глаз, столь необычных здесь, в этих южных краях.

«Да, вот что значит — высокорожденная», — украдкой вздохнул про себя воин, обращавшийся к девушке. Был он довольно молод, крепок и хорош собой, и немало красоток в столичных тавернах были счастливы, когда он соглашался скоротать в их непритязательном обществе вечеров-другой. Но разве можно их сравнивать с Соней! Высокорожденная...

Между тем, девушка, служившая предметом сих печальных размышлений, была бы немало позававлена, доведись ей узнать о них. Видел бы этот стражник ее три года назад, когда Соня впервые приехала в Хауран из родного города, в дом советника Джергеца, давнего друга ее отца, которого тот едва ли не со слезами на глазах умолил взять на воспитание свое строптивое чадо.

Дерзкая, неукротимая, не признающая над собой иной власти, кроме собственных желаний и прихотей, Соня напоминала скорее отрока, нежели благовоспитанную девицу, в какую преврати-

лась за эти годы усилиями сонма воспитателей и наставников. О, конечно, пылкий нрав не угас — укротить строптивицу никому было не по силам! — но девушка научилась скрывать свои порывы и чувства под личиной благонравия и внешней пристойности... и этого оказалось вполне достаточно.

Правду сказать, ей это нелегко далось, особенно поначалу. Не раз и не два, осыпая наставников отборными проклятиями, в изобилии почерпнутыми у старшего брата, юная негодница убежала с занятий, пряталась в обширном саду дворца, строя дерзкие планы побега, покуда дочь советника Югита или сам старый Джергез не приходили за ней. Советник вел с непокорной воспитанницей долгие разговоры, грозил, увещевал, вздыхал, негодуяскискидывал руки, тщась образумить подопечную. Соня никогда бы не смирилась с бесконечными правилами, запретами и ограничениями, коими полна была придворная жизнь — после вольного житья в родном Майране, где она была полностью предоставлена самой себе, нынешнее существование казалось ей поначалу едва ли не тюрьмой. Но Джергез мог бы и не тратить на нее своего красноречия. В глубине души дерзкая отроковица и без того понимала: бежать ей некуда.

Возвращаться домой было попросту опасно — не зря отец так поспешно отослал ее оттуда. Несмотря на юный возраст, в Майране Соня ухитрилась связаться с шайкой местных грабителей, к которым принадлежал и ее старший брат Хункар, и даже завоевала среди отпетых головорезов немалый авторитет. Но последние их выходки пе-

реполнили чашу терпения властей. За разбойниками началась настоящая охота, и Келемет счел за благо увезти непослушную дочь из города. Возможно, он в душе подозревал, что Соней движет не просто юношеское молодечество. Буйная кровь давала себя знать, и гирканец всерьез начал опасаться, как бы дочь не пошла по его стопам.

Сам Келемет долгое время был предводителем одной из самых знаменитых шаек в Аграпуре и проворачивал такие дела, которые даже спустя много лет людская молва продолжала приукрашивать все новыми и новыми подробностями, превращая, как это обычно и происходит, быть в легенду. Соня невероятно гордилась прошлым своего отца, особенно жестокой расправой с бандой Синих Тюрбанов, которая существовала не один десяток лет, пока не покусилась на первую семью ее отца. Келемет — в одиночку! — прикончил всю шайку, около четырех десятков человек.

Впрочем, возможно, отцом Сони двигали и иные мотивы, когда он в спешке снаряжал дочь к своему давнему другу, бывшему осведомителю разбойничьей шайки Маади, ныне ставшему почтенным хауранским вельможей, где его знали лишь под именем Джержеза. Ведь и сам Келемет с семьей ненадолго задержались в Майране после отъезда дочери. Сперва была отправлена в затерянный в горах храм старшая дочь Ална, с детства выказывавшая склонность ступить на жреческую стезю, — а затем и вся остальная семья стронулась с места, обосновавшись здесь, в Салафре, на самой границе с Заморой.

Впервые приехав в поместье погостить, Соня была поражена. В Майране они жили скромно, едва ли не бедно, матери помогала лишь одна приходящая служанка — так что Соня, узнав о бурном разбойничьем прошлом отца, частенько гадала, что же случилось с немалыми богатствами, которые Келемет не мог не скопить за те годы. Теперь она получила ответ на свой вопрос.

Салафра была столь же роскошна, сколь нищим и убогим казалось их прежнее обиталище.

Прежде поместье принадлежало кому-то из хауранских вельмож, попавших затем в немилость к наместнику. Сам дом был невелик, и отнюдь не выглядел дворцом — длинный, приземистый, его единственным украшением были колонны зеленого камня, на коринфийский манер поддерживавшие портик. Но сад, окружавший дом, был воистину драгоценнейшей из оправ. Гроты и водопады, мраморные мостики и журчащие фонтаны — у каждого был свой голос, и неумолчная их беседа всегда завораживала девушку — гранатовая рощица и потаенные беседки... сад был полон сокровищ, и казалось, проживи здесь хоть целый век, все равно не узнаешь всех тайн этого чудесного места.

В Салафре всегда пели птицы, и, казалось, вовсе не было дождливых дней. Синь высоких небес окружалась в крохотных искусственных озерцах — словно богиня Иштар обронила здесь свое сапфировое ожерелье. А вместе с ожерельем подарила обитателям поместья и свою чарующую улыбку, как обещание вечного счастья.

Отец стал реже хмуриться, и Соня ни разу не видела, как то нередко бывало в Майране, чтобы он уединялся на заднем дворе, сосредоточенно метая в цель острые, как бритва, ножи, что служило у Келемета признаком гнева или тревоги. Расцвела и Сизри, мать девушки. К рыжекудрой ванирке словно вернулась молодость. Она чуть пополнела, но это еще больше шло ей. Разгладись морщины, так портившие высокий лоб, из серых глаз ушла затаенная печаль.

Мать даже заказала с дюжину новых платьев, одно другого роскошнее, и хотя семья жила по-прежнему уединенно, почти не принимая гостей и никуда не выезжая из Салафры, Соня было уверена, что недалек тот день, когда дом наполнится дружеским гомоном и смехом, музыканты станут играть на пирах и вечеринках, будут устраиваться поэтические состязания и охотничьи выезды — словом, жизнь в поместье ничем не станет отличаться от той, что она уже привыкла вести в столице.

Еще больше ей хотелось, чтобы Келемет с Сизри хоть раз приехали навестить ее в доме Джерге-за. Собственно, и сейчас она везла им приглашение от старого советника — и всерьез была намерена уговорить родителей принять его.

Девушке не чуждо было тщеславие. Она хотела, чтобы мать и отец увидели ее там, во дворце, окруженную поклонниками, исполненную достоинства и очарования, услышали, как гордятся ею наставники — ибо после первоначального упрямства Соня все же взялась за ум, прилежно впитыва-

вая все многочисленные науки, каким ее обучали, следуя разумным советам Джерге-за и его милой супруги. Вскоре она превзошла в учении и дочь советника и всех подруг, так что учителя не могли нарадоваться бывшей строптивнице.

Причем Соню интересовали не только исконно женские умения и премудрости, хотя и тонкости этикета, и стихосложение, и музицирование она освоила почти в совершенстве. В душе, однако, эти искусства если и не претили бывшей разбойнице, то и не вызывали пиетета, ибо она почитала их пустыми забавами, уловками, кои служат девицам, как стрелы лучнику, лишь для древнейшей охоты. Охоты на мужчин — на поклонников, женихов, мужей, а позже... на любовников.

Соню мало интересовали мужчины. И уж менее всего, в отличие от подруг, ей хотелось бы охотиться за ними, заманивать, завлекать в свои сети, опутывать чарами... словом, исполнять все то, что прочие девушки почитали смыслом своего существования и без чего не мыслили жизни.

Женщины, окружавшие Соню, изначально мыслили себя слабыми, зависимыми. Им и в голову не приходило полагаться на собственные силы, дабы достичь каких-то целей... да и целей-то у них не было, кроме одной-единственной: как можно более удачно выйти замуж. Мужчина был для них и целью, и средством. Он должен был дать супруге и положение в обществе, и богатство, наполнить ее жизнь смыслом и значением.

Соня была иной. Даже в самые юные годы она знала: если возжелаешь чего-то — добейся этого

сама! Не жди ни помощи со стороны, ни снисхождения, ни поддержки.

Это помогло ей среди майранских разбойников, и даже Хункар, который был на пять лет старше сестры, преклонялся перед ее волей и отвагой. Та же уверенность в своих силах не оставляла девушку и позже.

Нет, ей не нужен никакой мужчина, чтобы получить все, чего она хочет. Что она возжелает — возьмет сама!

И потому в доме Джергеца куда больший интерес представляли для нее совсем иные науки, нежели те, коим предпочитали обучаться прочие девицы. И когда ни один наставник не мог дать ответа на многочисленные мучавшие ее вопросы, она закрывалась в обширной дворцовой библиотеке, закапывалась в толстенные, пахнущие пылью фолианты, пытаясь самостоятельно разобраться во всем, что ее интересовало.

А потом отправлялась на задний двор, где обучали стражников-новобранцев. Там сперва косо смотрели на рыжеволосую воспитанницу советника, сопливую девчонку, вознамерившуюся вдруг мешать взрослым мужчинам в их занятиях... но когда десятник стражи увидел, как лихо она метает ножи, как ловко управляет с коротким гирканским луком и мечом, то развел руками и, с дозволения Джергеца, допустил ее к занятиям.

И даже скакать верхом Соня обучилась по-мужски, а не так, как заставляли всех прочих девушек из хороших семейств — в высоком, скорее напоминавшем скамеечку седле, в котором можно было

лишь чинно трусить, преисполнившись достоинства... тогда как рыжеволосой красавице мечталось лететь во весь опор, так, чтобы хлестал в лицо горячий ветер и трепал за спиной непокорные кудри... Правда, такую роскошь она могла позволить себе лишь здесь, в Салафре.

Соня чуть заметно улыбнулась при этой мысли. Как хорошо будет посостязаться в скачке с братьями и с отцом! Келемет держал превосходных лошадей. Недавно он даже подарил дочери молоденькую гнедую кобылку — жаль, что Подружку ей пока пришлось оставить в столице!.. Истинный гирканец, ее отец обожал лошадей, и ему было приятно, что дочь унаследовала от него эту страсть.

И мать будет рада... Она так тревожилась за Соню в Майране. Но теперь тревога покинула ее чело. Соня с Сизери за последний год узнали друг друга лучше, чем за всю прошлую жизнь, стали почти подругами. Мать рассказывала ей о детстве, проведенном в Ванахейме, о том, как приехала с родителями в Туран, как встретилась с Келеметом — чтобы уже больше никогда с ним не разлучаться... При этих воспоминаниях серые, как северные льды, глаза матери теплели, голос лился напевно, она казалась совсем юной девочкой, заново переживающей все самые светлые мгновения своей жизни.

Судьба, казалось, наконец улыбнулась большому, дружному семейству. Хвала богам, дети построены как нельзя лучше. Старшая дочь успешно заканчивала послушание в храме и готовилась стать жрицей. Младшая тоже как будто взялась за

ум и, надеясь Сизри, непременно сделает в столице самую выгодную партию. Пусть она и не старинного рода, зато приданное за дочерью Келемет готов был дать неплохое... Да и на сыновей грех жаловаться. Старший, Хункар, конечно, сорвиголова — но его манит воинское дело, и при дворе Джергез обещал составить юноше протекцию. Станет десятником, затем и сотником — чем плохо! Благо, Хауран, захолустная туранская провинция, давно ни с кем не воюет и воевать не собирается.

А уж Сонин брат-близнец, Эйдан, и вовсе был гордостью Сизри. Умница и тихоня, в отличие от бесшабашной сестры, он, тем не менее, был наделен живым умом и изрядной ловкостью. Если Соня к цели предпочитала идти напрямую, а иногда и напролом, Эйдан своего добивался осторожностью и хитростью, но действовал с не меньшим упорством. Однако ни низости, ни подлости не было в этом худощавом, задумчивом юноше — в этом он пошел в отца. Сизри прочила его по торговой части. Должно быть, как купец Эйдан преуспеет... Да и никто в семье, включая Соню, в этом не сомневался. Рассказывая о своем семействе подругам, девушка не раз говорила: «Эйдан — самый умный из нас. А Хункар — самый отважный. Вы о них еще услышите — помяните мои слова!» В ту пору никто и не подозревал, насколько она окажется права, по крайней мере, в отношении одного из братьев...

В общем, в доме Джергеза Соне жилось неплохо. Югита, младшая дочь советника, одних лет с

Соней, быстро подружилась с ней и взяла на себя роль наставницы юной провинциалки и старалась сделать все, чтобы ее подруга побыстрее усвоила правила поведения, принятые в обществе дам из высокородных семей. Соня оказалась способной ученицей. В свои четырнадцать лет она была настоящей красавицей: высокого роста, стройная и длинноногая; густая волна светло-медных волос оттеняла красоту холодных серых глаз. Девушка обладала настоящей кошачьей грацией, а тонкая талия и высокая, вполне сформировавшаяся грудь, сводили с ума многих поклонников из самых знатных семей. Кто бы мог подумать, что всего несколько месяцев назад эта умопомрачительной красоты молодая девушка вместе с майранским отребьем грабила почтенных купцов!..

В шайку ее в свое время привел Хункар, правда не по своей воле, а по настоятельному требованию самой Сони. Девочка случайно застала брата с подельниками и, угрожая все рассказать отцу, заставила Хункара взять ее с собой. Удод, глава шайки, поначалу намеревался использовать девчонку вполне определенным образом, но получил такую взбучку от тринадцатилетней девчонки, что надолго зарекся открыто противостоять ей, хотя и затаил в душе смертельную обиду. Несколько раз он намеренно подставлял Соню под удар, но рыжей красавице удавалось счастливо избежать западни, пока она, наконец не рассчиталась с подонком.

Сейчас, почти три года спустя после бегства из Майрана, Соня вспоминала о той поре со снисхо-

дительной усмешкой. Ей казалось, что она очень изменилась с тех пор, стала спокойнее и рассудительнее. Она и сама не подозревала, насколько тонок этот наносной слой хороших манер и благочиния, под которым таилась все та же неукротимая дикарка...

Тем временем маленький отряд из четырех вооруженных воинов, с которым Соня возвращалась домой, подъехал к воротам поместья.

— Эй! Стой! — навстречу им неожиданно выехали несколько всадников на вороных лошадях. Соня изумленно подняла брови. Кто это смеет так по-хозяйски распоряжаться в ее поместье?!

— Латиф! — встревоженно обратился один из спутников Сони к старшему. — Что это за люди? Что-то непохожи они на кешекменских стражников!

— Аквилонцы, разорви их демоны! Давай поворачивай! — крикнул Латиф, приподнимаясь на стременах, но тут же осознал, что сделать это им уже не удастся.

С десяток всадников окружили их плотным кольцом, и предводитель в блестящих доспехах и шлеме, увенчанном рогами, подъехал вплотную к Латифу.

— Кто такие? Зачем приехали сюда?

— По делу, — степенно ответил Латиф, искоса оглядывая окруживших их всадников. — Вот, провожаем эту юную особу. — Он кивнул в сторону Сони.

— А кто она такая? — спросил человек в рогатом шлеме.

— То есть как — кто? — изумился Латиф. — Дочь почтенного купца Келемета, воспитанница самого советника Джергеца...

Он замолчал, заметив, как изменилось лицо офицера.

— Дочь Келемета, говоришь? — переспросил один из всадников. — Давай-ка ее сюда!

Соня, которая до сих пор внешне не проявляла никакого интереса к происходящему, внезапно хлестнула коня, и скаун, взвившись на дыбы, резко рванул вперед.

— Держи ее! Стой, мерзавка! — опешившие поначалу всадники бросились за ней в погоню, размахивая саблями.

У Сони был прекрасный конь, но после целого дня пути он не мог соревноваться с несколькими свежими лошадьми. Всадники быстро настигли девушку. Соня схватилась было за кинжал, но ее противники были закованы в броню и вряд ли ее клинок, несмотря на то, что она метала его чрезвычайно метко, причинил бы им существенный урон. Соня выругалась сквозь зубы. Один из погони, оказавшись совсем рядом, взялся за повод ее скакуна. Подскакали остальные и, выдернув Соню из седла, мгновенно скрутили ей руки за спиной. Она даже не пыталась отбиться, сознавая, что против пятерки вооруженных воинов у нее нет ни малейшего шанса.

— Ишь, какая прыткая! — усмехнулся один из всадников, громадной пятерней стискивая ее грудь. — Может быть, побалуемся, ребятки? Повезло нам! Девчонка-то в самом соку! Ай, стерва!

Соня, резко нагнув голову, впилась зубами ему в запястье, там где оно не было защищено латами. Воин размахнулся, чтобы ударить ее левой рукой, но его остановил резкий возглас.

— Ты что, рехнулся? Это же дочь того самого купца! Кенида Атлия тебе живо отрежет все, что ты собирался сейчас пустить в дело, если мы не доставим ее в целости и сохранности, болван!

— Да я так,— оправдывался солдат.— Подумаешь, съели бы мы, что ли, девчонку, только...

— Я тебе покажу — «только»! — подъехавший офицер без излишних раздумий врезал здоровяку по уху металлической перчаткой, да так крепко, что у того беспомощно мотнулась голова и съехал набок шлем.— Мы тут стараемся, монеты зарабатываем у кениды, а ты, пес шелудивый, испортить все хочешь? Я тебе побалуюсь! Так отделаю, что вообще навсегда о девках забудешь! Забыл, зачем находится здесь наш отряд? — Он указал на Соню: — Нам крупно повезло. Быстро к госпоже!

Аквилонец нехотя выпустил девушку из своих крепких лап, и ее тут же перекинули через седло, а один из всадников ловко связал ей руки и ноги под брюхом коня и двумя ремнями прижал голову к стремени.

— Вперед! — скомандовал офицер.

Отряд поскакал к дому, находившемуся в самой глубине поместья. Перед глазами Сони мелькали лошадиные копыта и выложенная желтым камнем дорога. Краем глаза она успела заметить своих спутников, уже разоруженных. Они понуро стояли под присмотром троих всадников.

«Надо же, повезло им...—мрачно размышляла Соня.—Да мне бы только руки высвободить, я бы тебе показала везение...»

Однако скрутили ее умело, и она не могла не то что двинуть рукой, но даже поднять голову. Кавалькада свернула влево, лошади замедлили свой бег и остановились. Соню развязали и рывком сдернули с седла. Шагах в пятнадцати в окружении нескольких вооруженных мечами воинов в черной форме аквилонской кавалерии стояла высокая темноволосая женщина, одетая в короткую кожаную тунику. Ее плечи и грудь были защищены золочеными латами, такие же пластины прикрывали щиколотки ног. На голове у женщины сверкал золотой обруч — знак высокого происхождения.

«Не иначе как кенида Атлия»,— догадалась Соня.

Предводитель пленившего Соню отряда что-то говорил женщине. Слов было не разобрать, но по тому, как Атлия несколько раз подняла на нее загоревшийся взгляд, девушка сообразила, что речь шла о ней.

Она огляделась по сторонам. Обширный двор незнакомого дома заполняли вооруженные люди, пешие и всадники. В дальнем углу валялось несколько мертвых тел, но кто это был: мужчины или женщины, молодые, старые — она разглядеть не могла, их прикрывала небрежно брошенная попона.

У Сони потемнело в глазах. Кто эти люди? Что они делают здесь, в Салафре? Кто допустил такое

бесчинство? И главное... что с ее родными?! Неужели все убиты?..

Громкие выкрики, перемежаемые довольным смехом мужчин заставили ее обернуться. Несколько солдат, стоя кружком, наблюдали за действиями своего товарища, он тяжело сопел точно свинья. Соня сначала не поняла, чем они там занимаются, но, приглядевшись, увидела, что солдат насилует женщину, распластанную на колоде для колки дров, а зрители подбадривают его восклицаниями и гоготом.

Лица женщины не было видно, только бессильно свесившиеся вниз руки и согнутые в коленях ноги белели среди черных аквилонских мундиров. Иногда сквозь хохот и выкрики прорывались мучительные стоны.

«Аквилонские ублюдки!», — в бессильной ярости скрипнула зубами Соня и непроизвольно дернулась, но ее крепко держали за связанные руки.

Очередной солдат, насытившись, отошел в сторону, а на его место торопливо направился следующий.

— Довольно! — раздался повелительный окрик Атлии. — Приведите ее сюда!

Двое солдат, схватив женщину, поволокли ее к кениде. Бедрa и живот несчастной были окровавлены, и она была настолько измучена, что не могла стоять на ногах и неминуемо рухнула бы наземь, если бы не мужчины, державшие ее под руки.

— Ну как, будешь говорить, тварь? — громко спросила Атлия. — Или желаешь продолжить?

Раздался громкий хохот солдат, но кенида вздернула вверх подбородок, и все немедленно замолчали.

Соня, взглянув на женщину, вдруг с ужасом поняла, что перед кенидой и несколькими десятками солдат в черных мундирах, истерзанная до неузнаваемости, стоит ее мать, Сизри...

— Мама! — отчаянно закричала девушка и рванулась вперед, причем ее движение оказалось настолько сильным, что державший ее солдат чуть не упал, но его товарищ поспешил ему на помощь.

— Ух, крепкая, стерва! — с одобрением отозвался он, вздергивая руки девушки вверх, отчего она ощутила резкую боль в суставах. — Ничего, мы тебя успокоим.

— Ты будешь отвечать, тварь? — Атлия взяла Сигурни за подбородок, приподняв ее голову.

Мать Сони пошевелила губами, но слов не было слышно. Атлия коротко рассмеялась и опустила руку — голова несчастной вновь бессильно упала на грудь.

— Отведите ее к остальным! — последовал приказ, и солдаты волоком потащили бессильное тело к дому.

Соня, оцепенев, наблюдала за всем этим, пока не услышала голос офицера:

— Подведите ее к кениде!

Солдаты грубо схватили Соню за плечи и поставили ее перед предводительницей. В девушку вонзился изучающий взгляд холодных глаз. Окружавшие Атлию солдаты тоже пялились на Соню,

жадные взгляды словно прожигали насквозь. В схватке с солдатами у девушки порвалось платье, обнажив грудь, а она даже не могла прикрыться, потому что ее руки по-прежнему были связаны за спиной.

— Ты дочь купца Келемета? — раздался бесстрастный голос Атлии.

— Да, — ответила Соня, без страха смотря на кениду.

— Того, что раньше жил в Майране?

— Да.

— О тебе мне ничего не говорили... — задумчиво проговорила кенида. — И никаких распоряжений не было... Впрочем, едва ли тебе известно то, что нужно моим друзьям. Так что никто из них не будет в обиде, если я...

Она повернулась к одному из своих помощников и что-то тихо спросила у него. Тот в ответ кивнул головой.

— Я оставляю тебя живой, хорошая девочка, — словно говоря сама с собой, произнесла Атлия. — Если будешь примерно себя вести, тебя ждет сладкая жизнь, — прищурила она янтарные глаза с большими зрачками.

Соня вздернула голову и дерзко спросила:

— А что в твоём понимании значит примерно себя вести?

— Скоро поймешь, — недобро усмехнулась Атлия. — И на твоём месте я бы хорошенько подумала, стоит ли дерзить мне, наглая девчонка! Я еще не решила, подойдешь ли ты мне. Разденьте ее! — кивнула она солдатам.

Цепкие руки начали срывать с нее одежду, Соня, невзирая на тщетность попыток, сопротивлялась как могла. Однако против нескольких здоровых мужчин ей было не устоять: под гогот зрителей с нее сорвали всю одежду, а двое солдат продолжали держать ее так крепко, что она не могла даже двинуться. Никогда в жизни она не чувствовала себя столь униженной и беззащитной, как теперь, стоя совершенно обнаженной перед несколькими десятками скалящих зубы мужчин, чьи глаза алчно обшаривали ее тело. Казалось, даже их взгляды причиняют ей боль.

— Тихо, вы, жеребцы! — прикрикнула кенида на своих солдат. — Нечего пляться. Эта девочка не для вас!

Во внезапно наступившей тишине Соне стало еще нестерпимее ощущать направленные на нее похотливые взгляды.

— Действительно, на редкость хороша, — кенида облизнула губы острым алым язычком, и в ее глазах появился хищный плотоядный блеск.

Она шагнула к Соне и, протянув руки, стала бесцеремонно и жадно щупать шею, живот, крепко ущипнула за ягодицы, приподняла груди и, как бы взвесив их на ладонях, больно сжала.

Солдаты, цепко державшие девушку за разведенные в стороны руки, внимательно следили за каждым движением повелительницы, поворачивая и наклоняя Соню так, чтобы кениде было удобнее. Аквилонцы, невзирая на предупреждение Атлии, громко высказывали свое мнение о фигуре девушки, сопровождая слова взрывами хохота, если

кто-то особенно удачно, на их взгляд, описывал какую-нибудь часть ее тела. По спине Сони побежали мурашки, и впервые в жизни ей показалось, что она может потерять сознание — так мерзки для нее были эти жадные и жесткие прикосновения и ржание аквилонской солдатни. Глаза кениды слегка затуманились, словно у человека, жующего лист желтого лотоса.

— Хороша... молодая... упругая... — шептала Атлия, продолжая ощупывать тело девушки. — Ты мне подойдешь... Экая рыжая...

Она защемила пальцами соски груди Сони и довольно расхохоталась, когда девушка вскрикнула от неожиданности.

— Не бойся, это приятно. Я обещаю тебе сладкую жизнь, — повторила она, продолжая сжимать ее соски и внимательно следя за глазами своей жертвы. — Если будешь хорошо любить меня, то щедрости моей не будет предела...

«Что она несет?!» И тут же Соня поняла, что имеет в виду Атлия.

Девушке стало так гадко от пронзившей ее мысли, что она выкрикнула прямо в лицо кениды, даже не думая о том, к каким последствиям это может привести:

— Никогда! Да я скорее провалюсь сквозь землю, чем прикоснусь к тебе, мерзкая гадина!

Кенида опешила, ее глаза вспыхнули бешеной яростью.

— Ты кому это говоришь? — она схватила висевшую на поясе плетъ, и с размаху обрушила ее на незащищенное нагое тело девушки.

Соня вскрикнула, словно от ожога. Ее возглас только подзадорил Атлию, и она продолжила наносить все новые и новые удары, не выбирая места: по плечам, по груди, по спине, по лицу. Девушка извивалась от дикой боли, но была не в силах вырваться из рук солдат.

— Ты, грязная тварь! — приговаривала кенида. — Я тебя научу, как разговаривать с госпожой, рыжая паршивка, ты у меня станешь как шелковая!

В глазах Сони мелькание плети, хохочущие солдатские рожи и искаженное яростью лицо Атлии слились в одну бесконечно кружившуюся карусель. От боли у девушки потемнело в глазах и она, не в силах больше терпеть, громко застонала. В ответ раздались одобрительные выкрики зрителей.

— Ха-ха-ха! Совсем другое дело! Какой приятный голосок! — засмеялась кенида, и Соня, сжавшись в ожидании очередного удара, вдруг не почувствовала жгучей боли, которая должна была последовать вслед за свистом плети. — Ну что, немножко прояснилось в голове?

Девушка сквозь кровавую пелену с трудом различала лицо и крупные белые зубы, оскаленные в злобной усмешке. Соня едва держалась на ногах и неминуемо рухнула бы на землю, если бы не стражники.

— Не слышу ответа! — лицо Атлии придвинулось почти вплотную к девушке.

Даже не отдавая себе отчета в том, что делает, Соня откинула голову назад, и ее плевок угодил прямо в левый глаз кениде.

— Похотливая сука! Никогда! — с трудом выговорила она.

По рядам окружавших кениду людей прошел ропот, в котором Соня расслышала не столько осуждение, сколько сильное изумление. Атли отпрянула, и ее лицо еще больше исказилось от ярости, почти утратив человеческие черты. Сей час оно напоминало морду взбешенного зверя. Девушка, прекрасно понимая, что сейчас после дует, закрыла глаза и мысленно попрощалась жизнью.

— Отдай ее нам, повелительница! — различила она сквозь шум и выкрики толпы чей-то голос. — Мы ее быстро обучим хорошим манерам!

Гогот солдат был похож на рев хищников.

— Нет! — вытерев лицо шелковым платком заботливо поданным кем-то из слуг, кенида пристально посмотрела на Соню. — Хватит вам пока ее матери, а потом найдете других! Если не мне то и не вам, похотливые псы! Я предпочитаю чтобы рыжая тварь осталась в сознании. Пусть она как следует насладится перед смертью тем что увидит в доме. Отведите ее туда!

Соню поволокли к дому и, открыв дверь, швырнули внутрь. Девушка, опираясь на руки, с трудом приподнялась. В доме было полутемно из-за закрытых ставень, и она не сразу поняла, что за светлые пятна видны на противоположной стене. Снаружи доносились крики солдат, стук молотка.

«Они хотят заколотить дверь, чтобы я не могла выбраться из дома, — сообразила Соня. — А что потом?»

Долго размышлять над этим ей не пришлось.

— Поджигайте! — различила она голос Атлии.

«Они сожгут меня здесь заживо!» — Соня, превозмогая боль, поднялась на ноги и пошла вглубь помещения, к лестнице, которая вела наверх.

И в этот момент она смогла различить то, что сначала в полумраке комнаты показалось ей пятнами. Девушка почувствовала, как ее волосы поднимаются дыбом и тело начинает сотрясать крупная дрожь. На стене были распяты ее мать и отец. Их нагие тела со следами ожогов и ударов бичом, обвисли на крючьях, к которым были привязаны за руки; лица искажала предсмертная мука. Все вокруг было залито кровью.

«Вот что она мне приготовила... — с ужасом подумала Соня, вспомнив слова Атлии. — Но почему? Что ей было нужно от нас?»

Однако раздумывать об этом времени не было: снаружи слышался треск горящего хвороста, которым обложили дом, чтобы побыстрее занялось. Сквозь щели в стенах начал проникать едкий дым, заставивший Соню надрывно закашляться. Она заметалась по комнате, рванулась было вверх по лестнице, но второй этаж, в отличие от первого, построенный из дерева, уже пылал вовсю. Девушка поняла, что из этой огненной ловушки ей не выбраться, если только не произойдет какого-нибудь чуда. Дым стелился по полу помещения; скоро дышать станет нечем. Соня, скорчившись, забилась в угол комнаты, рядом с телами ее родных, стараясь не поворачивать головы в ту сторону. Вид распятых был ужасен, особенно, когда сполохи огня,

горевшего наверху, падали на их лица. Рев пламени напомнил девушке, что нужно действовать, иначе ее ждет страшная смерть. Она в тоске оглянулась вокруг, и вдруг откуда-то послышался слабый стон.

«Хункар! Висхан! Где же они?» — мелькнула в голове девушки странная мысль. Действительно, ее братьев здесь не было. Но, скорее всего, именно их тела она видела перед домом, средиtrupов слуг.

Стон повторился. Соня, согнувшись, подошла, или, скорее, почти подползла к телам своих родных. Ей показалось, что голова отца шевельнулась. Так и есть! Соня приподнялась повыше. Веки Келемета дрогнули, глаза невидяще уставились на дочь.

— Отец! Отец! — отчаянно закричала Соня. — Ты жив?

Разбитые губы Келемета шевелились, но она не могла разобрать слов.

— Что ты говоришь? Отец! Я не понимаю тебя!

Его голова вновь бессильно упала на грудь. Соня припала к окровавленной груди отца и отчаянно зарыдала.

— Сундук... — снова послышался едва различимый хрип.

Девушка подняла голову и сквозь заливавшие глаза слезы увидела, что отец вновь приподнял веки. Он с невероятным трудом разлепил губы и произнес на этот раз более четко:

— За ним ход... Спасайся... Соня... — На губах гирканца выступила пена. Казалось, он тщится

вымолвить что-то еще, что-то невероятно важное, но девушка расслышала лишь: — Прости. Это я... виноват...

И еще, кажется: «Отомсти...»

Видно это последнее напряжение воли истерзало все силы, которые оставались в его истерзанном теле. Голова Келемета свесилась вниз, и более он не подавал никаких признаков жизни. Соня откинулась назад, все еще держась за плечи отца и ничего не понимая, но вдруг все слова, которые она уловила, связались в одно целое.

«Под сундуком — потайной ход! Если это так, я действительно смогу выбраться отсюда!»

Девушка бросилась в тот угол, где стоял огромный, обитый полосами меди сундук. Соня помнила его еще по Майрану. Задыхаясь в едком дыму, который заполнял уже почти все помещение, она попыталась сдвинуть с места тяжелый сундук, но это ей не удалось. Ноги скользили по полу, она несколько раз падала, продолжала толкать сундук, стоя на коленях, снова вставала и упорно, пядь за пядью двигала и двигала его в сторону. Из глаз текли слезы, Соня кашляла, задыхалась, но эта неимоверно тяжелая работа была ее единственным шансом на спасение. Уже показалась медная крышка люка...

Последнее усилие — и Соня, наконец, полностью освободив люк, вцепилась в позеленевшее от времени кольцо и с трудом приподняла тяжелую крышку. Это отняло у нее почти все силы. Девушка буквально скатилась вниз по деревянным

ступеням. Сознание почти оставило ее, однако она догадалась приподняться и захлопнуть крышку люка, после чего перед глазами у Сони померкло, и она провалилась во тьму.

Глава вторая

Соня не знала, сколько времени пролежала на холодных плитах пола, прижавшись головой к полуразвалившимся деревянным ступеням. Она очнулась от грохота где-то над головой — это рухнули прогоревшие балки перекрытий. В кромешной тьме девушка не могла различить ничего вокруг, и только запах дыма, проникший сюда, подсказывал ей, что наверху продолжает пылать огонь. Соня встала на колени и пошарила руками по сторонам. Ее пальцы нащупывали лишь шершавый камень стен, но в одном месте рука провалилась в пустоту, откуда тянуло затхлым запахом слежавшейся земли, мокрого дерева — там, без сомнения, был ход.

Лаз оказался очень узким; Соня медленно продвигалась вперед, ощупывая стены и пол, несколько раз она больно стучалась головой о низкий свод и натывалась на стену, когда туннель поворачивал в сторону. Девушке страшно хотелось пить, она облизывала языком пересохшие губы и упря-

мо продвигалась вперед. В некоторых местах она с трудом протискивалась, обдирая голые бока. Все существо девушки сейчас стремилось к глотку свежего воздуха, прочь от того кошмара, который ей только что довелось пережить.

Подземный ход казался нескончаемым, и Соня подумала, что она проползла так уже под всем помещьем и выберется — если, конечно, у этого подземелья вообще есть выход наружу — где-нибудь... она даже не могла представить себе, в каком месте, потому что не знала направления, в котором двигалась, да и думать об этом у нее не просто не было сил.

Несколько раз Соне казалось, что впереди — тусклый свет, и она облегченно вздыхала, надеясь, что бесконечный путь все-таки заканчивается, но спустя некоторое время понимала — спасительный выход ей всего лишь мерещится. Девушка совершенно не представляла себе, сколько она провела здесь часов... иногда в помраченном сознании казалось, что и дней.... Иногда у девушки возникала безумная мысль — вернуться назад и попробовать выбраться наружу сквозь пепелище родного дома, но лаз был настолько узким, что она просто не смогла бы повернуть в обратную сторону.

Ход стал подниматься вверх, но Соня поначалу не придавала этому никакого значения — мало ли как неведомый строитель проложил этот лаз. Когда перед ней возникла стена, девушка догадалась, что подземная дорога, по всей видимости, подошла к концу. Соня подняла руки вверх, и

поскольку еле доставала в этом месте до потолка, то с наслаждением выпрямилась — впервые за долгое путешествие по этому проклятому туннелю.

Она пошарила вокруг себя, потрогала стены и чуть правее того места, где наткнулась на препятствие, ощутила холодок металла и шершавость старого дерева. Дверь и засов! Девушка попыталась сдвинуть его, и железяка поддалась, со скрипом отъехав в сторону, после чего дверь послушно двинулась наружу. Оттуда повеяло теплым воздухом, и Соня сразу же осознала, как она замерзла в этом подземелье. Она осторожно просунула голову в образовавшуюся щель и осмотрелась. Судя по скудному свету, что просачивался сквозь полуразрушенные кирпичные стены не то остатков башни, не то круглого небольшого храма, стояла глубокая ночь. Соня прислушалась. Вокруг было тихо, и тогда она решила выбраться наружу, для чего ей пришлось вновь опуститься на четвереньки, потому что дверца, как и большая часть туннеля, оказалась очень низкой.

Пол покрывали обломки камней и толстый слой пыли. Несколько широких окон по окружности стен придавали помещению сходство с садовой беседкой, если бы не полное отсутствие крыши. Соня осмотрелась по сторонам, но не обнаружила никаких признаков выхода. В нишах стены были возвышения, на которых по всей видимости, когда-то стояли статуи.

«Заброшенный храм» — догадалась девушка. Кажется, Хункар рассказывал ей о каком-то капище, под самыми стенами Кешемкена. Якобы, его

возвели в свое время аквилонцы, хотя Соня и представить не могла, чего ради бы им делать это — разве мало святилищ в самом городе? Да и слишком древним выглядело это сооружение. Наверняка, таинственные зодчие возвели его задолго до прихода врагов с Запада на эти земли.

Девушка присела на остатки какого-то каменного постамента и съежилась, обхватив руками плечи.

«Проклятье! После всего, что случилось, после гибели моих родных... и еще эти мрачные развалины... Даже невозможно попросить богов о милосердии, если это и впрямь аквилонский храм. О, проклятые аквилонцы! — Соня сжала кулаки в бессильном гневе. — Я отмщу вам, клянусь!»

Внезапно помещение озарилось слабым розоватым светом, и девушка в страхе вскочила на ноги, озираясь по сторонам и пытаясь определить, откуда исходит это сияние. Ей показалось, что противоположная часть каменной кладки зашевелилась. Соня отскочила назад. Грубые сколы блоков на глазах выпрямлялись; стирались и исчезали трещины и швы между камнями.

Девушка, прижав руки к груди, как замороженная глядела на происходящее, не в силах двинуться с места. На серой поверхности проступили сначала зыбкие и только угадываемые, а потом все более четкие и ясные очертания огненной рысьей морды с темным носом и раскрытой розовой пастью, и глаза — зеленые, яркие, словно светящиеся. Изображение заняло почти всю стену. Соня вздрогнула и сжалась в комок от ужаса.

— Не бойся,— голос прошелестел где-то поверх нее,— твои родные будут отмщены. Их смерть не останется безнаказанной. Мы поможем тебе...

Потом — нестерпимо яркая вспышка... и Соня упала на землю, закрыв лицо ладонями. Когда она вновь открыла глаза, все было по-прежнему: темный небосвод над головой и мрачные стены окружавших ее руин.

«Померещилось от усталости и всего остального...» — Девушка встала на ноги, зябко поводя плечами. — Как же мне выбраться отсюда? — она с недоумением посмотрела на окна, которые были расположены на высоте примерно десяти локтей, так что даже подпрыгнув, вряд ли удалось коснуться их нижней кромки. — Надо более тщательно ощупать стены», — решила Соня.

Вскоре девушка обнаружила, что вполне может добраться до одного из окон, если воспользуется углублениями в кладке. Она так и сделала, и через несколько мгновений уже рассматривала открывшуюся перед нею картину. Ее глаза после длительного времени, проведенного в темном тоннеле, даже при слабом свете безлунной ночи прекрасно различали и спящий перед ее глазами небольшой городишко, и далекие костры ночной стражи, и даже отдельные ветви деревьев, чьи темные громады подступали почти к самой башне. Соня свесила голову вниз, выбирая место, куда бы можно было прыгнуть без риска сломать себе ноги или шею, и от резкого движения почувствовала боль в ссадинах, оставленных плетью кенеды Атлии.

«Боги! — вспомнила она. — Я совсем нагая! Как же появиться на улицах городка? Ночную темноту рано или поздно сменит свет солнца, и что мне тогда делать?»

Девушка села в проеме окна, раздумывая, как поступить. Она чувствовала дикий голод и жажду, которая была еще нестерпимее, и перед которой отступали даже боль в истерзанном теле и озноб.

«Не стоит зря терять время, — решила Соня. — Пока темно, попытаюсь что-нибудь раздобыть: сперва воды, а потом какого-нибудь тряпья. Первый раз что ли по чужим домам шарить? Спасибо Удоду, успел научить... И Хункару...»

Она еще раз внимательно огляделась и, уже не раздумывая, прыгнула вниз — достаточно удачно, только слегка ушибив ногу о камень, хотя высота была довольно-таки значительной. Город спал, и окраинная улочка, на которой очутилась Соня, была совершенно пустынна. Прижимаясь к изгородям и стенам редких домов, девушка направилась вдоль по улице.

Ей был совершенно незнаком этот городишко, и она не имела ни малейшего представления, в какую сторону лучше идти. Дворы и дома, тесно толпившиеся по обеим сторонам немощенной грязной дороги, не производили впечатления, что их жители обладают хоть каким-то достатком. Здания, в основном одноэтажные, были построены из глины, а тростниковые изгороди уже давно требовали ремонта.

Жажда и голод подгоняли Соню вперед и заставляли торопиться, хотя она не знала, что ждет

ее за ближайшим поворотом. Внезапно легкий шорох чьих-то шагов заставил ее еще теснее прижаться к забору... Из-за угла дома выскочила всего лишь бродячая собака, которая, настороженно глядя на девушку, обошла ее стороной, предпочитая, видимо, не связываться с человеком. Соня облегченно вздохнула, радуясь тому, что собака не залаяла, переполошив спящих жителей. Ей совсем не улыбалось попасться сейчас в таком виде на глаза хозяину одного из этих унылых дворов, разъяренному тем, что его подняли среди ночи.

Соня заглядывала во все дворы, безуспешно пытаясь найти хоть какой-нибудь колодец или любой другой источник, из которого можно было бы напиться, но безуспешно. Наконец в одном из дворов рядом с сараем она заметила деревянную бочку. Девушка перемахнула через плетеный забор и, прихрамывая, побежала к бочке. Она даже не удосужилась проверить, есть ли у хозяев сторожевой пес, но, на ее счастье, собаки в этом дворе не держали.

Бочка оказалась наполовину заполнена водой, и Соня, не тратя времени на поиски в темноте какого-нибудь ковша, горстями подносила воду ко рту и пила, пила, пила... Вода была не слишком свежей, с привкусом глины и мокрого дерева, но и она доставляла ей сейчас невыразимое блаженство и казалась вкуснее любой другой, какую когда-либо приходилось пробовать.

Утолив жажду, Соня постояла некоторое время, собираясь с мыслями. Она так спешила, что проливала воду на себя, и теперь ссадины на ее

теле вновь напомнили о том, что случилось сегодня. Или вчера? Соня не знала, сколько времени прошло с тех пор, как захлопнулась крышка люка в доме ее отца, и она очутилась в узком туннеле. Слишком тяжелы были переживания и труден путь под землей, чтобы думать сейчас об этом.

Однако от другой мысли отделаться оказалось сложнее. «Что было нужно аквилонцам от моей семьи? — девушка впервые задала себе этот вопрос, но ничего путного ей на ум пока не приходило. — Эта тварь Атлия явно пыталась что-то выведать. Правда, аквилонцы и сами большие любители пограбить, но сюда они явно пришли по ее приказу. К тому же она упоминала неких друзей, которые, якобы, ничего ей не говорили о Соне... Интересно, какие у этой дряни могут быть друзья?» Девушку передернуло при одной мысли о этом.

«Так что это был явно не случайный налет. Эти люди пришли в Салафру, именно чтобы расправиться с моими родственниками. Странно... По какой причине? — задавала себе вопрос за вопросом Соня, но ответа найти по-прежнему не могла. — Прошлые дела моего отца? Нет, вряд ли. Уже много лет он не занимался разбоем, а уж с аквилонцами или Атлией точно не встречался. Или я все-таки чего-нибудь не знаю?»

Ее размышления прервало легкое дуновение поднявшегося ветерка. Неприятный озноб охватил тело девушки и напомнил, что она все еще не решила вопрос с одеждой — местные жители вряд ли правильно поймут ее, если она голой

пройдется по улицам. Стало чуть светлее, видимо, приближался рассвет. Соня оглянулась на сарай и увидела, что его дверь не заперта на замок, а просто задвинута на засов.

«Взгляну, что внутри, — подумала она. — Может быть, я найду там хоть какую-нибудь попону, чтобы прикрыться».

Девушка отворила дверь. Внутри было тихо, и в нос ей вместо теплого воздуха хлева ударил кислый запах, который не спутаешь ни с чем: она попала в мастерскую шорника или скорняка. Так могли пахнуть только шкуры, растянутые для просушки или дубящиеся в чанах с ивовой корой.

«Ну, что ж, — усмехнулась про себя Соня, — повезло. Глядишь, и какую-нибудь одежонку найти удастся».

Девушка обшарила помещение, спотыкаясь о связки кож и стучаясь о бочки, но поняла, что боги отмеряют удачу частями: на этот раз ей повезло не так сильно, как с подземным ходом. Однако она все же нашла длинную кожаную безрукавку, которая прикрывала ей ноги почти до середины икр.

Самое главное — на одном из столов лежали несколько остро заточенных ножей! Девушка подпоясалась широким кожаным же ремнем, а потом выбрала себе пару ножей — хоть какое-то оружие — и засунула их за ремень.

Прислушавшись, не доносится ли снаружи каких-либо подозрительных звуков, она покинула кожевню и вышла во двор, который был пустынен, как и прежде. Уже светало; ее могли заме-

тить из окна дома, если бы кому-то не спалось и взбрело в голову выглянуть во двор.

«Пора убираться отсюда»,— решила девушка. Перемахнув через изгородь, она вновь очутилась на пыльной улочке.

Теперь ее не мучила жажда, да и наготу свою она сумела прикрыть весьма достойным образом, так что можно было спокойно поразмышлять, что делать дальше. Очень хотелось есть и спать, но с этим пока приходилось повременить.

Глава третья

оня медленно прошла кривую улочку и очутилась на небольшой площади, точнее, на грязном пустыре, истоптанном конскими копытами и людскими ногами. Его окружали навесы и приземистые небольшие здания.

«Городской рынок! — догадалась девушка.— Нужно быть полной неумехой, чтобы не найти здесь какой-нибудь еды!»

К этому времени стало почти светло, и она осторожно пошла вдоль края рынка, чтобы не попасться на глаза стражникам, если таковые вообще имелись в этом занюханном городке. Одним из украденных в кожевне ножей Соня пыталась открыть внушительного вида замки, висевшие на дверях.

Пару раз это удалось, но внутри девушку ждало разочарование: одно помещение было доверху забито тюками с шерстью, а в другом она нашла множество горшков и флаконов с различными травами и мазями.

«Проклятый лекаришка! Нет, чтобы среди своих снадобий оставить хоть что-нибудь пожевать!»

Соня уже обошла по кругу почти всю площадь, когда ее чуткое ухо уловило звук шагов в одном из переулков, причем, судя по знакомому ей бряцанию, в эту сторону направлялись несколько человек в латах. Звон доспехов, разговор, прерываемый взрывами смеха, заставил девушку на мгновение сжаться от ужаса. Она вспомнила солдатские рожи и обшаривавшие ее тело похотливые глаза.

«Аквилонцы?» — Соне вовсе не хотелось снова оказаться в их лапах, и она, быстро осмотревшись по сторонам, нашла убежище в щели между двумя невысокими строениями.

Девушка протиснулась в узкий проход и, достигнув конца глинобитной стены, спряталась между тыльной стеной и невысокой каменной изгородью, за которой росло несколько чахлах деревьев.

«Чей-то сад,— подумала Соня.— В крайнем случае смоюсь через него».

Бряцая железом, на площадь вышли несколько человек. Девушка не видела их из своего укрытия, но по голосам поняла, что это не аквилонцы, а, скорее всего, туранцы: они говорили так же, как и она сама, на той смеси туранского и гирканского языков, которым пользовались все жители северной части обширной империи. В столице Хаурана, где Соня провела целый год, многие слова выговаривались немного по-другому.

— Хорошо мы врезали этим ублюдкам! — продолжая начатый разговор, сказал один из солдат. — Не ожидали этого, чванливые морды!

— Так будет всегда,— поддержал говорившего густой бас,— давно пора показать этим потомкам шелудивых псов, кто является истинным хозяином Хайбории!

Солдаты — а судя по голосам, их было пять-шесть человек — прошли куда-то вперед и, видимо, остановились недалеко от Сони. По доносившимся звукам девушка поняла, что солдаты разводят огонь. Она осторожно проскользнула между стенами лавок и выглянула наружу. Так и есть, шагах в двадцати от нее уже весело потрескивал небольшой костерок, а пятеро солдат в форме туранской армии, усевшись вокруг него, вытряхивали на расстеленную тряпку какую-то снедь из своих мешков. У Сони засосало под ложечкой, и рот мгновенно наполнился слюной, она вспомнила, что не ела уже целые сутки. Туранцы тем временем быстро соорудили из нескольких палок примитивный вертел и поместили на него изрядный кусок мяса, от вида которого девушку просто согнуло пополам.

«Подойти и попросить поесть?» — пришла в голову мысль, но Соня тут же отвергла ее, поскольку понимала, как могут отреагировать солдаты на одинокую девушку, случайно встретившуюся им в пустынном месте.

Разумеется, лучше всего было бы убраться отсюда подобру-поздорову, но вид пищи и доносившиеся до ее ноздрей упоительные запахи словно приковали ее к месту, и девушка продолжала стоять неподвижно, высунув голову из щели между лавками.

— Жаль, не удалось схватить красотку, что ими верховодила,— разливая по кружкам вино, сказал один из солдат, улыбчивый смуглый человек с реденькой клочковатой бородкой,— в самом соку баба, что твоя кобылица! Уж мы бы не подкачали!

— Тебе все нейдет, Нияз,— захохотал один из его собеседников, солдат в аквилонских доспехах, которые, по всей видимости, достались ему в результате вчерашней схватки,— наши туранки ничуть не хуже! А эту еще не каждый и охомукает. Видел, как ловко она располосовала двоих наших?

— Да уж,— подхватил его слова другой солдат,— а как эта сука метнула кинжал в беднягу Касыма! Шеи— как не бывало... Тебе небось так не сумеет!

— Подумаешь!— презрительно скривил губы обладатель бороденки, которого собеседники называли Ниязом,— у него шея-то была не толще моего члена! Тоже мне шея, червяк какой-то, а не шея!

— Ты хочешь сказать, что у тебя червяк вместо?— чуть не поперхнулся от охватившего его смеха другой.— А как же ты собирался ее!— Эта мысль привела солдата в такой восторг, что он чуть не повалился на спину.

Остальные разделили его веселье, и раскаты хохота долго разносились над рыночной площадью.

— Да нет, я... ты не так меня понял, Абделькарим,— принялся оправдываться Нияз,— я совсем не то хотел...

«Жеребцы проклятые! — яростно сжала кулачки Соня.— Только об одном и думают, грязные свиньи! Ничем не лучше грязных аквилонских собак!»

Солдаты долго хохотали, похлопывая по плечу Абделькарима, выдавшего, как им казалось, на редкость удачную шутку, после чего вновь уселись вокруг костра, в изнеможении вытирая выступившие от смеха слезы. Они принялись отрезать куски мяса от окорока, насаженного на вертел, и жевали пищу, сдобривая ее изрядными порциями вина. Временами они вновь обменивались короткими фразами, из которых Соня поняла, что кому-то из жителей Кешекмена удалось ускользнуть от аквилонских рыцарей. Он поскакал в степь, и там жителям городка повезло — отряд туранской кавалерии встретился беглецу совсем недалеко от Кешекмена, и уже к концу дня аквилонцы бежали в горы, выбитые стремительной атакой. Кроме дома Келемета они успели разграбить всего несколько соседних дворов. Кенида Атлия едва избежала плена, когда несколько всадников попытались окружить ее, но благодаря своему искусству владения оружием все-таки ускользнула от погони с несколькими оставшимися в живых аквилонцами. Остальные ее спутники были убиты, их имущество и оружие поделили победители, чему и служили доказательством превосходные латы, ныне украшавшие плечи и грудь одного из солдат.

— А все-таки она отлично бросает нож,— с трудом, поскольку его рот был набит едой, проговорил Абделькарим,— тебе так не сумеет.

— Это ты так не сможешь! — горячо отпарировал до крайности уязвленный насмешками Нияз.— А я бросаю получше, чем какая-то там девка, кем бы она ни была!

Солдаты долго препирались, не забывая, впрочем, о еде, чем довели Соню почти до полного помутнения рассудка.

Тем временем туранские солдаты решили, что их спор по поводу того, кто из них лучше метает нож, должно определить состязание. Их внимание привлек столб, на котором когда-то висел фонарь, а сейчас осталась только торчавшая наверху железная спица.

— Я попаду в него с пятнадцати шагов! — Нияз уже отмерял расстояние. — Кто хочет попробовать? Ну, кто?

Он окинул взглядом компанию:

— По монетке, а?

Солдаты, отряхиваясь от приставшей к одежде пыли, подошли к нему. Выбрали кинжал, бросили жребий, кому начинать. Первым выпало забияке Абделькариму, но в этом деле он был гораздо менее искусен, чем в работе языком, и под язвительный смехок Нияза кинжал пролетел в целом локте от столба.

— И как только тебя взяли в нашу победоносную армию? — усмехнулся Нияз, довольный, что удалось посрамить товарища. — А, ребята?

— Да я не так встал, — оправдывался удрученный Абделькарим.

«Тоже мне вояка! — согласилась с Ниязом Соня, глядя в понурившуюся спину солдата. — Это тебе не с бабами возиться!»

Следующие два броска тоже были неудачными, и только Нияз и еще один солдат попали в цель и поделили между собой выигранные деньги.

— Вот так, — вновь усаживаясь на свое место, гордо заявил туранец. — Это не у меня червяк, а у тебя, вот он и мешает ровно встать! Или вообще не встает!

Теперь вся компания дружно хохотала над шуткой Нияза. Внезапно Соня, даже не взвесив как следует последствий своего поступка, вышла из своего укрытия — терпеть больше голод она была не в силах.

«Будь что будет! — решила девушка. — Улизнуть в крайнем случае всегда успею. Так они меня и догнали, ублюдки!»

* * *

— Я вижу, здесь у тебя нет достойных соперников. Не хочешь ли посоревноваться со мной? — Солдаты вскочили на ноги как ужаленные от неожиданного появления в нескольких шагах от них высокой фигуры в кожаном одеянии.

Они схватились за мечи, но, увидев, что это всего лишь молодая девушка, убрали их в ножны и, несколько оторопев, уставились на неожиданную гостью. Первым справился с оцепенением языкастый Абделькарим:

— Вот тебе и баба, Нияз, — усмехнулся он, указывая на Соню. — Ты, помнится, расстраивался... А тут подарок судьбы — сама идет!

— Ты что? — с трудом осознавая предложение девушки, обратился к ней Нияз. — Ты... что ли, хочешь со мной... в метании ножа?!

— Угу, — подтвердила Соня. — Если проиграешь, отдашь мне твой выигрыш у этих, — она кивнула

головой на солдат, и добавила: — И еще я поем мяса. Оно без чеснока, надеюсь?

Соня с детства не выносила ни запаха, ни вкуса этого овоща, но Нияз был настолько ошарашен ее наглым вызовом, что даже не удивился столь странному вопросу.

— Без чеснока...

— Прекрасно,— не спуская глаз с солдат, которые все еще не могли прийти в себя от необычности происходящего, продолжала девушка,— с двадцати шагов. Отмерь! — Ее обращение к одному из солдат звучало как приказ. Он послушно побежал к черте, проведенной сапогом Нияза, и, сделав пять шагов, остановился.

— Ну давай! — Соня указала Ниязу на столб.— Покажи, как надо!

Тот, горделиво подбоченившись, метнул свой кинжал, и клинок, отщепив кусочек дерева от столба, отлетел в сторону. Солдаты одобрительно зашумели.

— Великое дело! Похоже, вы никогда не видели настоящего броска! Смотрите! — Соня, усмехаясь, подобрала оружие и подошла к Ниязу.

Она даже не потрудились как следует изготовиться, а просто метнула нож снизу, из того положения, в котором держала его. Клинок зазвенел, вонзившись в сухое дерево где-то на уровне головы человека среднего роста.

— Демоны! — Один из зрителей отшатнулся назад, словно нож попал не в столб, а в его собственный лоб.— Бабы на такое не способны... Колдовство, не иначе!

— Ну?! — Соня в упор смотрела на Нияза.— Все видели? Игра была честной. Так я могу съесть это мясо?

Тот, словно находясь под действием магических чар, промычал что-то нечленораздельное, тупо глядя на нож, лезвие которого все еще дрожало.

— Колдунья! Точно! — завизжал Абделькарим, поддерживая своего товарища.— Ведьма! Хватай ее!

«Вот тебе и подкрепились! А следовало бы догадаться об этом с самого начала — я ведь знаю, что мужчины проигрывать не умеют...» — пронеслось в голове у Сони.

Она стремительно отпрыгнула в сторону, потому что один из солдат бросился к ней, намереваясь схватить за руку. Остальные, как оказалось, тоже не были новичками в военном искусстве и начали расходиться полукругом, отрезая ей путь к открытому месту. Нияз, стоявший чуть ближе остальных, усмехаясь, вынимал из ножен кривой меч:

— Не уйдешь, рыжая ведьма!

Он сделал два шага вперед, но Соня ловко увернулась от него и бросилась в сторону. Солдаты, поверив ее движению, рванулись за ней, но девушка, проскользнув между двумя ближайшими к ней преследователями, бросилась к спасительному проходу между лавками, где пряталась раньше. Выпитое вино сослужило плохую службу ее противникам, они несколько утратили быстроту движений и соображали медленней, чем было необходимо. Не останавливаясь, Соня метнула нож, однако орудие кожевника было не слишком при-

годно для точного броска, и она промахнулась: клинок ударил по шлему, но тяжелая рукоятка все же крепко припечатала по лбу нападавшего, и боль заставила его согнуться. Девушка, как ящерица, юркнула в щель, а бежавший за ней солдат, не оценив ширину прохода, застрял там, словно пробка в бутылке. Следом в его спину врезался Абделькарим. Звон их доспехов, наверное, был слышен далеко вокруг, но Соню это уже не волновало: перемахнув через забор, она в мгновение ока пробежала пустынный сад и, вскарабкавшись на следующую ограду, прыгнула вниз. Крики солдат за спиной раздавались где-то в отдалении, но шума погони она не слышала.

Сделав пару глубоких вдохов, чтобы восстановить дыхание после бешеного бега, Соня огляделась вокруг. Перед ней был маленький дворик, окруженный высокой глинобитной оградой. Несколько деревьев с толстыми стволами росли рядом с забором, их густые кроны почти полностью закрывали все пространство. В углу двора прилепился небольшой домик, сложенный из больших каменных глыб, неровных, словно накусанных из монолита чьими-то гигантскими зубами.

— Тебя кто-то преследует? — Соня подскочила от неожиданности и обернулась.

На нее спокойно смотрела невысокая старушка в потрепанном, но чистом балахоне неопределенного цвета, она стояла около покрытого зеленым налетом ствола одного из деревьев.

«Как же я ее не заметила?» — промелькнуло в голове у девушки, но времени на раздумья не

было — старуха, следя за ней ясными не по возрасту глазами, ждала ответа.

— Да, — честно призналась Соня, прикидывая, куда можно будет метнуться в случае опасности.

— Не бойся, — проследив за ее взглядом, сказала старуха. — Здесь ты в полной безопасности. Никто не будет тебя искать в этом дворе.

Соня повнимательней пригляделась к хозяйке дома. Возраст старухи определить было невозможно, если смотреть на ее лицо, темное и сморщенное, словно стручок фасоли, долго лежавший на солнце. Выцветшие от времени волосы имели скорее пепельно-бурый оттенок, такой, каким выделяется прошлогодняя трава на фоне молодой зелени. Глаза же старухи — пронзительно-зеленые, яркие, явно не соответствовали преклонному возрасту. Обычно у стариков глаза становятся бесцветными, но взгляд, устремленный на Соню, был пристальным и цепким, словно глаза рыси, уставившейся на добычу.

— Так кто же гонится за такой привлекательной птичкой? — Голос старухи, в отличие от ее молодых проницательных глаз, звучал невыразительно и тихо.

— Солдаты, — ответила Соня, уже не сомневаясь, что здесь ее не ждет опасность. — Туранские солдаты, — уточнила она.

— Конечно, милая, туранские, — кивнула головой старуха, — аквилонцев добили еще вчера. Но что тебя погнало в такую рань, почти ночью, на городскую площадь? Ты что, дня не могла дождаться?

Девушка перевела дух и в нескольких словах рассказала старухе о происшедшем с ней, не упоминая о своих родных, а представив дело так, будто солдаты кениды Атлии схватили ее на улице.

— Ты подумай...— недоверчиво пожевала губами старуха.— А сама-то ты откуда? Что-то на наших женщин не больно похожа.

Соня, не моргнув глазом, сочинила историю про отца и мать, живущих в Майране, к которым она якобы направлялась.

— И по пути заночевала в Кешекмене,— закончила за нее старуха, усмехнувшись. Непонятно было, верит она рассказу девушки или нет.

— Угу,— кивнула девушка.

— Что ж,— вздохнула старуха.— Похоже на правду. Давай-ка, голубка, в дом,— махнула она рукой, прислушавшись к звукам за высоким забором.— Доблестные стражи нашего порядка небось всю заняты твоими поисками.

С улицы и в самом деле донеслись крики и бряцание металла. Соня, не мешкая, последовала за своей новой знакомой в дом, который внутри оказался больше, чем можно было ожидать, глядя на него со двора. По крайней мере то помещение, куда попала девушка, производило впечатление достаточно просторного, а из него еще две двери вели куда-то в другие комнаты.

— Не бойся,— еще раз повторила старуха.— Здесь ты на самом деле в безопасности. Мне особенной заботы, кто ты да откуда, нет,— снова усмехнулась она, давая наконец Соне понять, что не очень-то поверила ее рассказу,— но мне не

нравится, когда солдатня заставляет такую хорошенькую девочку скакать по заборам. В первую очередь,— хозяйка пристально поглядела на девушку,— тебе надо помыться и сменить одежду. Эта безрукавка, которую ты стянула у шорника, не совсем удобна для приличной девушки.

Они вышли в полутемный коридор, и старуха проводила ее в маленькую каморку, где стояла высокая деревянная бочка с водой. Маленькое оконце под самым потолком проливало скудный свет на стены, по которым были развешены пучки пахучих трав и веток, а на длинной высокой лавке у стены лежала куча белого свежевystиранного тряпья.

— Раздевайся и полезай в бочку,— скомандовала старуха.— Я сейчас вернусь.

Она вышла, а Соня, мгновение поразмыслив, стянула через голову свое кожаное одеяние и, встав ногами на лавку, оттуда перелезла в бочку. Вода, к ее удивлению, оказалась теплой и душистой, ее запах напомнил девушке ароматы полевых цветов. Она принялась осторожно смывать водой застывшую на теле кровь. Раны немилосердно щипало, но Соня, стиснув зубы, продолжала свое дело.

— Вот так тебе будет легче.— Старуха появилась вновь, неся в руках кувшин.

Она подошла к бочке и вылила в нее содержимое сосуда, оказавшееся жидкостью пронзительно-голубого цвета. Вода вокруг Сони мгновенно вспенилась, и девушка почувствовала, как со дна поднимается множество мелких пузырьков, приятно покалывающих тело.

— Посиди подольше в этой воде,— сказала старуха,— и раны быстро заживут. Дело проверенное, можешь не сомневаться...

Она снова вышла и на этот раз долго не появлялась. Соня прислонилась спиной к стенке бочки и в изнеможении прикрыла глаза. Пузырьки ласково покалывали кожу, с нежным шорохом лопааясь на поверхности воды, и девушке казалось, что ее тело уносится куда-то ввысь. Иногда в мозгу вспыхивали картины недавних событий, но тут же исчезали, не задерживаясь надолго, и Соня вся отдавалась непередаваемому блаженству, никогда не испытываемому ею раньше. Запахи дурманили голову, и девушка подумала уже, что старуха подсыпала в воду сонного зелья, но и эта мысль сразу же покинула ее, уступив место легкости и радостному ожиданию чего-то невыразимо приятного...

— Ты не заснула? — Голос, зазвучавший где-то высоко над ней, заставил девушку открыть глаза и поднять взгляд вверх, но перед ней были только старые, потемневшие от времени доски низкого потолка.

— Я спрашиваю, не спишь? — вновь раздался голос, и Соня вытянула шею — перед ней стояла старуха с большим куском мягкой ткани в вытянутых руках.— Вылезай, пичужка, с тебя хватит. Слишком много хорошего тоже нельзя.

Девушка повиновалась и, легко подтянувшись на руках, перенесла сначала одну, а потом и другую ногу на лавку. Вода стекала с ее тела, капли с мягким шелестом падали на деревянный пол.

— Ишь, какая красавица! — одобрительно сказала старуха, рассматривая раскрасневшуюся Соню.— Эту Атлию можно понять.— По голосу говорившей нельзя было определить, всерьез она говорит или шутит, но девушку эти слова заставили вздрогнуть.

— Я и говорю: сука она! — убежденно продолжила старуха.— Паршивая развратная сука! Ну давай вытирайся, малышка.

Последнее уже относилось к Соне, старуха протягивала ей кусок мягкой ткани:

— Сейчас принесу одежду.

Девушка, осторожно прижимая ткань к телу, с удивлением осознала, как быстро отступила боль после купания в бочке. Она уже почти не чувствовала ни жжения, ни болезненного стягивания кожи в месте ссадин. Полотенце тоже пахло очень приятно, и его аромат на мгновение заставил Соню вспомнить совсем недавнюю жизнь в столице.

«Что делать дальше? — Она уже задавала себе этот вопрос, когда находилась в подземелье, но тогда не было ни времени, ни сил найти на него правильный ответ.— Мстить, конечно! — Соня сжала зубы.— Я должна расквитаться с Атлией и аквилонцами за смерть моих близких. Это не просто, но я все силы положу на это и добьюсь своего, чего бы мне это стоило!»

Она решительно тряхнула головой, ее глаза вспыхнули холодным решительным огнем, водопад золотисто-рыжих волос рассыпался по плечам.

— Вот тебе на первое время,— хозяйка вновь появилась в камере,— а дальше видно будет.

Соня отметила про себя, что старуха удивительно ловко и плавно движется для своих лет, но долго размышлять по этому поводу у нее не было желания. Девушка, с удовольствием ощущая мягкость полотна, продела руки в рукава просторной блузы, натянула мягкие кожаные штаны и шерстяную безрукавку. Крепкие, но изящные сапожки с окованными железом носками довершили новый наряд Сони.

— Совсем другое дело,— одобрительно сказала старуха.— Скромно, конечно, зато не так в глаза бросается в нашем захолустье. Меня зовут Текмесса,— сообщила она, глядя на Соню зелеными глазами, в глубине которых постоянно таилась какая-то усмешка.— Сейчас я тебя покормлю, а потом отдохнешь, птичка. О делах потом поговорим.

«О каких еще делах? — подумала Соня.— Чего ей от меня надо?» — Но за старухой пошла, потому что голод вновь напомнил о себе, и она, наверное, все бы отдала сейчас за горбушку хлеба или лепешку.

* * *

Ей снился странный и чудный сон — будто она гуляет по берегу моря и волны, набегая на песок, временами обдают ее тело мельчайшими брызгами, скорее похожими на легкий туман. Чайки уже не несутся с криками, а словно далекие кораблики покачиваются на спокойных волнах. Солнце висит над самой поверхностью моря, и его лучи не жгут, а только напоминают своим ласковым теплом о дневной жаре. Небо возле светила окра-

шено в желтые и розовые краски и, уходя от него ввысь, голубеет и синеет, и у самой кромки гор, которые обрамляют берег, его цвет уже почти сливается с темнотой скал. Внезапно из этой мглы возникает какой-то черный сгусток, который все увеличивается и увеличивается в размерах, и скоро Соня уже различает, что это птица, похожая на чайку, только гораздо крупнее. Раздается жуткий свист, похожий на вой бури, и гигантская черная птица, хлопая крыльями, закрывающими почти все небо, пытается схватить девушку огромными лапами с чудовищными когтями.

Соня бросается прочь от берега, от моря, которое только что дарило ей свежесть и прохладу. Она карабкается по каменистой осыпи вверх, достигает луга и бежит в высокой траве, отмахиваясь от чудовища, спотыкаясь и падая. Птица камнем бросается на нее, промахивается, вновь взлетает вверх, и тогда Соня видит, что ее крылья черные только снизу, а сверху — серовато-белые, и тогда она вспоминает: буревестник! Почему он хочет схватить ее? Обессиленная, девушка почти падает ничком в траву, но в этот миг чувствует, как ее тело обхватывают когти чудовища, она кричит от ужаса, но не слышит своего голоса, заглушаемого шумом крыльев и свистом ветра.

Но странно: она не чувствует боли, ей легко и приятно в таких страшных с виду лапах, Соня словно лежит в мягкой постели, как было в детстве, и мать склоняется с улыбкой над ней. Девушка не видит ее лица, но отчего-то с абсолютной точностью знает: это ее мать.

Но это видение продолжалось совсем недолго — мгновение, не больше. Теперь она плывет высоко над землей, над реками, лесами и степью. Вдали вновь мелькнула гладь моря, они все ближе и ближе к ней, и вот уже покрытое рябью водяное пространство заполнило все вокруг. Стремительно проносятся пенные гребни волн, птица снижается, почти падает, и от этого у девушки окончательно захватывает дух и в невыразимой тоске сжимается сердце. Впереди — темная громада скалистого острова. Они проносятся вдоль берега, и Соня успевает увидеть высокого худого черноглазого человека в накинутом на плечи плаще из лисьих хвостов. Он поворачивает голову вслед им, и в этот момент буревестник издает ужасный крик и отпускает Соню. Девушка чувствует, как, кружась в воздухе, она медленно, словно выпавшее в полете птичье перо, парит, опускаясь вниз, на землю, но глаз уже не различает ничего. Туман скрывает от нее и берег, и скалы, и черноглазого человека в странном одеянии. Она куда-то проваливается и уже не помнит ничего больше...

Когда Соня проснулась, то уже совершенно не ощущала ни боли, ни усталости — все улетучилось, даже следы от ударов на теле были едва заметны. День-два, и от них останется только воспоминание.

«Надо же,— осматривая себя в большом зеркале, висевшем напротив топчана, удивилась Соня,— вот кто колдунья-то, а вовсе не я. Чего только ни наболтают эти идиоты-мужчины, особенно когда женщине удастся поставить их на место...»

За дверью слышались шаги, и девушка, то-ропливо натянув на себя одежду, начала расчесывать волосы. В комнату вошла хозяйка. Соня еще раз поразилась тому, с какой совсем не свойственной старикам легкостью передвигается Текмесса.

— Проснулась? — удовлетворенно отметила старуха.— Вижу, вижу,— она махнула рукой в сторону открывшей было рот девушки,— все прошло, не так ли?

— Угу,— ответила Соня, ожидая дальнейших действий Текмессы.

— Ты говорила мне, что хорошо стреляешь из лука и бросаешь нож. Верно?

— Угу...

— Ты, я смотрю, немногословна,— усмехнулась старуха, и ее зеленые глаза блеснули весельем.— Что ж, это неплохо.

Соня молча стояла, наблюдая за старухой, которая на мгновение задумалась, видимо, пытаясь найти необходимое слово. Текмесса пожевала губами, отчего ее лицо сморщилось, приняв довольно комичное выражение.

— Мой племянник Гуинхей...— начала она, но вдруг остановилась и взглянула Соне прямо в глаза: — Ты, конечно, слышала о нем?

Девушка отрицательно помотала головой.

— В самом деле? — удивилась старуха, однако потом махнула рукой — мол, что взять с молодежи! — и продолжала: — Он живет далеко отсюда, в одном степном монастыре. Хочешь, я пошлю ему весточку, и он, может быть, согласится взять тебя на обучение?

— Мне сейчас совсем не до этого! — воскликнула Соня. — И вообще я уже достаточно чему научилась, мне этого по горло хватит. У меня имеются кое-какие дела именно здесь, так что мне не с руки покидать эти края.

«Действительно, сколько можно учиться? — подумала девушка. — Вот тоже мне, еще одна доброхотка хочет меня чему-то учить! Нетушки, хватит! Сейчас для меня самое главное — найти эту мерзавку Атлию и отомстить за смерть моей семьи».

— Да, конечно, — согласилась старуха, — я совсем забыла, тебе же надо продолжить путешествие, чтобы встретиться с родными. В Майран, если не ошибаюсь?

— Да, — угрюмо кивнула Соня.

— Но у тебя ведь нет ни денег, ни лошади, да и не пускаться же в такой длинный и опасный путь одной? — продолжала свои рассуждения Текмесса.

— Это так... — Возразить на столь разумное замечание девушке было нечего.

— У меня есть еще один племянничек, — сказала старуха таким тоном, будто этих племянников у нее были немерено, — он с другом собирается как раз в те края, и я могла бы попросить, чтобы они взяли тебя с собой.

— Племянник? — задумчиво повторила Соня. — А сколько ему лет?

— Еще не старик, — хихикнула Текмесса, — но я понимаю, о чем ты. На него можно положиться, приставать не будет, я ручаюсь. Да вот и он. — Она обернулась к двери и кликнула кого-то, ви-

димо ожидавшего в коридоре: — Можешь войти, Лабес.

В комнате появился невысокого роста плотный человечек лет тридцати с хитрым прищуром раскосых глаз. Его непропорционально большую голову венчала блестящая лысина, обрамленная венчиком из остатков слегка вьющихся волос. Короткая бороденка и усы придавали ему некоторое сходство с козлом. Одет человечек был небогато, но чисто, и на первый взгляд мог сойти за средней руки купца или писаря в какой-нибудь чиновничьей конторе.

«И на что он мне сдался? — спросила себя Соня. — Явный пройдоха и плут. Да и в Майран я вовсе не собираюсь. Ладно, — решила она, — посмотрим, что будет дальше, там разберусь. Все равно сейчас у меня нет ни монетки... вообще ничего... — грустно закончила она свои размышления. — Не сидеть же неизвестно сколько у этой старухи. Слишком уж она проницательная...»

— Я тебе говорила об этой девице, — обратилась Текмесса к вошедшему, который, склонив голову набок, спокойным изучающим взглядом смотрел на девушку. — Возьмешь ее с собой в Майран.

— Как скажешь, — усмехнулся Лабес, но в его глазах нельзя было прочесть, доволен он поручением старухи или совсем наоборот.

— Ты поедешь с Гертли? — спросила Текмесса.

— С ним, а с кем же еще?

— Тогда я спокойна за нее, — кивнула Текмесса и повернулась к Соне: — Собирайся, голубка, —

но увидев недоумение в глазах девушки, хлопнула себя по лбу: — Глупая старуха, тебе же нечего собирать, совсем забыла. Если тебе надо в Майран, лучших попутчиков тебе не найти.

«Я-то, надо заметить, еще ничего не решила,— подумала Соня,— но пойду, если уж она так этого хочет. Надо выбираться отсюда... А уж потом поразмыслю, что делать. Старуха в общем-то ничего плохого мне не сделала, только добро, но все же этот домик не совсем обычный. Лучше, если я как можно скорее унесу отсюда ноги».

— Спасибо тебе, Текмесса,— поклонилась она старухе.— Я не забуду, с какой заботой ты отнеслась к бедной одинокой девушке.

— Ступай,— мягко подтолкнула ее в спину старуха,— только помни...

Соня удивленно обернулась.

— Если решишь насчет монастыря, то знаешь, как найти меня,— уверенно сказала старуха, как будто у нее не было никаких сомнений в том, что Соне придется обратиться к ней.

— Договорились,— буркнула девушка.

«Сдался ей этот монастырь,— усмехнулась девушка про себя, шагая вслед за Лабесом.— У меня дел по горло, а она все про науку какую-то толкует... Чудно!»

Они прошли двор и, открыв калитку в заборе, оказались на пыльной улочке. Крытая повозка, запряженная двумя мохнатыми лошаденками, стояла прямо перед воротами.

— Садись,— предложил ей Лабес, указывая на козлы.

— Зачем? — спросила Соня, не ожидавшая, что все произойдет так быстро.

— Как зачем? — удивился Лабес.— Сейчас и поедем, чего мешкать? Заглянем только за моим приятелем, и в путь.

Соня, сбита с толку быстротой событий, тем не менее не стала спорить и вспрыгнула на козлы. Лабес уселся рядом с ней и взял в руки вожжи:

— Ну, тронули,— присвистнул он на лошадей, и те послушно, хотя и неспешно взяли с места.

Соня, прислонившись к стенке повозки, равнодушно взирала на улочки городка, которые видела в общем-то впервые: езда под брюхом аквилонского коня и ночной поход к рыночной площади были не в счет.

— Стой! — Лабес натянул вожжи.— Привет, Гертли! Садись!

Соня наклонилась вперед, чтобы разглядеть того, к кому обратился ее спутник, и ее брови поползли вверх от удивления: человека такого огромного роста и телосложения ей, пожалуй, еще не приходилось видеть. Перед ней был истинный великан!

— Привет! — пробасил гигант.— А это что за красавица? — Он указал на Соню.

— Тетка пристроила,— лениво процедил Лабес.— Ловкая девчонка, сразу видно, так что пригодится в пути, обузой не будет. Зовут Соней. А это Гертли.— Он повернулся к Соне,— мой друг.

«Чего он мелет? — спросила себя девушка.— Для чего это я пригожусь? Мы ведь просто едем в Майран, ни о чем другом разговора не было...»

Верзила дружелюбно кивнул Соне в знак приветствия и, взобравшись на козлы, с трудом поместился рядом со своим товарищем.

Лабес чмокнул губами, и послушные лошади двинулись вперед.

— Выедем за городские ворота,— повернулся он к Соне,— и тогда обсудим все наши дела. Ты ведь действительно собралась в Майран?

Соня только кивнула в ответ, и тут же краем глаза уловила направленный на нее взгляд гиганта, в котором читалось искреннее восхищение.

«Еще чего не хватало! — Девушка надменно вздернула вверх подбородок и отвернулась.— И этот туда же!»

Она уже привыкла к тому, что большинство мужчин, увидев ее, начинают оказывать ей особенные знаки внимания. По правде говоря, галантные ухаживания столичных кавалеров были все-таки приятнее, несмотря на то, что желание обладать ею читалось в их глазах так же легко, как и во взглядах простых вояк.

«Но эти двое, хоть и довольно странные, все-таки выглядят поприличнее многих, а в случае чего я же не веревкой к ним привязана»,— пришла Соня к утешительному для себя выводу и, успокоившись, расслабилась и прикрыла глаза.

Глава четвертая

Дни проехали городские ворота, где Лабес перекинулся парой соленых шуточек со стражниками, и вот уже повозка, подпрыгивая на неровностях проселочной дороги, неспешно покатила на север. Слева вырастали вершины Кезанкийских гор, справа и впереди до самого горизонта простиралась однообразная плоская степь, кое-где оживляемая темными пятнами перелесков и серебряным блеском ручьев и речек.

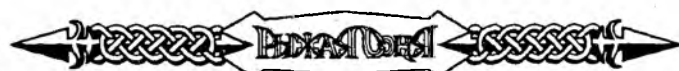
Соня, невидяще уставившись перед собой, молчала, не обращая внимания на своих спутников. Только теперь, когда миновала круговерть последних дней и уже не надо было выкарабкиваться из опасностей и бороться за жизнь, когда она не чувствовала ни голода, ни жажды, пришло страшное осознание того, что случилось, и перед глазами девушки вновь возникли искаженные мукой лица родных, злобные глаза Атлии, ухмыляющиеся рожи аквилонцев... Она только сейчас в полной мере поняла, что осталась одна, совсем одна

на всем белом свете, и почувствовала себя брошенной и никому не нужной.

«А Эйдан и Ална,— вдруг с надеждой подумала девушка,— может быть, им все же удалось спастись?.. Нет, скорее всего, под той грудой мертвых тел были и мои брат и сестра,— вспомнила она прикрытые попоной трупы во дворе.— Не стали бы аквилонцы специально складывать там убитых со всего города. Да, и как я поняла, они особенно не стремились побывать в других местах. Аквилонцы как волки — разорвут добычу, насытятся и уйдут...— Соня с бессильной ненавистью сжала кулаки.— Клянусь, что отомщу за все, и аквилонским собакам и мерзавке Атлии».

Даже утренняя свежесть, напоенная запахом полевых трав и степных маков, была не в силах отвлечь ее от тяжелых дум. Девушка, сжавшись на козлах и втянув голову в плечи, даже не обращала внимания на происходящее вокруг, не говоря уж об окрестных пейзажах. Все произошло так быстро и неожиданно, что она чуть не впервые в жизни растерялась и покорно позволила распорядиться своей судьбой — хотя бы и на короткое время. Может быть, всему виной было пережитое ею за последние два дня, гибель родных — такое и у более зрелого и опытного человека способно отнять на некоторое время как разум, так и волю и желание действия. У Сони и в мыслях не было ехать в Майран, а вот теперь благодаря своим неосторожным словам и не в меру проницательной Текмессе она тряслась в повозке вместе с незнакомыми ей и непонятно чем занимающимися

мужчинами. Лошади все дальше увозили ее от столицы, и предпринимать что-либо поздно: не оставаться же одной в степи, без денег, без лошади, без оружия...

Ее спутники тоже помалкивали. Искоса поглядывая на них, Соня никак не могла пронять, кто же они. На купца, как показалось ей тогда, у Текмессы, Лабес все-таки похож был мало, несмотря на его вполне благообразную внешность. Что-то проглядывало в его облике лихое, напоминавшее ее «друзей» из майранских шаек.

«Может быть, плотники или там печники? — подумала девушка, но тут же отмела свое предположение: — Нет, вряд ли».

Лабес, уловив ее взгляд, усмехнулся, подмигнул девушке и запел хрипловатым и слегка надтреснутым голосом:

Если б не был сиротой,
Ехал бы сейчас домой,
А поскольку дома нет,
Мне жилище — целый свет.
Как звать твою мать? Нам ее не отыскать!

Если б не был сиротой,
Был бы парень я простой,
Пас коней, доил коров,
Не кидал бы лопухов!
Как звать твою мать? Нам ее не отыскать!

Если б не был сиротой,
Поженились бы с тобой.
Лучше ты меня забудь —
Переспим, и снова в путь.
Как звать твою мать? Нам ее не отыскать!

Гертли оживился при звуках голоса товарища и с удовольствием подхватывал припев своим густым, но тоже хриплым басом, подпрыгивая на козлах и помахивая рукой в такт словам, отчего повозка шаталась и отчаянно скрипела — Соня даже испугалась, как бы она не развалилась прямо под ними посреди степи.

— Хорошо поем! — похвалил себя Лабес и снова подмигнул девушке: — Гляди веселей, подружка! Прошлого не вернешь, а жить дальше все равно надо! Расслабься, а то сидишь такая несчастная — у меня аж сердце заходится. Я, знаешь ли, человек чувствительный и жалостливый. Мне старуха рассказала про тебя кое-что, — он на мгновение нахмурился, — понимаю, как сильно ты влипла. Но что поделаешь? Судьба! С тем, что случилось, ничего не поделаешь, а вот свои будущие действия имеет смысл получше обдумать.

Лабес чуть присвистнул на лошадок, и те резвее застучали копытами.

— Раз старуха поручила тебя нам, можешь не беспокоиться, сыта и одета будешь. И сон в тепле, — засмеялся он, — а это ведь почти самое главное в жизни. Так?

— Может быть, — буркнула Соня.

— Ну и хорошо. — Лабес затянул следующую песню, которая не сильно отличалась по содержанию от первой, разве что была куда более непристойной. Гертли вновь, как и в прошлый раз, с удовольствием орал припев, да так громко, что встречавшиеся им стайки куропаток с ворчливым кудактаньем убегали подальше в степь.

— Зачем вы едете в Майран? — решила задать вопрос Соня, когда певцы решили перевести дух.

— А мы не собираемся туда, — усмехнулся Лабес, — во всяком случае пока что. Дальше посмотрим, как дела пойдут. Ты ведь, собственно, тоже не намеревалась туда отправляться?

— Но... ведь Текмесса... — начала было девушка.

— Она так думала, — Лабес хитро сощурился, — просто я ей как-то сказал, что хотел бы побывать в этом городе.

— А чем вы, собственно, занимаетесь? И откуда родом?

— Чем занимаемся — скоро увидишь, — махнул рукой Лабес. — Дело прибыльное, у тебя наверняка получится, верно, Гертли? — повернулся он к своему приятелю, который, дружелюбно ухмыляясь, слушал их беседу. — А родились мы почти рядом, но по обе стороны этих вот Кезанкийских гор: я — в Заморе, а он в Бритунии, да только вот так давно покинули те края, что уж и забыли, как они выглядят.

— Да уж, — пробасил гигант, во все глаза глядя на Соню.

Больше Соня вопросов не задавала, хотя из сказанного Лабесом толком ничего не поняла. Вскоре они остановились на небольшой отдых в лесу у круглого, как монета, озера. К вечеру их повозка уже въезжала в небольшой городок.

— Давненько мы не были здесь, — заметил Лабес, когда они миновали окованные железом ворота, заплатив положенную дань, — пожалуй, нас

могли и забыть в этом занюханном городишке. Как ты думаешь?

— Хорошо бы,— отозвался его приятель.

Они остановились на постоялом дворе, на воротах которого была прибита петушиная голова, искусно вырезанная из дерева.

— Что-то я не помню этой гостиницы,— заметил Гертли.

— И к лучшему,— усмехнулся Лабес.— Значит, и тебя здесь не узнают. Хотя, конечно, такой видный мужчина, как ты...

Они заняли пару комнат на втором этаже, и Лабес, наказав своим спутникам ждать его и никуда не уходить, накинул плащ с капюшоном и отправился в город, бросив на прощанье:

— Потолкаюсь немного в тавернах, может быть, узнаю что интересное... Ты смотри, чтобы все было в порядке,— велел он Гертли, на что тот только ухмыльнулся: мол, не беспокойся.

Предупреждение для Сони в общем-то лишнее: в незнакомом городе делать было особенно нечего. Девушка защелкнула задвижку своей комнаты и легла на кровать, подложив руки под голову.

«Наверняка мои новые знакомцы заняты явно чем-то не очень законным,— решила она, вспомнив все их немногочисленные намеки, брошенные при въезде в город,— не иначе, попала в какую-то шайку».

Однако этот факт, в котором она к тому же еще не была полностью уверена, не особенно испугал Соню. Около года назад в Майране ей пришлось заниматься подобными делами, и еще не-

известно, кто в нем более искусен — она или Лабес с Гертли. Если придется кого-нибудь грабить, так это для нее дело почти что привычное, вряд ли она потеряла обретенные навыки за год обучения изящным манерам в столице. Да и деньгами можно будет разжиться, а там и подумать о том, как выполнить свою задачу. Девушка лежала, прокручивая в голове разнообразные способы мести, которыми можно было бы расквитаться с Атлией. Но как она ни прикидывала, выходило только одно: надо было или становиться такой же сильной, как кенида, то есть иметь под своим началом отряд воинов, или же научиться так искусно владеть оружием, чтобы в одиночку проникнуть к ней в замок и прикончить ее там. И то и другое представлялось пока Соне почти не осуществимым, и от этой мысли у нее на висках выступил холодный пот и все тело девушки заколотило дрожь.

«Как же так? — в бессильной ярости стискивала она зубы.— Я дала клятву и не могу придумать, как ее выполнить...»

Потом Соне пришло в голову: а что если накопить много денег и нанять отряд наемников, чтобы расправиться с ненавистной кенидой? Но девушка пока не могла сообразить, где взять такую сумму. Вряд ли столько можно добыть таким грабежом, каким она занималась в банде Удода.

«Хорошо бы знать, что хотела получить от моих родных эта мерзавка,— продолжила она размышления.— Может быть, у нее есть и другие враги кроме меня, тогда, найдя их, я могла бы действо-

вать с ними заодно. Но у кого спросишь? — горько усмехнулась девушка. — Единственное, что хорошо, — похотливая сука уверена, что я сгорела в огне. Пусть думает, — Соня сжала губы, — жизнь большая, я еще успею отомстить ей. А аквилонцев буду убивать всегда, когда смогу. Чем больше, тем лучше...»

Она не заметила, как за раздумьями ее сморил сон, и проснулась лишь от тихого стука в дверь.

— Выспалась? — спросил Лабес, когда она, встав, отодвинула засов.

— Угу, — ответила Соня, настороженно глядя на него.

— Вот тебе новая одежда. — Он поставил на табурет плетеную корзину. — Сейчас спустимся позавтракать, потом переоденся и тогда обсудим, как будем действовать...

Глава пятая

озяин ювелирной лавки, почтенный Сапар, зевнув, выглянул в окно. Было еще довольно рано, но рыночная площадь постепенно заполнялась народом. Хорошо бы сегодня продать хоть на десяток монет... В последнее время торговля шла не очень-то бойко, много драгоценностей из последней партии еще не удалось распродать, а он уже заказал новый товар из Вендии.

Сапар отвернулся от окна и решил пока суть да дело освежиться кружечкой-другой сладкого вина. Он направился в глубь лавки к заветному шкафчику, но в это время стук колес повозки и храп лошадей заставили его обернуться. Неужели покупатель? Звякнувший колокольчик на двери подтвердил, что он не ошибся.

Через мгновение в лавку вошла высокая молодая женщина в дорогих одеждах, а следом за ней — плотного сложения человек с острой рыжеватой бородкой.

— А что, любезный,— слегка картавя, произнес бородатый,— найдется у тебя что-нибудь приличного для моей дочери?

Сапар оглядел вошедших.

«Наверное, из того каравана, что пришел вчера? — подумал он, глядя на белые тюрбаны, которые прикрывали головы мужчины и женщины, скорее девушки, так она была свежа и хороша собой.— Тогда эти люди не из бедных...»

Как будто в подтверждение его мыслей, картавый вытащил увесистый мешочек и огляделся вокруг.

— Мы не ошиблись? Это лавка почтенного Сапара? Мне сказали, что самые дорогие и лучшие украшения в городе можно найти именно у него.

— Ты не ошибаешься,— расплылся в улыбке хозяин, пожирая глазами дочь вошедшего. «Вот это красавица, не то что моя выдра...» — пронеслось у него в голове.— Самые лучшие камни продаются в моей лавке, можешь не сомневаться!

— Хм! — покрутил головой покупатель.— Мне надо что-нибудь исключительно хорошее, чтобы ни у кого больше не было такого украшения. Ну, ты понимаешь? — покровительственно улыбнулся он.— Хочу потратить монет двести-триста.

— Триста?! — У Сапара даже руки задрожали — на такую сумму у него не покупал даже наместник правителя Турана, он как-то заглянул в его лавку и остался в общем довольным товаром и обслуживанием.

— Может быть, и больше, но сомневаюсь, что здесь, в этом городке, может найтись что-нибудь

достойное меня и моей дочери,— скривил губы в усмешке посетитель.

— Обижаешь, уважаемый! — Сапар с трудом сложил руки на животе — они прямо-таки ходили ходуном от предвкушения большого барыша.— У меня есть вещи, что могут стоить и несколько сотен!

— Но только, отец, не надо мне таких украшений, что мы видели в Арэнджуне,— вдруг капризным голосом проговорила дочь картавого,— такими никого не удивишь, все при дворе их носят!

«При дворе! — чуть не задохнулся от волнения Сапар.— Повезло мне, вот повезло-то, побольше бы таких покупателей... Наверное, какой-нибудь посланник!»

— Есть вендийские камни: изумруды, сапфиры, гранаты — в отличных оправках, имеются изящные ожерелья, кольца, серьги, все самое лучшее.— Сапар открыл ключом, висевшим на поясе, шкафчик с драгоценностями и принялся выставлять на прилавок ящички и шкатулки.

— Вижу, что меня не обманули,— довольным тоном произнес покупатель, положив свой кожаный мешочек, с которого купец уже не сводил глаз.— Примерь, дорогая,— протянул он дочери серьги — огромные изумруды сверкали глубоким зеленым блеском в резной оправе.

— Настоящие вендийские,— осклабившись в почтительной улыбке, сообщил Сапар, мысленно уже пересыпая содержимое кожаного мешочка картавого в свой карман.

Красавица, однако, оказалась страшно капризной, и хозяин с ног сбил, вытаскивая все новые и новые украшения и помогая девушке примерять их. Сапар чуть не терял сознание от исходившего от девушки аромата и колыхания высокой груди под тонкой блузой. Трясущимися пальцами он надевал на точеную шею все новые и новые ожерелья, украдкой касаясь атласной кожи и не чуя под собой ног от восторга. Картавый тоже придиричливо рассматривал драгоценности, временами брезгливо отодвигая какие-то из них в сторону:

— Хорошие беру, плохие — нет!

Сапар раскраснелся и вспотел, угождая богатым покупателям; от неожиданно привалившей удачи и благосклонных улыбок, которыми щедро одаривала его красавица, у него слегка кружилась голова. Даже заглянувшему в лавку стражнику он просто сунул серебряный со словами: «Все в порядке, братец, иди пропусти кружечку, не мешай, тут такое дело...» Наконец покупатели выбрали ожерелье, серьги и несколько перстней. Самые дорогие, какие нашлись у Сапара. Хозяин, чуть не падая от радости, держал бронзовое зеркало перед капризной дочерью картавого, а та, улыбаясь, придиричливо рассматривала надетые на нее украшения.

— Пожалуй, это мне нравится, — наконец, надув губки, промурлыкала она.

— Хорошо, радость моя, ты же знаешь, я ни в чем не могу тебе отказать, — потянулся за мешочком картавый, — иди садись в карету, я расплачусь,

а потом мы поедem к наместнику. Заждался нас, наверное, проходимец!

Девушка вышла, провожаемая умильным взглядом Сапара, совершенно потерявшего голову от всего происходящего.

— Чем не побалуешь, единственное ведь у меня сокровище, — подмигнул хозяину покупатель, развязывая мешочек, тесемка которого туго поддавалась его пальцам. — Восемьсот, говоришь?

— Восемьсот, восемьсот, почтеннейший, — чуть не приплясывая от радости и нетерпения, ответил хозяин, — как договори...

— Вот ты где, мошенник! — Грубый бас, раздавшийся вместе с треньканьем колокольчика, заставил Сапара подпрыгнуть на месте и обернуться.

Огромный детина, появившийся в лавке, указывал пальцем на картавого:

— Наконец-то я нашел тебя, шелудивый пес!

Он сделал пару шагов вперед, намереваясь схватить его за локоть, но обладатель куцей бородки ловко проскользнул под рукой гиганта и бросился к выходу.

— Как же? — залепетал Сапар, еще не понявший, что товар на восемьсот золотых рассеялся, словно дым от прошлогоднего костра. — Надо же сначала заплатить...

Он бросился за мошенником, но неуклюжий детина загородил весь проход, и не слишком расторопный Сапар уткнулся носом куда-то в пах гиганту.

— А-ааа-а!.. — заорал хозяин, путаясь в складках его кафтана и уже чувствуя нутром, что со-

вершил сегодня какую-то большую — очень большую! — ошибку.

Он наконец выпутался из складок платья верзилы и бросился к выходу. Вылетев на освещенную полуденным солнцем площадь, он принялся дико озиаться по сторонам, однако тщетно: его придиричивых покупателей, разумеется, уже и след простыл.

«Мешочек-то он оставил...» — вдруг вспыхнувшая в голове мысль заставила Сапара сначала похолодеть, а потом с радостным воплем броситься обратно в лавку.

Гигант все еще стоял там, заложив руки за спину. Он встретил Сапара участливым вопросом:

— Неужели сбежал?

Тот, не отвечая, рванулся к забытому на прилавке мешочку и, трясущимися пальцами развязав тесемки, высыпал его содержимое. Дикий истошный вопль потряс помещение: рядом с лежащими на прилавке самоцветами тускло поблескивала кучка потертых медяков — правда, весьма изрядная.

— Как же так? — едва не плача, повернулся он к огромному детине.

Тот участливо склонился к хозяину:

— Надо сообщить страже, пока мошенник далеко не ушел. Я сейчас найду стражников, а ты, любезный, убери от греха подальше свои драгоценности. Разложил, понимаешь! Ворья же вокруг немерено!

— Да, да, — горестно всхлипывая и все еще не в силах опомниться, Сапар схватился за свои ящички.

Он торопливо убрал драгоценности в шкаф, и в этот момент дверь отворилась.

— Спасибо за выпивку, — вошедший стражник, широко улыбаясь, почесывал щеку, — стаканчик вина, сам понимаешь, и охрана на высоте.

— На какой еще высоте? — пробормотал несчастный Сапар, глаза которого застилал темный туман отчаяния. Пожалуй, только в этот момент он окончательно понял, что его надули. — На какой еще высоте... — И лавку ювелира снова огласил дикий утробный вой несчастного торговца.

* * *

— ...Самое главное, как понимаешь, уверенные манеры и богатая одежда, — учил Лабес, погоняя лошадей. — Ну и женщина, конечно, должна быть на высоте, такая, как ты, — усмехнулся он, но, подумав немного, добавил: — Хотя таких красивых, как ты, может быть, больше и не встретишь... Так ведь, приятель?

— Да... — тяжело вздохнул Гертли, оглядываясь на скрывшиеся за холмом стены городка, и было непонятно, к чему относился его вздох: то ли он сожалел, что такое удачное для их промысла место осталось далеко позади, то ли красота юной девушки повергала его почему-то в тоску.

Лабес поведал Соне кое о чем из своих с Гертли приключений. Они мошенничали вместе уже несколько лет, объезжая города от Шема до окраин Турана. Какое-то время назад у них была спутница, выполнявшая ту же роль, что сегодня досталась Соне, но потом ей надоело скитаться вме-

сте с ними, и она осталась в одном из городков, где друзья так же чистили, по меткому выражению заморанца, местных лопухов.

— Красивая женщина уже отвлекает,— бросив поводья товарищу, размахивал руками Лабес.— Что есть мужчина? В первую очередь — самец... дикое животное... так ведь, Гертли?

Бритунец буркнул в ответ что-то неопределенное, хотя по его тону можно было заключить: на этот раз он не во всем согласен.

— Не согласен, значит? А зря! — покачал головой Лабес.— Впрочем, ты еще молод и не понимаешь жизни так, как я... Стало быть,— он снова повернулся к Соне,— любой мужчина, увидев такую женщину, как ты, о чем в первую очередь думает?

Губы девушки скривила презрительная усмешка, а на щеках появился легкий румянец.

— Правильно! — вперив в нее свой цепкий взгляд, собеседник поднял вверх указательный палец.— Он думает, как бы оказаться с тобой... ну, в общем, ты понимаешь.— Щадя ее юный возраст, Лабес не стал углубляться в описания возможных действий.— И что тогда происходит?

— Он... немного растерян, наверное? И его внимание отвлечено,— предположила Соня, не очень уверенная в правильности своего ответа.

— Умница! — похвалил ее Лабес.— Тетка не ошиблась, мы с тобой наделаем еще шороха среди этого скопища лопухов! Ты почти права, только в громадном большинстве случаев самец не просто растерян, а полностью теряет бдительность. Надо

только выбрать подходящего. Ты думаешь, я зря терял время, шатаюсь вечером по тавернам, пока вы с этим молодцом спокойно отдыхали в «Бойцовом петухе»? Не-е-ет! — В его голосе слышались нотки искренней гордости.— Я пообщался с народом — а люди болтливы и, если повести себя правильно, расскажут тебе о чем угодно, если в особенности не жалеть им на выпивку. Соображаешь?

— Не совсем,— наморщила лоб Соня.

— Конечно,— самодовольно смерил ее взглядом Лабес,— это не всем доступно. Я завел разговор о женах, о превратностях семейного счастья, и у моих собеседников нашлось много что мне порассказать. Главное — начать, а потом болтунов не остановишь. Так вот, умело направляя беседу, я и выведал, кто из ювелиров, так скажем, не совсем доволен своей семейной жизнью, а вот изменить ее не в состоянии...

— Как это? — удивилась девушка.

— А вот так! У нашего общего друга Сапара лавка-то не совсем своя. Отец его жены ссудил деньги, отдавать их зять будет долгие годы, и куда он теперь с этого крючка денется? Правильно, Гертли, никуда! А баба эта у него вот уже где сидит.— Ладонь Сониного собеседника выразительно чиркнула по горлу.

— Ну и что?

— А то,— назидательно ответил Лабес.— У него губы при виде каждой красивой женщины распускаются до самой земли! Все забывает, лопух несчастный!.. Но что я тебе рассказываю? — хохотнул он.— Ты же прекрасно сыграла свою роль.

Просто несомненный талант! Вот и все дела. Разве плохо? — Он вытащил из кошелька драгоценности, и камни вспыхнули на солнце россыпью ярких блесков. — И никакой грубости, поножовщины, никакой тебе крови. Чисто, аккуратно, красиво. Учись, пока я жив, подруга, пригодится в жизни, не все же кинжалом размахивать!

— А ты откуда знаешь? — насторожилась Соня, которой совсем не понравился намек на будто бы известные обстоятельства ее жизни.

— Не беспокойся, — усмехнулся Лабес. — Я никому не скажу, ни кто ты, ни из какого рода. Хорошо, что ты пожила в богатой семье. Это очень полезно для наших дел: ты умеешь вести себя как положено...

— А ты не боишься, что когда-нибудь можно и попасться на таком мошенничестве? — прервала его девушка.

— Что поделаешь... — меланхолично отозвался Лабес. — Но если все хорошенько подготовить, то риска нет почти никакого. Правда, Гертли? Сколько раз мы попадались?

— Не было такого, — охотно отозвался гигант. — Он все так ловко продумывает...

— Вот-вот, — перебил его Лабес. — Существует множество сравнительно безопасных способов изымания лишних денег у всяческих лопухов, которых по всей Хайбории, если хорошенько поискать, видимо-невидимо. Главное, все подготовить, ну и чтобы приманка была стоящей...

— Это я, стало быть, приманка? — воскликнула Соня, несколько обиженная таким сравнением.

— А то? — лукаво прищурил глаза Лабес. — Вот мы сейчас едем в один городишко, так там еще не такую штуку провернем! — Он причмокнул губами, как будто предвкушая ждущее его впереди удовольствие.

— Какую?

— Я тебя продам кому-нибудь из местных сластолюбцев...

— Ну уж нет! — вспыхнула Соня. — Размечтался! Я тебе не какая-нибудь наложница!

— Да не шуми зря! — захохотал Лабес. — Ненадолго, ты и испугаться не успеешь. Получу деньги, а тут и Гертли появится... — Громкий хохот приятеля перебил его разглагольствования. Они долго и со вкусом смеялись, видимо вспоминая прошлые дела. А потом, утерев выступившие на глазах слезы, Лабес продолжал: — В этом городке наместник сильно суровый и... как бы это сказать попроще... — он замялся немного, — терпеть не может женщин и, сама понимаешь, к любому проявлению распутства относится весьма неодобрительно... — Они опять закатились в безудержном хохоте.

Соня настороженно глядела на своих веселящихся спутников, и в ней постепенно закипала злость — как на них, так и вообще на весь этот проклятый свинский мир.

— Да хватит вам, кретины! — не выдержав, крикнула она.

Гертли так и застыл с открытым ртом, а Лабес, удивленно посмотрев на девушку, тут же смекнул, в чем дело.

— Не надо так расстраиваться.— Он участливо заглянул Соне в глаза.— Мне все понятно, девочка, но так уж устроен мир, с этим тебе придется смириться...— Лабес вздохнул и, помолчав, продолжил: — А жить все-таки надо. Однако теперь о наших делах— Его голос стал жестким.— Так вот, мы выберем такого распутника, который будет как смерти бояться огласки, поэтому для нас он опасности не представит. Это уж моя часть работы! Клянусь, тебя и пальцем никто не тронет, ну, может быть, придется слегка приоткрыть кое-что из твоих прелестей,— он усмехнулся, но глаза его при этом оставались серьезными,— это не самое приятное, не стану спорить, однако необходимо для дела, так что ничего не попишешь. Скоро ты сама убедишься, как это просто.— Голос Лабеса потеплел, и девушка, только что вновь готовая сорваться на крик, внезапно успокоилась и спокойно выслушала главаря их небольшой шайки.

Впервые в жизни она столкнулась с такими суждениями о жизни, о мужчинах, просто о людях, их характерах и привычках... И откуда в этом невысоком лысоватом человеке такая сила убеждения и вера в то, что он говорит?

«Ладно, побуду с ними немного,— размышляла она про себя, продолжая внимательно слушать,— этот пройдоха мне начинает чуть ли не нравиться. Похоже, он и впрямь не врет, голова у него варит прилично, и заработать, наверное, с ним можно немало. То, о чем он говорит, жутко противно и мерзко, но коротышка прав: это работа, а кто и когда говорил мне, что работа обязательно

должна быть приятной? А вот деньги мне действительно нужны, и очень много...»

* * *

Лабес не соврал: они встречали на своем пути множество желающих оказаться обманутыми и безропотно отдать им свои деньги. Порой Соня даже удивлялась, с какой легкостью удавалось им проворачивать аферы. Сначала она было решила, что их предводитель обладает какими-то колдовскими способностями, поскольку почтенные и далеко не всегда глупые люди — среди них попадались даже королевские чиновники — как самые последние сельские простаки, с легкостью попадались на уловки лысоватого пройдохи. Однако постепенно до нее дошло: человечек с бородкой клинышком, едва достававший ей до уха, был незаурядным знатоком человеческой природы и так хорошо использовал и глупость, и жадность, и страхи своих, как он называл их, «клиентов», что оставалось только подставить ладони, чтобы золотой поток наполнил их доверху.

Обычно, приехав в очередной городок, они останавливались в лучшей гостинице или постоялом дворе.

— У нас работа тяжелая,— говаривал Лабес, осматривая отведенные им комнаты,— поэтому мы должны отдыхать и набираться сил в приличных условиях.

Он сразу же, не торгуясь, оплачивал номера вперед за пять дней, чтобы в любой момент их было бы можно без промедления бросить, если того

потребуется обстоятельства, и, оставив своих компаньонов отдыхать, отправлялся в город: на рынок, в таверны — «пасти лопуха», как он любил говорить.

Потолкавшись пару дней, Лабес с непостижимой точностью выискивал очередную жертву, осматривал все подходы, переулки около «огорода» — одно из великого множества метких словечек, которым он называл то место, где «лопух» должен был расстаться со своими деньгами или драгоценностями.

Особое внимание он уделял дому — где находятся окна, двери, выход в сад, изгородь, прикидывал, сколько челяди имеется в наличии у будущей жертвы, и наконец начиналось само действие — венец всей кропотливой предварительной работы. Приходил черед играть свои роли Гертли и Соне, и надо было быть как можно более внимательными и ловкими, чтобы не испортить с таким тщанием подготовленный «сбор урожая».

Иногда они проделывали то, что повергло в уныние несчастного Сапара, иногда, наоборот, Лабес прикидывался продавцом камней, и, когда они с хозяином были заняты осмотром товара, вдруг появлялась Соня, отвлекавшая купца, а неожиданный приход Гертли завершал представление. Но таким делами они обычно занимались в маленьких городках, потому что их надо было покинуть сразу же, чтобы не стать жертвой преследования местной стражи. В больших же городах, где поле деятельности было гораздо более обширным, они задерживались подольше, и посещение

ювелиров оставляли напоследок, когда уже принималось решение покидать место.

Соня уже «поднабралась» опыта, и Лабес решил проверить сложное дело, потребовавшее особенно тщательной подготовки. Он долго втолковывал что-то девушке, а по вечерам на постоялом дворе придирчиво проверял, как она усвоила его уроки. Потом на рынке были куплены несколько париков, богатый набор красок и несколько тонких кисточек...

* * *

Лабес остался весьма доволен, однако больше рисковать не пожелал — для мошенничества подобного рода приходилось проводить слишком серьезную подготовительную работу, и оно было значительно более опасным, чем их обычные трюки. В больших городах Соня обычно играла роль наложницы, которую Лабес «продавал» какому-нибудь богачу. Сначала девушка наотрез отказывалась участвовать в таких делах, но Лабес сумел ее уговорить, и она, скрепя сердце и покрываясь румянцем стыда, с трудом заставила себя в первый раз открыть грудь перед алчным взором купца, который желал предварительно убедиться, что предлагаемая ему красавица действительно так же хороша без покровов, как и в дорогих нарядах. Потом она проделывала это уже не смущаясь и по первому знаку своего якобы хозяина сбрасывала одежды, отчего большинство покупателей просто-напросто теряли рассудок. Обычно так и происходило: они начинали соображать только

потом, когда все было уже кончено. Весь фокус состоял в том, что, пока покупатель приходил в себя от лицемерия прелестей предлагаемой ему девушки, Лабес успевал незаметно откинуть щеколду окна, а затем, получив деньги, уходил. Очередной сластолюбец, заперев дверь, бросался к предмету своего вождения, но... С грохотом открывалось окно, и в комнате неожиданно появлялся разъяренный «брат» прелестницы.

— Мерзавка! Паскудная шлюха! Вечный позор нашего рода! — Огромного роста верзила набрасывался с тумаками сначала на нее, а потом обращал свое внимание на мужчину, у которого обычно в момент пропадало не только желание обладать этой красавицей, но и вообще отнимался язык и наступал странный паралич всех членов.

У гиганта кулаки были величиной с приличную дыню, несчастная жертва, несмотря на помутнение рассудка от смертного страха, прекрасно понимала, чем ей это грозит. Незадачливого сластолюбца для начала несколько раз трясали как грушу и весомо прикладывали к стене — но с определенной осмотрительностью, так, чтобы он не терял способности воспринимать происходящее, — а потом обещали немедленно превратить в пищу собакам. Горестно рыдая, любитель красавиц умолял пощадить его и был готов отдать все, что имел при себе. Дело кончалось полюбовно, то есть в том смысле, что, расколов в щепки пару стульев, гигант соглашался на отступное, а боящийся лишнего шума и огласки мужчина — а именно таких и подбирал хитроумный Лабес — трясущимися

руками протягивал кошелек или мешочек с монетами, или, на худой конец, стягивал с пальцев дорогие перстни. После этого «брат» с «сестрой» исчезали тем же путем, каким гигант врывается в комнату, а предвкушавший наслаждение сластолюбивый богач начинал понимать, что пал жертвой мошенников, и проклинал тот момент своей жизни, когда впервые почувствовал влечение к женщине.

Соня, несмотря на то, что ей приходилось чуть ли не голой представлять перед алчущими взорами похотливых мужчин, испытывала настоящее удовольствие, когда незадачливый любовник, частенько уже успевший скинуть с себя одежду, ползал у них в ногах, умоляя простить и никому не рассказывать о его проступке. Насладившись унижением несостоявшегося покупателя свежего девичьего тела, она, лениво натягивая на себя одежду, бросала Гертли:

— Прости его, брат, он невиновен...

— Невиновен?! — Гигант в показном гневе сжимал огромные кулачища.

— Виновен, виновен, — снова бросался в ноги, теперь уже ему, доведенный до последней степени ужаса богач.

«Экая свинья! — мстительно усмехалась про себя Соня. — Только и гордости, что какой-то червяк между ног болтается. Тоже мне, самец!»

Действительно, предмет мужской гордости к этому моменту уже не представлял собой ничего особенного, съеживаясь от пережитого до совсем уж неприличных размеров.

Итак, они получали свой барыш и исчезали из дома, но в городе оставались, и Лабес находил новые жертвы. Иногда он встречал на базаре или городской площади своего недавнего клиента и не упускал случая, чтобы заговорщицки не подмигнуть ему. Бедняга менялся в лице и спешил свернуть куда-нибудь в сторону. Осечек не было, если не считать одного случая, когда ополоумевший после удара о стену офицер стражи сорвал висевшую на стене саблю и бросился на обидчика. Все могло бы закончиться печально для «брата» с «сестрой», но Соня, схватив со стоявшего рядом с ней столика бронзовую тарелку, ловко метнула ее в размахивающего клинком голого вояку. Тарелка, вращаясь, попала тому чуть ниже живота; бедняга жалобно взвыл и согнулся пополам.

Опомнившийся Гертли кулаком вбил ему голову в плечи по самые уши. После этого случая из города пришлось поспешно убраться, и Лабес долго корил себя за то, что не предусмотрел такого стечения обстоятельств. Теперь, идя на дело, Соня брала с собой тонкий вендийский нож, который, как уже успели убедиться ее новые друзья, она умела метать с чрезвычайной, просто неестественной меткостью.

В остальном жизнь текла спокойно и даже, можно сказать, размеренно: переезды из города в город, приятное ничегонеделанье в гостинице, когда Соня целыми днями валялась на постели, лакомясь сладостями и фруктами, а обожавший ее Гертли с ног сбивался, чтобы мгновенно выполнить каждое желание девушки, которое сумел

прочитать в ее глазах. Как-то раз он попытался сказать ей о своих чувствах. Соня холодно отвернулась, сообщив, что все мужчины — свиньи и скоты, и если он хочет сохранить ее дружеское расположение, то пусть никогда впредь не смеет не то что упоминать, а даже подумать об этом. Гертли загрустил, и однажды девушка случайно услышала его разговор с Лабесом на эту тему. Она возвращалась из бани вместе с нанятой для нее служанкой. От малоподвижной жизни и неумеренного употребления сладостей Соня несколько расплнела, и Лабес, когда заметил это, теперь в каждом городе нанимал специальную женщину, чтобы та водила Соню в восточную баню, где ей делали массаж.

— Ты наше достояние, и твои формы должны быть всегда привлекательными. Иначе, сама понимаешь...

Лабес вообще придавал большое значение тому, как выглядит Соня. По его настоянию она сурьмила брови и подводила глаза, а одежду на каждое дело он выбирал сам. Он даже пытался убедить девушку перекрасить волосы в черный цвет, поскольку ее золотисто-рыжие локоны были слишком уж заметны, но потом перестал настаивать на этом, поскольку Соня категорически воспротивилась. Вдохнув, Лабес согласился забыть о соображениях безопасности, утешая себя тем, что с рыжими волосами его подельница выглядит неотразимой.

Соня не особенно приятно было чувствовать себя чем-то вроде товара, который надо было по-

выгоднее продать, но она повиновалась, потому что знала — Лабес все тщательно продумал и если говорит: так надо, значит это действительно надо. Она не забывала о своей цели — заработать как можно больше денег. В тот день, отпустив служанку у входа в постоялый двор, Соня поднималась по лестнице, когда услышала голос Гертли — он печальным тоном советовался со своим другом по поводу безответной любви к Соне.

— Во-первых, эта девочка не про тебя,— жестко сказал Лабес.— Ты, босяк, даже читать не умеешь, а она девица образованная, бывала на приемах у самой высшей знати. Соображаешь, козья башка?

— Я мог бы научиться...— вздохнул Гертли.

— Даже если выучишься,— продолжил его приятель.— Это само по себе неплохо, тем более что ты мечтаешь открыть собственное дело. Однако о Соне даже не мечтай. К тому же мне нужны работники, а не влюбленная пара. Ты ведь, кажется, хотел заработать денег?

Ответа не последовало — видимо, Гертли просто кивнул головой в знак согласия.

— Вот и правильно,— вновь услышала Соня голос Лабеса.— А кроме всего прочего, она еще совсем молода и, как мне кажется, не очень-то жалуется таких молодцов, как ты. Вообще к мужчинам относится не очень... Вероятно, кто-то из нашего брата ухитрился сильно обидеть девочку. И вообще, я чувствую, что она скоро покинет нас.

— Как? — вскричал Гертли, и в его голосе Соня уловила искреннее отчаяние. На мгновение ей

даже стало жаль добродушного гиганта, но это чувство быстро прошло.

— Вот так! — отрезал Лабес.— И если увижу, что пристаешь к ней, в два счета выставлю взащей. Пойдешь снова грузить мешки в порту. За медяки! Нравится? То-то... Ну чего разнюнился, приятель? Девоч целый город, спустись вниз и выбирай любую, тем более что и монет у тебя навалом! Да кто из девчонок не соблазнится таким молодцом как ты! И хватит об этом!

Соня едва успела отскочить от двери и спрятаться за угол — так стремительно Гертли вылетел из комнаты.

«Коротышка во многом прав,— вновь утвердилась девушка в своих соображениях.— Мужчина — всего лишь животное, одна грязь и свинство! Бедолага Гертли не совсем похож на остальных, однако даже его чувства мне неприятны».

Еще одна мысль, высказанная Лабесом, не оставляла Соню в покое, потому что она и сама уже чувствовала: пора заканчивать это бродяжничество и приниматься за настоящее дело.

«Валяясь на мягких диванах и лопая сласти, можно и оружием разучиться владеть. А ведь самое главное для меня, единственное, для чего я согласилась выставять напоказ свое тело мерзким сластолюбцам, это отомстить Атлии!»

Все чаще и чаще вспоминала девушка слова старухи: «Если надумаешь, то найдешь меня...» Однообразная жизнь начинала тяготить, несмотря на явную опасность их занятий, но ко всему можно привыкнуть, особенно если работа не такая уж

сложная. Весь интерес в деле был у Лабеса, а Соня и Гертли только выполняли скрупулезно разработанные им планы. Этого для нее было слишком мало, она жаждала приключений, всякого рода неожиданностей... И кроме того, нельзя же посвящать всю свою жизнь тому, чтобы набивать кошельки деньгами обманутых людей! Сколько она уже с ними? Соня принялась загибать пальцы, считая дни, прошедшие с того момента, когда она, выйдя из дома Текмессы, вскочила на козлы повозки Лабеса. Надо же, почти три луны! Это много. Теперь она стала самостоятельной и может сама содержать себя. Но все-таки она пока еще не совсем готова к осуществлению своей главной цели... Соня задумалась.

«А потом? Что будет потом, когда я сумею отомстить? Ведь тогда у меня не останется ничего в жизни. И что такое есть сама жизнь? — От множества нахлынувших мыслей девушке стало страшно. — Кто может мне рассказать об этом? Мудрецы из монастырей? Вот была бы жива моя сестра... — Соня вновь в который раз вспомнила окровавленные трупы, сваленные в углу двора, отца, с последним дыханием пытавшегося спасти дочь, и в очередной раз отчетливо осознала, что она одна в этом мире, одна-одинешенька и никто не беспокоится о ней, — разве что Гертли... Только вот для чего она ему нужна? Прodelывать с ней эти штучки как аквилонцы со своими пленницами? — Она даже вздрогнула от отвращения. — Нет, упаси боги! Вот Лабесу хорошо, ему нравится такая жизнь...» Наверное, так и было на самом деле. Соня

видела, как зажигаются глаза их предводителя, когда он идет разведывать обстановку, и особенно после, если план уже разработан и идет подготовка к его воплощению.

Однажды она спросила Лабеса:

— Ты собираешься всю жизнь так странствовать? Сколько же тебе надо денег?

— Нет. Всех денег не поимеешь, да мне хватает и того, что у меня есть.

— Зачем же...

— Не знаю, — пожал плечами он, и Соня удивилась тому, что их главарь в кои-то веки не может дать ответа на поставленный вопрос. — Не знаю, — повторил Лабес, — наверное, я больше ничего не умею, а сидеть без дела и тратить заработанные деньги мне было бы просто скучно.

«Странный человек, — подумала тогда девушка, — скучно ему, понимаешь... Лежал бы где-нибудь в собственном саду у фонтана, обнимал красивую женщину — несмотря на то, что Лабес не очень-то привлекателен, они липнут к нему как мухи к меду, уж больно сладок у него язык, и все дела. А так может получиться, что кончит когда-нибудь свою жизнь на плахе или на колу, нельзя же без конца испытывать судьбу!..»

«Но я ведь сама, — упрекнула она себя, — тоже заскучала без настоящего дела! Без нового дела, — поправилась Соня, — или, может быть, без интересного или значительного дела — или того, что еще ближе подведет меня к моей цели».

Ей стало грустно и одновременно тревожно от этих дум, но прошло еще пару недель, прежде чем

Соня решилась подойти к Лабесу со своими заботами. Они остановились на ночлег на лесной опушке, недалеко от Хоршемиша, от которого до Хаурана было рукой подать: всего пару дней пути.

— Лабес! — начала девушка, но остановилась, не решаясь продолжать.

— Ты хочешь уйти от нас? — спокойно спросил тот, помешивая палкой угли догорающего костра.

— Откуда ты знаешь? — Соня втайне обрадовалась, что не пришлось излагать самой, по всей видимости, неприятную для него новость.

— Мне многое известно, — усмехнулся он. — Мы завтра поедем в Хауран, там я отдам тебя обратно Текмессе.

— Как это отдашь?! — возмутилась девушка. — Что я тебе, мешок какой-нибудь?

— Да ладно тебе... Просто-напросто проводим тебя, ведь не топтать же тебе одной по степи. Гляди веселей, тем более что сегодня у нас, можно сказать, праздник.

— Какой еще праздник? — удивился Гертли, до этого молча сидевший чуть в сторонке от них.

— Узнал на рынке от одного, — усмехнулся Лабес, — аквилонцам-то сильно начистили рыло в Немедии. Целую армию разгромили, в клочья! — захохотал он.

— Но не сегодня же? — возразил его товарищ. — Не тебе объяснять, как долго идут у нас новости.

— Конечно, — согласился Лабес. — Это было в позапрошлом новолуние, но если не смогли отпраздновать тогда, то самое время сделать это сейчас!...

— В позапрошлом новолуние?! — Соня прямо-таки вцепилась в его руку.

— Ну да, — недоуменно посмотрел на нее Лабес. — Ты чего, собственно, подруга?!

— Ничего, — сказала девушка, отпуская его руку. — Так...

«Это была та ночь, когда я выбралась из подземного хода... Точно! Значит, мне не померещилось видение Рыси! — ликовала она в душе. — Месть проклятым аквилонцам уже началась. За всех: за мать, отца, брата и за тысячи других, которые натерпелись от этих ублюдков!»

Она повеселела и даже замурлыкала про себя какую-то песенку из репертуара своих друзей.

— Ну вот, — довольно усмехнулся Лабес, — я вижу, эта добрая весть и тебя порадовала. А вот мне жаль, что теряем такого способного компаньона, да мы и привыкнуть к тебе, знаешь ли, успели... Что поделаешь, тетка была права.

— В чем?

— Она сказала, чтобы больше чем на полгода я на тебя не рассчитывал, ты непременно вернешься к ней.

Соня ничего не ответила. Она смотрела на догорающие уголья.

«Неужели Текмесса действительно могла прочесть мои мысли? Но я же тогда и не думала еще о том, чтобы отправиться к ее племяннику Гуинхею... Может быть, все в жизни предопределено какими-то высшими силами, а эта колдунья получает от них известия? Вопросы, вопросы! Слишком много вопросов и мало ответов, — усмехну-

лась про себя девушка,— но ответы я непременно рано или поздно все же получу...»

* * *

...Через пару дней они вновь были в знакомом дворе Текмессы.

— Вот твоя доля.— Лабес протянул Соне увесистый кожаный мешок. Девушка с трудом удержала его, такой он был тяжелый.— Прощай, и вспоминай нас иногда... Мы тоже будем тебя вспоминать, правда, Гертли?

— Правда,— как эхо отозвался гигант, и на его лице Соня увидела выражение такой глубокой тоски, что девушка отвернулась, боясь, как бы кто не увидел навернувшиеся на ее глаза слезы. Ей не хотелось себе в этом признаваться, но она тоже успела привязаться к своим товарищам.

— Пойдем,— пригласила ее старуха и отворила дверь домика.— Надо начинать новую жизнь.

Соня обернулась и помахала с порога уходящим от нее друзьям. Только сейчас она почувствовала, как ей будет не хватать пройдохи Лабеса и гиганта Гертли... Калитка захлопнулась. Итак, эта глава ее странствий завершилась.

Глава шестая

Рак Соня и предполагала, монастырь оказался очень древним. Каменные стены, сложенные из огромных блоков, в щелях между которыми местами росли чахлые кустики травы, арка ворот с полустертым вензелем наверху, изображавшим две скрещенные пики,— величественное сооружение внезапно появилось перед девушкой, словно мираж.

Кругом стояла такая тишина, что Соня даже подумала: наверняка старуха ошиблась, и зря она тащилась в эти места с попутным караваном, а потом еще два дня в одиночку по пропыленной и безлюдной степи.

«Теперь прямо на восток,— дружелюбно напутствовал ее при расставании караванщик,— вряд ли ты здесь кого-нибудь встретишь, так что беспокоиться особо не о чем. Главное — держись прямо, пока не увидишь старый колодец и рядом с ним три дерева. Тогда спустишься с холма — и ты на месте...»

Соня так и сделала, и теперь медленно приближалась к потемневшим от времени воротам.

«Похоже, влипла. Наверное, здесь нет никого. Экая бестолочь эта Текмесса! Теперь тащись обратно...»

И вдруг тяжелые створки ворот начали медленно поворачиваться. Девушка проехала под аркой и чуть не присвистнула от удивления — честно говоря, она ожидала увидеть занесенный песком грязный двор с полуразрушенным колодцем посередине — так обычно выглядели все постоялые дворы в этих краях. Зрелище же, которое открылось ее глазам, представляло собой поистине чудесную картину: свежая зеленая лужайка в окружении тенистых раскидистых деревьев, шум падающей где-то вдалеке воды, легкий, чуть влажный воздух... словно и не было в десяти шагах за спиной раскаленного песчаного пространства с чахлой травой да редким колючим кустарником. Чуть справа от Сони за маленьким пригорком, заросшим желтым ковром ярких цветов, виднелся невысокий длинный белый дом под причудливой крышей из красной черепицы. Мощенная каменными плитами дорожка вела под тень могучих деревьев. Там она раздваивалась, ведя направо к белому строению и влево куда-то дальше, но густые ветви и высокий кустарник не давали возможности разглядеть, что там находилось.

Соня спешила и оглянулась назад, однако никого не увидела возле ворот.

— С приездом!

Девушка вздрогнула и резко обернулась. Там, где тропа раздваивалась, стоял невысокий желтолицый человечек с редкой клочковатой бородкой. Черные раскосые глаза пристально смотрели на нее. Борода седая, но морщин на лице не заметно, и поэтому так же, как у Текмессы, возраст человека определить было весьма сложно. Всю его одежду составляла короткая хламида цвета соломы с разбросанными по нему темными пятнами. Балахон был подпоясан витым кожаным шнуром. Издалека его одеяние можно было бы принять за рысью шкуру, но материал ничем не напоминал мех. Скорее это был шелк, настолько он выглядел легким.

«Это, наверное, и есть Гуинхей!» — догадалась девушка и, слегка поклонившись, раскрыла рот, чтобы объяснить, кто она такая и зачем сюда приехала, но человек заговорил раньше, чем она успела произнести хотя бы слово:

— Я знаю, кто ты, — невыразительным, но четким и ровным голосом сказал он. — От Текмессы.

«Ничего себе! — удивилась про себя Соня. — Когда это она успела?.. А!.. Наверное, пока я болталась с этими пройдохами, старуха сообщила своему племянничку...»

— Она совершенно права, — продолжал человек. — Хватит тебе заниматься мелким мошенничеством, твое предназначение гораздо выше. Меня зовут Гуинхей, как ты, наверное, знаешь, и я должен научить тебя воинскому искусству.

«Какой-то он из себя невидный, — разочарованно подумала Соня, — худой, руки слабые... Да у

такого одним ударом можно выбить меч. Вряд ли под его руководством можно обучиться чему-то стоящему».

— Мне известно, что ты хорошо стреляешь и метаеть нож,— невозмутимо продолжал Гуинхей,— но мы еще посмотрим, так ли это на самом деле. В любом случае ты не пожалеешь, что пришла сюда.

Он хлопнул в ладоши, и откуда-то из зарослей вышел еще более худощавый человек и почтительно встал чуть поодаль от него, ожидая приказаний.

— Дай два меча!

Человек безмолвно исчез и тут же вернулся, неся два меча: длинный и короткий. Первый он, повинуясь кивку Гуинхей, протянул Соне, второй старик взял у него сам:

— Нападай! — приказал он девушке.

Та, взяв меч в правую руку, растерянно посмотрела на старикашку: он с ума, наверное, спятил! Его меч был почти в два раза короче Сониного, да и сам он едва ли доставал девушке до плеча. Она усмехнулась и покачала головой:

— Я не могу сражаться в таких неравных условиях. Я приехала сюда обучиться воинскому искусству, а не рубить на куски стариков, не сделавших мне ничего плохого!

— Вот как? — рассмеялся Гуинхей дробным смехом.— Неплохо, очень даже неплохо!

Он сделал два легких и быстрых шага вперед, и Соня еле успела подставить свой клинок под его стремительное движение. Она не услышала

звона металла, потому что старикашка неуловимым движением убрал свой меч от столкновения с ее оружием, и тут же почувствовала прикосновение лезвия к своему правому плечу. Девушка скосила глаз: лямка одежды была перерезана пополам. Непостижимо! Кровь бросилась Соне в голову. Она отскочила назад и в свою очередь сделала выпад. Гуинхей легко развернулся боком к движению ее клинка, и меч просвистел не дальше толщины пальца от его груди.

— Хорошо! — похвалил ее Гуинхей.— Но все-таки ты достаточно неуклюжа. Впрочем, это поправимо. Работать надо, девушка, упорно работать!

Соня, разозлившись не на шутку, нанесла очередную удар, но старик вновь с легкостью ушел от клинка, и она почувствовала еще один укол, теперь на левом плече. Безрукавка, более не держащаяся на ее плечах, соскользнула к бедрам, сковав движения девушки. Она подхватила ее левой рукой, чтобы не запутаться ногами и не упасть, и тут же почувствовала, как острие клинка уперлось в ее грудь.

— Я выиграл,— засмеялся старик.— Думаю, теперь ты понимаешь, как серьезно тебе придется учиться.— Черные глаза старика словно сверлили ее насквозь.

— Возьми у нее меч и отведи в келью. Заодно все покажешь,— кивнул Гуинхей стоявшему рядом с ним человеку.— Да,— вновь повернулся он к Соне,— здесь у нас нет деления на мужчин и женщин, на простых и знатных. Все вы

мои ученики, и ни рода, ни племени у вас нет. Ни у кого. Запомни, твой номер девятый, и это все, что будут о тебе знать остальные. Идите!

Девушка, ошеломленная и притихшая, проследовала за седьмым — так представился ей художавый человек. Они прошли тропинкой, мощеной вытертыми каменными плитами, в глубь зарослей, где глазам Сони открылась широкая зеленая лужайка, густая трава с первого взгляда напоминала плотный шерстяной ковер. У правого края лужайки круглый водоем окаймляли каменные блоки, а слева, за деревьями, возвышалась крепостная стена. За лужайкой виднелся длинный одноэтажный дом с крытой террасой. Седьмой провел Соню к одной из множества дверей, выходивших на террасу, и, открыв ее, лаконично произнес:

— Твое жилище...

* * *

Потекли дни, до отказа наполненные занятиями под руководством Гуинхей. Вместе с Соней в монастыре находилось еще несколько человек, но сколько — она точно не знала. Все были одеты в одинаковые хламиды, которые она увидела в первый день на старике, и на первый взгляд казались неотличимыми друг от друга, несмотря на то, что мужчины — а Соня оказалась здесь единственной женщиной — пришли сюда с разных мест. Времени на то, чтобы хотя бы переброситься с ними парой слов, не говоря уже о более серьезном разговоре, не было. Старик за-

ставлял своих учеников бесконечно повторять движения то с длинным, то с коротким мечом, лазать по вбитым в землю тонким шестам, сражаться длинными бамбуковыми палками, бегать по вьющейся вдоль стен монастыря песчаной дорожке так долго, что сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди, и когда наконец вечерние сумерки окутывали крепость, ученики как подкошенные валились на соломенные циновки в своих кельях и мгновенно засыпали. Похоже, не все выдерживали такие испытания, и Соня замечала, что некоторые из ее сотоварищей исчезали из монастыря. Девушка, сжав зубы, терпеливо выносила тяготы обучения и выполняла все требования Гуинхей, потому что ее желание отомстить за гибель своих родных было сильнее боли и усталости.

— Неплохо, — похвалил ее Гуинхей через некоторое время, когда девушке удалось несколько раз подряд отбить его удары и не получить ни одной царапины. — У тебя несомненный талант! Еще пару-тройку лун, и ты будешь лучшей из тех, кого я когда-либо обучал.

Старик каждые три-четыре дня проверял таким образом всех своих учеников, а затем они беседовали, наслаждаясь густым напитком, настоящим на травах, придававшим удивительную силу мышцам и необыкновенную ясность голове. Соня благодаря этим беседам узнала об обычаях и нравах племен, обитавших по обе стороны моря Вилайет, недалеко от берегов которого расположился монастырь. Гуинхей вспомнил еще одно море —

Море Грез, древнее море, исчезнувшее еще в те незапамятные времена, когда землю населяли гиганты, навеки ушедшие в небытие, когда древние и таинственные зверобоги были гораздо сильнее, чем сейчас, и все подчинялось их владычеству.

— Аквилонцы первыми забыли настоящих богов и придумали золотых идолов, которым поклоняются вот уже несколько столетий,— рассказывал Гуинхей.— Вся грязь нашего мира, разбой и убийства, разврат и похоть идет именно от них. Многие народы поддались влиянию аквилонцев, но гирканцы все-таки сумели сохранить истинную веру, и недалек тот миг, когда мы поднимемся и окончательно восстановим первоначальный порядок. Сама Мать-Земля выступит с нами против них и накажет за отступничество, и ты будешь одной из тех, кто будет в первых рядах. Я чувствую твое предназначение и сделаю все, чтобы ты могла соответствовать велению богов.

Соня слушала учителя, и ей казалось, что недавние ее странствия и приключения с Лабесом и Гертли происходили с кем-то другим, столь мелкими и незначительными представлялись их дела отсюда, из увитой плющом беседки на берегу небольшого тихого пруда, желтые кувшинки которого, казалось, тоже внимательно прислушиваются к словам Гуинхея.

— Человеческий глаз не в силах заметить все движения, а ухо не способно уловить и понять полностью ни пения птиц, ни шелест каждого листа, ни безмолвного разговора рыб,— продолжал учитель,— но все подчинено велениям Ма-

тери-Земли и ее помощникам. Они везде: в каждом шевелении былинки, во вздохе ветра, в журчании воды, и человек так же зависим от этого, как последний скот, и все в этом мире является суетой, кроме служения истинной вере...

Соня слушала Гуинхея, и хотя ей не все было понятно в его речах и в глубине души она даже не всегда соглашалась с тем, что говорил учитель, но девушка все чаще задумывалась о своем предназначении в этом мире и своей судьбе. Она как-то поделилась с наставником своими сомнениями.

— Ты на правильном пути,— ответил Гуинхей,— и я помогу тебе в этом. Только тот из нас сможет обрести покой души, кто следует вечным истинам и тому ходу событий, которое определяет Мать-Земля. Здесь ты не только становишься умелым и ловким воином, но и обретаешь силу души, очищаешься от скверны и грязи того мира, который окружал тебя раньше. Я еще застал алтари и золоченые купола храмов, где служители лживых богов собирали громадное количество обманутых и слабых духом людей. Вся скверна шла из Аквилонии...— Старик задумался, прикрыв глаза. Затем пристально посмотрел на Соню и продолжал: — Они погрязли в развлечениях и роскоши, поработили почти весь мир для удовлетворения своих скотских желаний, их образ жизни нездоров, и поэтому впереди у них — страшный конец. Бессмертие им не грозит...— усмехнулся Гуинхей.

— Бессмертие? — переспросила Соня.— Разве такое возможно для людей?

— Надо следовать естественному ходу событий, слиться с природой, раствориться в каждой травинке и капле дождя — и тогда Мать-Земля примет твой бессмертный дух...

— Что нужно сделать для этого? — спросила девушка, ощущая какой-то внутренний озноб. Ей казалось, что кто-то непонятный проник в ее тело, голову и вместе с ней внимает словам старца.

— Надо закалять свое тело и дух, гнать от себя непотребные помыслы и желания, нести людям истинную веру, быть ближе к растениям и животным. Вот этот напиток, — Гуинхей указал на стоящую перед ними чашу, — настоян на двадцати травах, которые для меня собирали в степи и горах, в лесу и даже здесь, в зарослях неподалеку от нашего монастыря, — Он сделал плавный жест рукой. — Ты чувствуешь прилив сил, когда пьешь его?

— Да, — кивнула Соня.

— Это не просто настой, — Гуинхей медленно отпил глоток из пиалы, — с ним в тебя вселяются силы тех, кто касался этих стеблей и дал им свое дыхание. Ты можешь обрести частицу их качеств: зоркость и быстроту Рыси, мощь Львицы, спокойствие Буревестника, хитрость Кобры, выносливость Кобылицы и многое-многое из того, чем обладают боги, помощники Матери-Земли, и что передается только достойным ее последователям.

— Ты хочешь сказать?.. — Девушка запнулась, не в силах осознать полностью слова старика.

— Да, — кивнул тот головой, — если ты будешь следовать заповедям истинной веры, то боги наградят тебя, и твой путь не прекратится вечно...

От таких слов у Сони перехватывало дыхание, и, ложась ночью в постель, она теперь часто, невзирая на усталость, не сразу погружалась в сон: мысль о вечной жизни кружила голову девушке и захватывала ее так, что становилось жутко и страшно, и дыхание перехватывало, как при погружении в ледяную воду. Она вспоминала картинки из старинной книги, которую видела у своей сестры Варны, и девушке казалось, что боги-звери обступают ее и молчаливо смотрят на нее пронзительными и неподвижными глазами.

После таких бесед с Гуинхеем она с удвоенным рвением выполняла задания учителя и больше ничего в этом мире не было ей более желанно, как поскорее научиться всему, что передавал своим воспитанникам старик. Она с усмешкой вспоминала те времена, когда гордилась своей красотой и с улыбкой превосходства принимала комплименты мужчин и замечала их восхищенные взгляды. Пустое! Она не для этого появилась на свет, чтобы позволять низменным страстям повелевать ею. Все это суета! Соня теперь совсем по-другому смотрела на мир, все прежнее слетело с нее, словно шелуха, и единственное, на что стоит тратить усилия, — это служение истинному и справедливому делу. Девушка заметила, что остальные ученики Гуинхея тоже изменились, и если в первые дни она еще ловила временами направленные на нее восхищенные взгляды, то теперь ее сотоварищи даже не поворачивали головы, когда она, сбросив с себя одежду, спускалась по каменным ступеням в пруд купаться. Гуинхей был прав — у всех не

осталось ничего, кроме номеров, которыми они называли друг друга: первый, седьмой, девятый...

Она поделилась этими своими наблюдениями с Гуинхеем, и старик, подумав, ответил:

— Я знаю о твоём отношении к мужчинам. Ты совершенно лишена присущего большинству женщин желания нравиться и потакать мужским похотям. Но...— Он сделал паузу, обдумывая слова, и продолжил: — Без сомнения, настанет время, когда тебе самой захочется быть рядом с мужчиной. Не противься этому, может быть, он тоже будет выбран высшими силами и ты предназначена для него...

— Но как я узнаю? — удивилась Соня.

— Боги подскажут тебе...— усмехнулся Гуинхей.

Глава седьмая

Мак продолжалось длительное время, Соня уже потеряла счет дням, проведенным в монастыре. Она многому научилась от Гуинхея и, наверняка, могла бы так же, как он, неуловимым движением меча только слегка разрезать кожу на теле противника, не причинив тому сильного вреда,— это считалось проявлением высшего класса мастерства.

— Молодец! Я не ошибся в тебе,— все чаще слышала девушка слова одобрения скупого на похвалы наставника.— Скоро ты уже будешь готова к тому, чтобы следовать своему предназначению...

Многие из тех, с кем девушка начинала обучение, уже покинули монастырь. Соня как-то спросила Гуинхея, почему он не отпускает ее, но старик, усмехнувшись, ответил:

— Кроме желания служить истинной вере надо иметь еще способности к этому. Те люди, которых я отпустил, достигли вершины своих возможностей. Ты же можешь больше. Потерпи.

Однако все произошло совсем не так, как рассудил Гуинхей и как думала Соня. Однажды утром она вышла на площадку, готовая к упражнениям под руководством учителя, но вместо него ее встретил номер седьмой, который был правой рукой учителя и следил за распорядком дня в монастыре.

— Пойдем со мной! — хмуро кивнул он девушке вместо приветствия и, повернувшись, зашагал к дому Гуинхея.

Они вошли в полутемное помещение, где на невысоком ложе в углу Соня увидела своего наставника. Старик дышал с трудом, его глаза глядели печально и строго.

— Вот что, Соня.— Девушка вздрогнула от неожиданности, потому что он впервые за время ее пребывания здесь обратился к ней по имени.— Похоже, я не доживу до своего трехсотлетия... если ты не сумеешь помочь мне.

Трехсотлетия?! Соня непроизвольно вздрогнула. Сколько же тогда лет Текмессе, если Гуинхей — ее племянник? Значит, эти люди на пути к Бессмертию?

— Я готова, учитель,— склонила она голову.— Скажи, что я должна сделать?

— Я могу надеяться только на тебя,— тихо проговорил Гуинхей.— Есть одно снадобье, которое может вылечить меня. Но находится оно очень далеко отсюда, в Боссонии.

— У аквилонцев? — подняла брови девушка.

— Почти,— выдохнул старик.— Ты поедешь к Текмессе, а она уж переправит тебя туда, куда

надо. Там ты найдешь человека по имени Кантенфлас. Он будет знать о тебе и поможет найти лекарство. Торопись. Если ты не вернешься через три луны, я умру.

— Разве человек может знать день своей смерти? — не удержалась от вопроса Соня.— Ты же сам учил...

— Простой, конечно, не может,— не стал спорить Гуинхей.— Но мне было послание с Моря Грез. Я надеюсь на тебя...— Он посмотрел на девушку долгим взглядом и ободряюще кивнул: — Ступай...

— Подожди,— на пороге Соня обернулась,— ты не сказал, как это зелье называется.

— Мне неизвестно,— ответил старик,— ты должна узнать сама...

* * *

Теперь Соня проделала обратный путь из монастыря в Хауран, но попутчиков на этот раз не подвернулось, и девушка путешествовала в одиночестве.

В общем, все прошло благополучно, если не считать одной стычки в маленьком городке, приульившемся у подножия Кезанкийских гор. Соня, как всегда, выбрала самый крупный постоялый двор, сняла себе небольшую комнату на ночлег и спустилась вниз, в харчевню, чтобы поужинать. Она была одета в обычную для степных путников одежду: кожаные штаны и такую же безрукавку, поверх которых наброшен просторный плащ с капюшоном. Это одеяние позволяло ей

скрывать, что она девушка, и, кроме того, не так бросался в глаза висящий на левом боку длинный меч, который дал ей Гуинхей. Она обычно занимала место где-нибудь в углу зала и, не вступая ни с кем в разговоры, ужинала и сразу же отправлялась к себе спать, а рано утром покидала постоянный двор.

На этот раз только мальчишка-подавальщик принес ей заказанное блюдо, как вдруг какой-то человек, изрядно навеселе, развалился на соседней лавке и громким голосом потребовал выпивки. Мальчишка расторопно выполнил его желание и поставил на стол большой кувшин вина.

— Давай-ка со мной! — кивнул Соне выпивоха, двинув в ее сторону глиняную кружку.

Девушка опустила голову и отрицательно помотала головой.

— У меня сегодня был на редкость удачный день, а ты не желаешь разделить мою радость. Почему? — Он наклонил голову к самому столу, пытаясь разглядеть лицо собеседника.

«Вот пристал, мерзавец! — выругалась про себя Соня. — Никакое воспитание Гуинхей не поможет... Этот парень добьется, чтобы ему как следует врезали».

Она продолжала медленно жевать, не обращая внимания на прилипчивого соседа, втайне надеясь, что ему это скоро надоест и он от нее отвяжется.

Выпивоха, однако, оглянувшись по сторонам и, заметив, видимо, кого-то из своих знакомых, громко закричал:

— Эй, Кахраман! Как я рад тебя видеть! Давай-ка выпьем со мной!

— Угощаешь, что ли? — Голос показался Соне знакомым, она явно где-то его уже слышала. Только где? В Арэнджуне?.. Внезапно ее осенило:

«Да ведь это Тюк! — пронеслось в голове девушки. — Тот самый ублюдок из банды Удода... Давно это все было, пару лет минуло, уж точно. Надо же, Кахраманом его, оказывается, зовут. А я и не знала...»

Она искоса посмотрела на подходящего к столу мешковатого человека лет двадцати. Сомнений не оставалось — это был Тюк, трусливый и подловатый парень. Соня усмехнулась про себя, вспомнив их последнюю встречу. Ей пришлось таки прирезать главаря, еще большего подонка, а этого Тюка и еще кого-то из банды она заставила спрятать труп Удода — и те беспрекословно подчинились.

«Только этого не хватало... — бросив пару взглядов на зал, заполненный почти наполовину, подумала Соня. — Узнает, позовет стражников, а мне это совсем ни к чему».

Она надвинула капюшон еще глубже на лицо и встала со своего места, намереваясь, пока не поздно, удалиться.

— Представляешь? — плаксиво пожаловался ее сосед подошедшему приятелю. — Не хочет выпить со мной! Плюнул в душу прямо, а я-то к нему...

— Ну раз он такой невежливый, мы его сейчас обучим хорошим манерам! — зловеще проговорил Тюк, загораживая Соне проход. — Ты кто

такой, подлюка, чтобы обижать моего лучшего друга?

— Заткни пасть и сядь на свое место! — шепотом ответила ему Соня. — Если, конечно, жить не надоело, ублюдок!

Тюк раскрыл было рот, чтобы разразиться в ответ грязным ругательством, но почувствовал, как острое кинжала уткнулось ему в живот. Невежливый тип явно не шутил, и лучше последовать его совету.

Он медленно опустился на лавку, испуганно хлопая глазами, и все на этом наверняка бы закончилось, если бы не его пьяный приятель.

— Я тебе сейчас дам по башке! — объявил он и, покачиваясь, стал подниматься, оттирая Тюка-Кахрамана в сторону.

Старый знакомый Сони попытался было урезонить выпивоху:

— Все в порядке, успокойся...

Соня взглянула на зал: те, кто сидел поближе, поворачивались в их сторону, предвкушая, по всей видимости, увлекательное зрелище. Гунинхей научил своих учеников не только действовать мечом и дубинкой. Молниеносного движения Сониной ладони не видел никто, и у зевак сложилось впечатление, что выпивоха просто поскользнулся, когда он с грохотом рухнул на пол. Тут только Тюк, непостижимым для его слабого ума образом сложив в голове знакомый голос и действия стоявшего перед ним человека, произвольно вскрикнул:

— Это ты, Рыжая?!

Когда ум не поспевает за языком, жди беды. Так и случилось на этот раз.

Услышав возглас Тюка, из толпы отделился молодой человек, по виду приказчик богатого купца.

— Рыжая? — подходя поближе, спросил он. — Очень я рыжими интересуюсь. Одну из них мне бы очень хотелось найти и потолковать по душам.

Соня мгновенно узнала говорившего — это был Ахсарбек, одна из жертв Лабеса, которого они нагрели как-то на весьма кругленькую сумму.

— Ну-ка дайте мне посмотреть на рыжую! — протянул он к ней руку, попытавшись сбросить капюшон.

Соня поступила с несчастным приказчиком, которому и так уже в свое время досталось от нее, весьма невежливо, почти так же, как и с предыдущим приставадой. Цепко ухватив рукав Ахсарбека, она резко продолжила движение его руки вперед, в стену, находившуюся прямо у нее за спиной. Рывок был настолько сильным, что вместе с явственно слышимым хрустом ломаемой кости послышался громкий чавкающий звук, и лицо приказчика превратилось в страшную кровавую маску.

Зрители охнули и непроизвольно попятились в стороны. Ахсарбек был в таверне не один, и кто-то из его дружков бросился ему на помощь.

— Я знаю эту девку! — ополоумев от случившегося и, по всей видимости, желая отомстить Соне за прежние унижения, завопил Тюк. — Она...

Резкое движение Сони почти оторвало ему голову. Из располосованного ножом горла, как у забитого куренка, хлынул поток крови. Приятель Ахсарбека успел выхватить кривую саблю, но ученики Гуинхей были стремительными, как бросок кобры. Соня, не желая больше множить ряды досрочно отправившихся по ее милости из этого мира, просто-напросто отрубила бедняге кисть, а затем взлетела одним прыжком на ближайший стол и, прыгая по тарелкам и расшвыривая попадавшие под ноги кувшины, поспешила к выходу. На улице девушка выдернула из седла попавшегося ей на пути какого-то богача, раздетого в шелка, вскочила на коня и успела миновать городские ворота прежде, чем слух о происшествии на постоялом дворе достиг ушей стражников.

Когда стража явилась на место происшествия, никто толком не мог объяснить, что же случилось на самом деле. Два трупа: совершенно обескровленный Тюк, у которого голова болталась, словно привязанная к туловищу красной тряпкой, и бедолага приказчик, которому Соня, слегка не рассчитав силу рывка, сломала шейные позвонки.

Меньше всех пострадал, подтверждая этим старую истину, что нет правды на земле, забияка и виновник всего происшествия: вывалявшийся в луже собственной блевотины, он через некоторое время сумел без посторонней помощи доползти до лавки и, облокотясь на нее, пытался вспомнить, кто же ударил его в живот с такой невероятной силой...

Когда кто-то из посетителей сообщил, что напавший на посетителей таверны был на самом деле женщиной, его подняли на смех:

— Какая девка? Ты видел когда-нибудь, чтобы баба могла так действовать?

— Но эти же говорили,— пытался оправдаться совершенно сбитый с толку свидетель,— я сам слышал...

— А ты больше слушай, тебе еще не такого наболтают! — И на незадачливого свидетеля махнули рукой, переключив внимание на несчастного виновника происшествия, которого продолжало тошнить.

В конце концов все решили: это был демон, потому что не может же человек в мгновение ока расправиться с несколькими далеко не слабыми мужчинами и при этом даже не оставить хоть какого-то воспоминания о себе. Постепенно все затихло, и посетители вернулись к прерванной трапезе, обсуждая злокозненные проступки темных сил, а также припоминая, что пострадавшие сами были далеко не во всех отношениях благовоспитанными и почтенными людьми. Про несчастного молодого красавчика поговаривали, что он облегчил кассу своего прежнего работодателя на весьма кругленькую сумму и был вынужден бежать из родного города, а уж если боги решили наказать их за неблагочинные деяния, то так оно и нужно...

«Чтобы вас всех разорвало в клочья! — злилась Соня. Вместо того чтобы спокойно спать в маленькой комнатенке, она сейчас во весь опор гнала

лошадь по степи. Она, правда, забыла, что из ее обидчиков почти никого уже нет на этом свете.— Хотя здесь все-таки свежий воздух, надоели мне эти вонючие постоянные дворы...» — Она совсем успокоилась и вспомнила слова учителя о том, что все в мире относительно и не бывает чего-то совсем уж плохого, равно как и до тошноты хорошего. Всегда что-то найдешь, а что-то потеряешь, и у каждой медали имеется обратная сторона...

Глава восьмая

Мекмесса встретила ее так, будто они расстались утром и Соня просто вышла со двора на рынок, не более того. — Приехала? Я тебя жду,— бросила старуха,— у меня уже все готово.

— Что готово? — не поняла Соня.

— Гуинхей сообщил, что тебе надо направиться к Кантенфласу. Ступай в дом.

Девушка последовала за Текмессой и, войдя в знакомое ей просторное помещение, увидела разложенные на лавке тонкую кольчугу и плащ со знакомым рисунком — шкура рыси,— к которому успела привыкнуть за время обучения у Гуинхей.

— Переоденься.— Старуха расположилась в кресле, ожидая, пока Соня будет готова.

Девушка скинула с себя дорожную одежду и перед тем, как надеть приготовленное старухой, подошла к большому зеркалу на стене. За время, проведенное в монастыре, она ни разу не видела своего тела и сейчас с любопытством уставилась на отражение. Бесконечные упражнения сделали

ее фигуру суше и стройнее, чем раньше. Соня согнула руку в локте, и напрягшиеся мускулы подтвердили, что она неспроста чувствовала себя гораздо сильнее, чем раньше. Она с удовлетворением потрогала выпуклые мышцы на животе и придирчиво осмотрела себя с головы до ног. Высокая, покрытая легким загаром сильная женщина понравилась Соне. Тонкая, гибкая талия, крепкие и стройные ноги... если бы не выпуклая грудь и крепкие бедра, ее вполне можно принять за молодого воина.

Девушка повернулась к зеркалу спиной и, скосив глаза, мельком оглядела себя сзади, но тут же поймала взгляд Текмессы.

— Да, племянничек неплохо поработал над тобой, я этого и ожидала.

— Почему? — Соня возвратилась к лавке и стала надевать рубаху.

— Ты первая женщина в его монастыре, и Гуинхей, конечно же, постарался не ударить лицом в грязь, — хихикнула Текмесса.

Соня не стала углубляться в расспросы, хотя ей было очень любопытно узнать, каким образом старуха знает так много о монастыре, находясь от него так далеко. Она оделась, застегнула пряжки кольчуги и набросила плащ.

— Хорошо, — пристально посмотрев на нее, сказала старуха. — Возьми свое оружие и пойдем.

Девушка повиновалась, и они прошли в одну из маленьких комнатенок, где в прошлый раз Соне побывать не удалось. Помещение было совершенно пустым, если не считать высокого резного крес-

ла на подставке и двух узкогорлых медных сосудов, стоявших по обеим сторонам возвышения.

— Садись, — велела Текмесса, и когда Соня расположилась в кресле, добавила: — Руки положи на подлокотники и крепко возмись за них ладонями.

Девушка приняла требуемую позу, хихикнув про себя: именно в такой позе сидел император, которого ей удалось увидеть на одном из приемов в столице.

Старуха между тем высекла огонь и поднесла трут сначала к одному, а потом к другому горлышку высоких кувшинов. Вверх медленно потянулся оранжевый дымок, и Соня вдохнула сладкий аромат. У девушки слегка закружилась голова, и фигура старухи, стоявшая перед ней, начала как бы струиться вместе с дымом, отчего Соня никак не могла зафиксировать на ней взгляд. Текмесса сделала несколько волнообразных движений руками, девушка раскрыла было рот, чтобы спросить, но не успела, потому что почувствовала, как сама начинает растекаться, подобно дыму. Ни один мускул ее тела уже ей не повиновался. Оранжевая пелена постепенно заволокла все вокруг, и скоро старуха совершенно пропала из виду, а Соня тщетно пыталась удержать себя в кресле, но вскоре и она сама, и твердое сиденье под ней настолько размягчились, что превратились в сгусток чего-то непонятного и бесформенного. Казалось, что все медленно погружается в какую-то жидкость, растворяясь в ней. Послышался шум крыльев — сначала далекий, потом все явственней и ближе,

и Соня почувствовала, что вновь начинает ощущать свое тело, но уже не сидящим в кресле — ее крепко сжимали, удерживая в объятиях, чьи-то гигантские лапы.

«Снова этот сон?» — это было последнее, о чем она успела подумать, и тут же ощущение полета и плотное облако оранжевого тумана поглотили весь мир...

...Остров казался пустынным, хотя мелкая живность и насекомые суетились среди камней, но ничего опасного или хотя бы крупного глаз уловить не мог. Соня прошла сквозь узкую расселину в скале и очутилась среди зеленой поляны, окруженной со всех сторон высокими скалами. Огромные, старые дубы росли на некотором расстоянии друг от друга. Остатки хижин какого-то давно исчезнувшего племени сгрудились посреди поляны. Соня на всякий случай вытащила меч, но, оглянувшись, убедилась, что вокруг по-прежнему тихо и спокойно.

Дуб, что возвышался над всеми остальными деревьями, как будто отец над своим детьми, неожиданно привлек ее внимание. Соня, осторожно ступая по мягкой влажной земле, сделала несколько шагов и увидела, что луч солнца отразился от чего-то блестящего рядом с корнями гиганта. Она прошла еще немного; у подножия дерева лежали два воина, чье оружие еще не успело покрыться ржавчиной. Они находились здесь уже давно — зеленые стебли травы проступали даже в отверстиях доспехов. Шлем одного из воинов, откатившийся в сторону, был простым, без украшений, глазами

цы забрала глядели на Соню пустым холодным взглядом. Девушка, нагнувшись, подняла шлем. Внутри он оказался блестящим и сухим. Соня посмотрела на того рыцаря, чей шлем держала в руках; внезапно у нее перехватило дыхание и мурашки пробежали по спине. Нет! Ей не было страшно, просто ее охватило ощущение чего-то неведомого.

Как странно! Тление совсем не тронуло его лицо, и даже белки глаз, хоть и потускневшие, все же смотрели вверх взглядом уснувшей рыбы. Соня осторожно коснулась кончиком меча доспехов мертвеца, и тонкая струйка серебристой пыли заструилась по изгибам панциря. Она все еще держала в руках шлем и чуть не выронила его от неожиданности, когда непонятно откуда взявшийся голос четко произнес:

«Брось эту бесполезную железяку и сядь с противоположной стороны дерева. Не бойся, страх не там, рядом с мертвецами, а там, где плетут свои сети темные силы».

Соня оглянулась, ища источник голоса, и вдруг с ужасом поняла, что слова рождаются прямо в ней, внутри ее собственной головы:

«Сядь спиной к стволу и прижмись к нему, а руки поставь сзади, чтобы ладони упирались в землю».

Девушка выполнила приказ. Она медленно опустилась на землю, опираясь спиной о шершавый ствол, и в то же мгновение ее ноги и руки охватила приятная слабость, словно позади остался долгий и трудный путь, а сейчас ее ждет желанный отдых. Соня прикрыла глаза.

Внезапно девушка ощутила, как корни дерева и прохладная почва под ней пришли в движение. Стебли ветвей обвилились вокруг ее ног, оплели руки, холодя кожу и проникая сквозь воротник и рукава внутрь одежды. Эти тонкие щупальца достигли груди и живота, скользнули по бедрам, ужаснув Соню интимностью своих прикосновений. Девушка вдруг почувствовала, как странное возбуждение охватило все ее тело.

Рыжие волосы поднялись вверх, словно подхваченные дуновением ветра, и распластались по шершавой коре, Соня росла и растягивалась.

Открыв глаза, она испугалась, потому что находилась высоко над землей и трепетала вместе с ветвями этого гигантского дерева. Ее пальцы проросли сквозь ветви дерева, и она ощущала дуновение ветерка множеством листьев, ее ноги вросли в землю, подобно корням дерева,— они широко распространились по поляне, но холод и твердость камня не давали им проникнуть глубже. Ее глаза видели и море, окружавшее остров, и земли и селения за ним, и скачущих на конях всадников.

— Я выше дерева! — вскричала она, удивляясь звучанию своего голоса.

— Ты будешь еще выше,— ответил голос внутри нее.— Ты будешь нашими глазами и расскажешь все, что увидишь. Ты сможешь обозреть те земли, где скоро потребуются твой меч, твоя сильная рука, твоя смелость и знания.

Девушке показалось, что она взмыла еще выше, подобно птице. Пронеслась над морем, сейчас она

летела над сушей. Мелькали холмистые земли и крытые камышовыми крышами хижины, стены крепостей и земляные валы укреплений перед ними.

— Это земли боссонцев, которые беспрестанно воюют между собой, но сейчас у них один общий враг. Это и наш враг, и твой. Аквилония! — произнес голос.— Ты поможешь им в этой борьбе...

— Но я же должна...

— Мы знаем об этом,— мерно и раскатисто продолжал звучать в мозгу Сони голос.— В Боссонских Топях ты встретишь Кантенфласа.

Вихрь закружил девушку и вновь понес к морю. Соня подумала, что возвращается к гигантскому дубу, но остров, к которому она летела, показался ей незнакомым: громадный утес с гладкими, как лезвие меча, стенами, и узкая полоска песка, больше ничего. Она стремительно опускалась к подножию утеса.

— Это остров Крэгг. Ты заберешься наверх,— велел голос, и девушка, не отдавая отчета в своих действиях, принялась карабкаться, цепляясь за каждый выступ, за любую крохотную трещину, слыша под собой грохот разбивавшихся о камень волн. Не один раз ее нога скользила по гладкой стене, теряя опору, но Соня все же невероятным усилием исхитрялась уцепиться руками за какой-нибудь бугорок. Наконец девушка в совершенном изнеможении вползла на площадку, поросшую вереском, и рухнула ничком, тяжело, со свистом, дыша.

— Ты справилась с задачей,— вновь прозвучал голос.— Забраться на эту скалу не менее сложно,

чем на Хрустальную башню. Теперь можешь смело идти вперед.

Соня встала и нетвердыми шагами двинулась по вересковому полю к видневшейся вдали полоске темных камней. Чем ближе она подходила, тем явственней слышался звук струн и человеческие голоса, выводившие заунывный напев:

Он крепок, Мабионский меч
Любой доспех готов рассечь...

За грядой камней сидели трое стариков с длинными седыми бородами, которые развевались на ветру. У одного из них на коленях лежал причудливый инструмент, девушка никогда такой не видела. Старец перебирал пальцами струны, и над скалами неслись тихие слова про крепость и быстроту меча. Соня встала напротив старцев и несмело кашлянула, стараясь обратить на себя внимание. Один из них, тот, который играл на причудливом инструменте, поднял на нее глаза и глухо произнес:

— Смотрите! У нас нашелся слушатель. Мы можем спеть песню об Утхане.

Он ударил по струнам, и все три старика, мерно раскачиваясь в такт пению, заголосили высокими дребезжащими голосами:

Та песня из седых времен,
Как жил Дарвиль, боец,
И захотел владычить он
Всем миром наконец.
Друзья просили:
«Ты ответь,
Что, мало нам врагов?

Не можешь миром ты владеть,
То промысел богов!»
«Я не нуждаюсь в болтунах!» —
Прогнал Дарвиль друзей.
«Поможет Броган мне, монах
По кличке Дух Полей».
«Вас ненавижу», — так сказав,
Ушел от всех чужим.
И только Броган другом стал,
Дарвиль сроднился с ним.
«Я слышал от кого-то,
Что есть волшебный меч, —
Сказал задумчиво Дарвиль, —
Огнем он может сечь.
Живет в одной из дальних стран,
В селенье Мабион,
Кузнец по имени Утхан,
Искусный мастер он».
«Давай поскачем по холмам
К Утхану поскорей,
Я знаю, он поможет нам», —
Ответил Дух Полей.
«Для дел достойных нужен меч?» —
Спросил Утхан у них.
«Людей хотим мы уберечь
От демонов лихих».
«Тогда я сделаю клинок».
И мастер горн раздул,
Звенел металл, и точно в срок
Он меч им протянул.
«Теперь мы обратим их в пыль,
Ничтожных тех людей».
И усмехнулись зло Дарвиль
И Броган, Дух Полей.
«Но как же? Говорили вы,
Что защитите всех...»
«Да ты доверчивый дурак!» —

В ответ раздался смех.
«Теперь никто не равен нам,
Раз меч волшебный дан».
И ускакали по холмам.
И зарыдал Утхан.
«О Мать-Земля!» — он закричал,—
Ошибку сделал я,
Я меч подонкам отковал,
Пропала жизнь моя!»
Тогда услышал он в ответ:
«Ты слез не лей своих,
Я Рысь пошлю за ними вслед,
Она накажет их.
Далеко эхо по холмам
Разносит стук копыт.
«Ты видел, что мелькнуло там?
Как будто тень скользит».
«Чего бояться нам теперь? —
Ответил Дух Полей.—
Пусть скачет там какой-то зверь,
Найдет он смерть скорей».
Но это не был зверь простой.
Ужасен Рыси рык.
Холмы на миг покрылись мглой,
Услышав смертный вскрик.
Так жизни их пришел конец,
Забылись в беге дней
Дарвиль, заносчивый боец,
И Броган, Дух Полей.
Века лежат они без сна,
Движенья лишены,
И лишь считать пустые дни
Теперь обречены.

Соня слушала эту странную, совершенно непонятную ей песню и зябко куталась в плащ. Из-за высокой скалы доносились порывы свирепого ле-

дяного ветра. С последним аккордом струн девушка почувствовала, как земля уходит из-под ее ног и она вновь поднимается над морем. Старцы с развевающимися бородами стремительно уменьшались прямо на глазах и наконец исчезли совсем, как, впрочем, и сам остров в просторах моря. Темнота ночи уже опускалась на землю, и Соня совершенно не представляла, куда теперь несет ее вихрь.

— Помни эти слова, помни все, что ты увидела и услышала,— вновь раздался голос.— Мир — это река, поток, и ты стоишь в нем. Струи подхватывают тебя, обвивают и несут, и твое будущее скрыто в твоём настоящем. Если ты будешь достойна, то победишь...

Голос зазвучал тише, словно удалялся от нее, и только свист вихря остался в этом мире. Соня вновь ощутила себя ветками и корнями большого дерева, а потом почувствовала, что падает. Куда? Она не знала, но сердце сжалось от ощущения пустоты под ногами, а мрак вокруг позволял различить только изредка вспыхивающие среди разрывов туч звезды. Ее ноги коснулись чего-то мягкого и влажного, и больше она не видела и не слышала ничего.

* * *

— Ты обещал мне, что к сегодняшнему дню сумеешь разбудить их! — Клемансаль, побледнев от ярости, в упор смотрел на колдуна Тиганасу.— Ты обещал, помнишь или нет, будь ты проклят! — Он схватил мага за шиворот и несколько раз ощути-мо встряхнул.— Что я теперь скажу правителю?

Что, тварь болотная? Он совсем не обрадуется, когда узнает о том, что армия еще не вышла из Велитриума только потому, что какой-то беспомощный колдун не сумел сделать какой-то простой вещи!

Он оттолкнул колдуна и, стуча подкованными сапогами, нервно прошелся по залу, потом резко развернулся и, брызгая слюной, завизжал:

— Даю тебе еще один день, а если и тогда не сделаешь то, что надо, клянусь всеми богами сразу, я сдеру с тебя шкуру, причем с живого. И не вздумай попытаться сбежать, как в прошлый раз. Помнишь, чем это кончилось?

Тиганаса скорбно усмехнулся; по приказу наместника короля выпороли его тогда основательно.

— Пошел вон! — рявкнул Клемансаль.

Колдун направился к выходу из зала, размышляя по пути о бренности всего земного, а также о своей глупости и жадности. Надо было сначала попробовать, а потом уже обещать... Вдохнув, Тиганаса направился по пустой галерее к своему жилищу, просторному помещению в левом крыле огромного замка, построенного еще в незапамятные времена. Сзади как тени следовали два закованных в броню рыцаря, его личная охрана. Колдун захлопнул перед носом своих стражей огромную дверь — хотя бы внутри своего убежища он может остаться один.

С тоской посмотрев на забранные решетками окна, Тиганаса вновь раскрыл огромный старинный фолиант в кожаном переплете.

Кроме него, никто не мог читать древние письмены неведомого языка, и это приносило ему день-

ги, славу, а кроме всего этого еще и положение в обществе.

Осечка случилась с ним впервые, и — все старые заслуги забыты. Колдун только скрипнул зубами от злости. Этот заносчивый вояка не вспомнит теперь, конечно, как именно он, Тиганаса, обеспечил ему победу над стигийцами. Он, а не армия Клемансаля, разгромил войска южан в устье Стикса, наслав на их полчища проклятье, вычитанное в древней книге! Солдатам аквилонцев осталось только добивать бегущих в панике воинов противника, а потом делить добычу. Правда, если быть справедливым, и ему кое-что тогда перепало. Дом в столице — это не шутка! Не каждый чиновник короля имеет такой просторный и богатый дом. Отчего бы не расстаться тогда с Клемансалем! Сидел бы сейчас у фонтана в своем саду и потягивал бы барахтанское вино... Так нет же, какой-то демон заставил его последовать за военачальником сюда, в эти проклятые богами топи, где одни только кровожадные, огромные комары способны надолго вывести человека из равновесия...

Он еще раз внимательно перечитал древние руны:

— В склепе пятого холма правого берега реки, сразу за отмелью, — зашевелил он губами, — тьфу! Зачем я это читаю, если погребение уже нашли? Совсем спятил от страха! Дальше надо...

Тиганаса лихорадочно перевернул несколько страниц.

— Здесь... Так... Дух Полей в золотой маске. Правильно... Дарвиль в черной маске... Дальше...

Желтый лотос, четыре пучка бессмертника... Камень растолочь в ступке... Все так и делал... Читай внимательно,— подхлестнул он самого себя.— В этот раз плетью не отделаешься, рискуешь головой.

Он долго бормотал что-то про себя, переворачивая страницы, возвращаясь назад и снова проверяя правильность перевода. Древние книги никогда еще не подводили его. Сказано, например, как выманить всех крокодилов из реки и насладиться на лагерь противника, так и получается. А те воины... Действительно, посланные с ним землекопы отрыли ход в холме, и он открыл почти рассыпавшуюся от времени медную дверь. Свежесть пахнувшего на него воздуха была удивительна, а оба воина выглядели так, будто только что заснули. И мечи лежали в саркофагах рядом с ними — все, как написано. А вот дальше вышла загвоздка. Воины, несмотря на все старания Тиганасы, не оживали, хотя он вроде бы все делал правильно, в точности так, как указано в древней книге...

* * *

Клемансаль сидел в кресле перед камином, задумчиво опершись щекой на руку. Поленья весело потрескивали, временами рассыпая вокруг снопы искр, но вид пляшущего огня не прибавлял веселья полководцу. Действительно, было над чем задуматься. Он, Клемансаль, герой южной кампании, в которой аквилонцы наголову разгромили войска шемитов! Асгалун тогда горел три дня, превратившись в пепелище. Потом он стремитель-

ным броском уничтожил армию Стигии. А что теперь? Все эти боссонцы!

— Дикари! — выругался генерал, неподвижным взглядом уставившись в пламя.— Давным-давно надо было их всех выслать куда-нибудь в Зингару.

Он вспомнил, как один придворный в Таранти со смехом цитировал ему недавно вышедшую книгу какого-то мудреца под названием «Являются ли жители Боссонии аквилонцами или они ближе к диким пиктам?» Забавные суждения встречались в этом труде! Клемансаль, неожиданно развеселившись, прищелкнул языком. Он не очень-то доверял книгам, да и вообще недолго любил всевозможных ученых писак, тем более что сам не очень хорошо умел читать, а письмо вообще доставляло ему массу хлопот и затруднений. Да и не нужны эти дурацкие премудрости военному, только мешают... Но про этих дикарей мудрец писал очень даже правильно: если за сотни лет они так и не научились строить замки и живут по законам своих родов, то, несомненно, они ближе к пиктам, хотя внешне и похожи на аквилонцев, да и имена у них схожие. Деревенщина дикая! Сиди теперь в этой глуши и думай, как выполнить приказ короля. Да еще боль в затылке... Клемансаль потер шею и поморщился.

Все дело в том, что эти боссонцы во время немедийской войны вдруг внезапно снялись с того участка, который должны были защищать, и ушли домой. Видите ли, на их жилища напали пикты! Интересы королевства дикарей теперь не волнуют! Из-за них вместо того, чтобы взять Бельверус,

аквилонцы были вынуждены откатиться за хребет, причем с большими потерями. Хорошо, что он сам был в это время в Шеме и его не коснулся гнев короля. Он даже выиграл от этого, потому что его соперника Гимаэля тут же отправили куковать в свое поместье. «Стрелять уток! — кричал король. — Больше ты ничего не можешь, старый ублюдок!» Клемансаль вновь хмыкнул, на этот раз удовлетворенно. Теперь до главнокомандующего аквилонской армией — рукой подать, тем более что этот старикашка Мюратас уже и жезл-то как следует в руках держать не способен. Вот только бы сломать этих ублюдков, втоптать в их собственные болота! По самую шею! Клемансаль с треском хлопнул ладонью по ручке кресла. В дверях немедленно возникла физиономия его лакея Фрикаса:

— Чего изволите, господин!

— Пошел вон! — Слуга, резко повернувшись на высоких каблуках, поскользнулся и шлепнулся на пол.

«Экий оболтус!» — хмыкнул Клемансаль, со злорадством наблюдая, как Фрикас вскочил, неловко отряхнулся и выскользнул за дверь.

Крутого нрава военачальника побаивались все. В случае чего не миновать и оплеухи, а рука у доблестного вояки была тяжелая. Но пустячок со слугой лишь на время отвлек Клемансалья, и он вновь глубоко задумался. Втоптать их в болота — прекрасная мысль, но как это осуществить? Боссонцы — отличные воины, хорошо держатся в седле, стреляют из лука, да и армию могут собрать немалую.

Зачем он согласился? А как было не согласиться, если сам король берет тебя под руку и под завистливый шепот придворных прохаживается по залу, обсуждая текущие дела... Можно, конечно, сжечь пару-другую их городков, но эти тупоголовые дикари рассеются среди своих холмов, ищи-свищи потом... Перебить всех не удастся, тут и думать нечего. Попробуй, вытащи их из болот и речных заводей... Только армию загубишь. Король разгневается, и тогда прощай вожаденный жезл, придется вслед за беднягой Гимаэлем убираться в свое поместье. Хорошо, если так, а то ведь можно пойти и по стопам бедняги Даладиса, чья голова некоторое время украшала городскую площадь столицы...

А неплохо он провел времечко тогда в Шеме, пока этот пустоголовый Гимаэль отбивался от немедийцев... Правда, места там пустынные, жара, но это все-таки лучше, чем здесь глотать сырость. Да и жил он все-таки не среди песчаных барханов, а во дворце. Павлины, фонтаны, танцовщицы... Мысли Клемансалья потекли в другом, гораздо более приятном направлении. Да и перепало ему кое-что, когда он отдал этой, как ее... Атлии, на время своих людей. Ядреная бабенка эта Атлия, ничего не скажешь, хотя и не первой молодости! Клемансаль причмокнул губами, вспоминая высокую гибкую фигуру женщины и особенно ее грудь. Да, она торчала так вызывающе, что ему казалось: сейчас лопнет ткань ее одежды. Говорили, кенида правит в каком-то замке, в Кезанкийских горах, и якшается со зверопоклонниками. Кто

их знает, этих колдуний? У Клемансалья не осталось никаких сомнений в том, что она именно колдунья, когда в ответ на его легкий намек, что он был бы совсем не против... та одарила его свирепым взглядом зеленых глаз, и у него враз пропало всякое желание. Точно, ведьма! Если бы не тот ларчик с золотом, который был обещан ему за отряд, он поговорил бы с ней совсем по-другому! Приволокли бы ее к нему голую, в цепях! И никаких гордых взглядов. Умоляла бы, чтобы снизошел до ее прелестей. Тварь! На кусочки бы разрезал... Потом, конечно.

— Фрикас! — хлопнул в ладоши Клемансаль.

Слуга влетел как ошпаренный и застыл у двери.

— Давай ужин — и побыстрее!

— Слушаюсь!

Теперь уже Фрикас расторопно раздавал подзатыльники и зуботычины, пока слуги более низкого ранга торопливо накрывали на стол, хлопали пробками бутылок, проворно раскладывали пищу.

Отдавая должное искусству своего повара, Клемансаль не переставал думать о делах.

«Этот мерзавец Тиганаса, вся надежда только на него! — тоскливо размышлял он, обглаживая индюшачью косточку. — Хоть бы не обманул, подлец... Может быть, я зря его так припугнул? Еще сбежит... Пусть только попытается, поймаю и вздерну собственноручно. Или кожу содрать? Нет! Пусть лучше сделает, что обещал, если это только не сказка. Шутка ли сказать, два рыцаря с огненными мечами... Взмах — и десяток врагов повалился, еще

махнул — опять полдюжины. Тогда никакие топи не страшны. Да еще надо бы натравить этих боссонов друг на друга... Мы тут сидим, а головы летят, и денежки идут».

— Давай музыкантов сюда! — приказал он Фрикасу. — Пусть поиграют что-нибудь! И этих, в общем, сам знаешь. — Он прищелкнул пальцами и подмигнул своему лакею.

— Один момент! — Слуга явно повеселел: если хозяин требует девочек, значит, в хорошем настроении, и по крайней мере до завтрашнего утра ему, Фрикасу, ничего не грозит.

* * *

Тиганаса тем временем было совсем не до плотских утех, хотя он тоже с удовольствием бы повеселился. Вспотев от напряжения, колдун в сотый, наверное, раз перечитывал рецепт колдовского зелья:

— Гливур уатаах... голубая фиалка, аарт фрикуун... желтый лотос... Стоп! — вдруг завопил Тиганаса. — Гливур уатаах — это же темная фиалка! Вот в чем дело! Нашел! — На его вопль в дверь заглянул охранник. — Пошел вон! — радостно заорал на него колдун, он теперь не сомневался, что все получится, и не испытывал ни малейшего страха перед каким-то там солдатом.

Колдун все же два раза от волнения просыпал порошок, пока сумел наконец приготовить нужное зелье.

— Теперь все! Ай да Тиганаса, ай да мудрец! — приплясывал он в нетерпении и почти побежал в

подвал, где стояли саркофаги с телами древних рыцарей, так что стражники, приставленные следить за колдуном, еле попевали следом.

* * *

Музыканты заняли свои места в дальнем углу зала и по кивку Фрикаса начали с любимой мелодии — марша аквилонских стрелков.

Клемансаль благосклонно выслушал и приказал повторить. Фрикас побледнел — это был плохой знак: значит, хорошее настроение покинуло его господина. Когда же генерал кивнул, выражая этим свое желание послушать марш в третий раз, слуга совсем сник, предчувствуя недоброе. Он уже не решался предложить хорошеньких стигиек, купленных позавчера на невольничьем рынке. Музыканты закончили играть и замерли в ожидании. Клемансаль поднял голову, и по его взгляду Фрикас понял, что сейчас марш пойдет по четвертому кругу.

В это мгновение раздался стук в дверь.

— Кто это? — недовольно проворчал Клемансаль.

— Тиганаса просит принять его, — сообщил стражник.

— Давай сюда этого сына греха! — рявкнул бравый вояка. — Что там у тебя? — спросил он, но по лицу колдуна понял всю ненужность своего вопроса. — Получилось?

— Да, господин! Они просыпаются! Теперь осталось только дождаться полнолуния, и можно начинать!

— Полнолуния? — недовольно поморщился Клемансаль. — Это когда?

— Через десять дней, — упавшим голосом сообщил Тиганаса.

— Так долго...

«Не тянет ли он время? — Нахмурившись, Клемансаль отвернулся от колдуна. — Придется все-таки на всякий случай разведать, как обстоят дела на том берегу. Завтра возьму пару сотен солдат и сам посмотрю, как живут боссонцы. Пощиплю немножко харганов — они поближе остальных. А там посмотрим! Никому нельзя доверять, сучьи дети!»

— А как мне проверить, не врешь ли ты? — вновь вперил он холодный взгляд неподвижных глаз на вытянувшегося во фрунт Тиганасу.

— Конечно, конечно, — залопотал колдун. — Да хоть сейчас! Но никакого обмана быть не может! Я очень старался...

«Как шкуру пообещаешь содрать, так все вы стараетесь! — подумал Клемансаль. — Но вроде бы действительно не врет. Ладно, завтра посмотрю». — Он взглянул на мага уже более благосклонным взглядом.

— Вот видишь, стоит приложить немного старания, и все в порядке! Фрикас! — крикнул он, и от неожиданности испуганный слуга присел на месте:

— Слушаю!

— Где девчонки? — гаркнул Клемансаль. — Забыл, что ли, сучье отродье? А вы, трубки поганные! — заорал он на музыкантов, но никто не испугался его рыка, потому что все видели: хозяин

в наиотличнейшем расположении духа.— Кроме военной музыки знаете что-нибудь?

Губы музыкантов растянулись в улыбке чуть не до самых ушей. Фрикас, также довольный донельзя, дал им знак взмахом руки, и грохнула разухабистая мелодия известной песни:

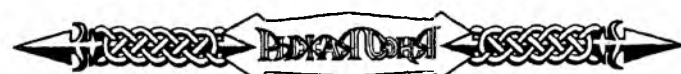
Наш генерал не очень рад сраженьям,
Предпочитая на парадах выступать,
Поест, попить, послушать птичек пенье
Да голых девочек за попку пощипать.

«В точности про этого придурка Гимаэля,— удовлетворенно подумал Клемансаль, напевая про себя.— Хотя последнее, не стану скрывать, и мне очень даже по душе! Кстати, не навестить ли мне этого старого олуха? У него как раз есть на что посмотреть. Может быть, и про этих дикарей разузнаю поподробнее. Гимаэль все-таки был здесь когда-то наместником, да и сосед боссонцев как-никак. Со скуки многое может порассказать!»

Хорошее настроение полностью овладело им, и даже тупая боль в затылке исчезла.

— Садись, друг мой,— ласково пригласил он Тиганасу.— Выпьем, посмотришь, что приготовил для нас этот мерзавец Фрикас. А если все на самом деле будет в порядке, уж я тебя награжу, не сомневайся!

«Да! — удобно усаживаясь в кресло, подумал колдун.— Теперь, конечно, я получу немало. А ведь хотел содрать с меня кожу, гадина! Последний раз я что-то для него делаю! Нельзя испытывать хорошее расположение богов до бесконечности...»

Глава девятая

о веткам скользнул луч солнца и, пробежав по влажному от росы мху, осторожно коснулся лица девушки. Соня открыла глаза и мгновенно зажмурилась вновь, ослепленная ярким светом. Она встряхнула головой и, опираясь на руки, села. Где она? Примятый мох все еще хранил форму ее тела, полянка среди высоких и темных елей тонула в утреннем полумраке, и только сквозь просвет между деревьями едва пробивалась узкая яркая полоса рассвета. Птичий гомон, затихший на мгновение, словно поджидая появления светила, вновь заполнил шелканьем, пересвистом и треньканьем просыпавшийся лес.

Соня огляделась вокруг: она находилась на высоком берегу реки, окаймленной стеной густого ельника. Покрытый травой откос круто уходил под темную воду. Другой берег был низким, и за желтым островком песчаной отмели буйная поросль кустарника переходила в темную стену деревьев.

Девушка потянулась, встряхнула руками, окончательно освобождаясь ото сна и вскочила на ноги. Кроме щебетания птиц и легкого шороха колеблющихся под дуновением утреннего ветерка ветвей, больше ничего не было слышно.

«Куда она меня забросила? — вспомнив Текмессу и кресло, похожее на королевский трон, спросила себя Соня. — Или все еще продолжается тот странный сон?»

Не тронутые гниением тела рыцарей, скалистая стена острова Крэгга, песня старцев, прорастающее в нее дерево... Соня вздрогнула, вспомнив ощущения, которые испытала, когда тысячи отростков оплели ее тело. Удивительный сон — она помнила каждое его мгновение так ясно, словно это происходило наяву.

«Может быть, это вовсе и не было сном? Тогда где же я была? — Девушка нахмурила брови, стараясь решить трудную для нее загадку. — Море Грез... Но его же нет на самом деле. Это в другом мире, Гуинхей говорил мне об этом...»

Соня потянулась еще раз. Почему бы не отложить на время размышления о том, куда она попала под действием чар Текмессы, а пока искупаться в ласковой и спокойной воде. Девушка сложила оружие и одежду под разлапистой елью; помогая себе руками, спустилась вниз по почти отвесному склону и бросилась в реку... Ах! Вода оказалась такой ледяной, что у нее от неожиданности перехватило дыхание и как будто тысячи острых иголок впились в тело. Через несколько мгновений девушка уже освоилась и плыла к про-

тивоположному берегу, а спустя еще некоторое время перестала ощущать холод. Соня с удовольствием поплескалась на песчаном мелководье и вышла на берег, отжимая волосы. Она присела на валун, подставляя лучам солнца тело, и вновь задумалась о том, что ей теперь делать. Девушка совершенно не представляла себе, где находится, но, немного поразмыслив, пришла к выводу, что старуха не отправила бы ее туда, где она не сможет выполнить задание учителя.

Внезапный шорох где-то справа от нее заставил Соню вскочить на ноги. Она бросила взгляд на прибрежные заросли: прямо перед стеной кустарника в десяти шагах от нее стоял высокий молодой мужчина. Как же она не слышала его приближения? Соня сделала несколько быстрых шагов к реке и, войдя в воду по колено, обернулась к незнакомцу.

Тот стоял не двигаясь, спокойно опираясь на длинное копьё. Его черные волосы были связаны на затылке ленточкой, на кожаном кафтане тускло переливалось ожерелье из неровных костяных пластинок. Соня пригляделась. Человеческие зубы, вот что это такое! Какой-нибудь дикий! Однако в его голубых глазах светились ум и достоинство. Он смотрел на нее прямым взглядом и не произносил ни слова. Только тогда Соня сообразила, в чем дело. Она же голая! Последнее время ее совершенно перестали волновать взгляды мужчин, ей было абсолютно безразлично, в каком виде она предстает перед ними, но сейчас она почувствовала некоторую неловкость и, отвернувшись так,

чтобы встать к незнакомцу боком, резко выдохнула:

— Кто ты и что тебе от меня нужно?

— Я не рассчитывал на то, что кто-то купается в ледяной реке, но, увидев тебя...

— Ты вытаращил глаза, словно впервые встретил женщину,— усмехнулась Соня.

Девушка не испытывала никакого страха: мужчина не успеет причинить ей особого вреда, поскольку расстояние между ними было достаточным для того, чтобы при любой его попытке подойти к ней она тут же бросилась бы в воду.

— Ты не права, я встречал много женщин, но такую вижу впервые.— Голос мужчины звучал негромко, но твердо и властно, выдавая, что его обладатель явно не принадлежал к простым воинам.

— Так кто же ты? — продолжала допытываться Соня.— Или мне нельзя этого знать?

— Почему же? — с достоинством ответил мужчина.— Меня зовут Астамир драр Бенден, я глава генахов, первого рода боссонцев.

— Боссонцев? — переспросила Соня.— Это очень кстати — мне как раз нужно найти одного из них.

Если бы она взглянула со стороны на то, что происходило на берегу реки, то наверняка эта картина вызвала бы у нее веселый смех: обнаженная молодая девушка, стоя по колено в воде, и мужчина-охотник на берегу ведут спокойный разговор, словно находятся где-нибудь на городской площади, а не в дремучем лесу. Однако Соню это все не слишком заботило, сейчас ей было важнее узнать то, что ее интересовало.

— Кто же он? — поинтересовался Астамир, не в силах оторвать взгляда от странной девушки, которая продолжала задавать вопросы и даже не пыталась прикрыть обнаженное тело.

— Мне нужен Кантенфлас. Ты знаешь его?

— Кантенфлас? — воскликнул мужчина.— Кто же его не знает? — В его голосе послышалось удивление.— Он охотится вместе с нами, и если хочешь, я приведу тебя к нему.

— Прекрасно.— Соня сделала несколько шагов, погружаясь в воду, затем повернулась к Астамиду: — Я сейчас оденусь, и мы можем идти.

Она медленно переплыла на свой берег и вскарабкалась на пригорок.

Астамир стоял все в той же позе, не в силах оторвать взгляда от нагого стройного тела. Когда девушка исчезла среди густого леса, он с сожалением вздохнул.

— Иди вдоль берега вверх по течению! — услышала Соня крик Астамира. Она выглянула из-за ствола, но на противоположном берегу только шевельнувшаяся ветка указывала на то, что кто-то был там несколько мгновений назад.

* * *

— Ты — посланница Рыси? — Спокойствие и невозмутимость Астамира уступили место изумлению, когда он увидел Сонин плащ.

— Что с тобой? — усмехнулась девушка.— Похоже, в этом плаще я произвожу на тебя гораздо большее впечатление, чем без одежды. Про какую посланницу ты говоришь?

— Моя мать говорила мне, что я должен встретить ее когда-нибудь,— хрипло ответил Астамир.

— Кого? — опять не поняла Соня, вскакивая на коня, которого воин держал в поводу.

Конь под ней дернулся и шагнул вперед, но она натянула уздечку и ласково похлопала его по холке:

— Но, но, не балуй!

Боссонец, выпрямившись в седле, смотрел на нее остановившимся взглядом, как тогда на берегу, и девушка вновь ощутила, что, пожалуй, впервые в жизни она не ждет неприятностей от мужчины, и ей даже хочется находиться рядом с ним.

— Кого ты должен встретить? — переспросила она Астамира.— Прости, я не все поняла из того, что ты сказал.

— Я не придавал этому особого значения,— быстро произнес тот,— но мать сказала, что я могу встретить Рысь и она... будет предназначена мне.

— Рысь? — недоверчиво отозвалась Соня.— Не много ли чести — встретить саму Рысь, да еще чтобы она была предназначена тебе.

— Я тоже так думаю.— Встретившись взглядом с девушкой, Астамир опустил глаза.— Но она сказала именно так. И потом, я же увидел тебя...

— Но я-то не Рысь,— пожала плечами Соня.— Хотя мне тоже говорили, что есть человек, которому я предназначена.

— Вот видишь! — выпалил Астамир и, смутившись, умолк.

— Что ты хочешь этим сказать? — Усмешка тронула губы девушки.— Ладно, поехали,— про-

должила она, не глядя на него и стараясь скрыть смущение.— Если мы будем тут целый день обсуждать предсказания, я могу так и не встретиться с Кантенфласом.

Астамир поехал вдоль берега, кивком предложив Соне следовать за ним. Она тронула повод своего скакуна и, уставившись в спину боссонца, подумала о том, что это первый в ее жизни мужчина, который не стремится первым делом содрать с нее одежду. Было в нем нечто такое, заставившее девушку впервые усомниться в том, что все мужчины — похотливые скоты и не более того.

Они проехали немного вдоль берега, потом перебрались через реку, и Соня услышала крики людей и треск ломаемых ветвей: где-то рядом находится охотничий лагерь. Спустя некоторое время они выехали на большую поляну, на которой полыхал костер и несколько десятков человек суетились, расставляя шатры, свежую туши оленей и занимаясь разными другими делами. По мере приближения к ним двух всадников они один за другим бросали свои дела и разговоры, и когда Астамир и Соня подъехали к костру, на поляне уже царил тишина.

— Кантенфлас! — прервал тишину Астамир, обращаясь к высокому худощавому мужчине, одетому, как и все остальные, в кожаные штаны и камзол.

Тот отложил колчан, которым занимался, и встал. Волосы у него были светлыми, почти белыми, а взгляд голубых глаз — пронзительным и испытующим.

— Кого ты привез? — вместо приветствия спросил Кантенфлас. — Что-то она не похожа на наших.

— Ее прислали к тебе, — спешиваясь, буркнул Астамир. — Она тебе все расскажет сама.

— Хорошо, — кивнул Кантенфлас, посмотрев на девушку, которая последовала примеру Астамира. — Отойдем в сторонку, там мы можем поговорить.

Они отошли от шумной поляны и присели на ствол поваленного дерева.

— Как я понимаю, ты не просто путешествуешь по нашим местам. Тебя послали ко мне наши люди? — начал Кантенфлас.

— Откуда ты знаешь?

— Такие плащи — большая редкость в этих краях, — усмехнулся он. — Что ж, рассказывай...

— Я помогу тебе, — выслушав Соню, сказал Кантенфлас, — но не сразу. Мне надо вернуться к себе домой и посмотреть, что я должен сделать. Однако не сомневайся, я найду то, что поможет твоему наставнику.

— Ты знаешь Гуинхей? — удивилась девушка.

— Да, — не вдаваясь в подробности, ответил боссонец. — Когда-то мне тоже довелось побывать в его обители.

Они вернулись к костру, рядом с которым уже были расставлены огромные деревянные блюда. Один из охотников ловкими движениями огромного ножа отрезал куски от подвешенной к костру туши оленя.

— Садись с нами, подкрепись, — пригласил девушку Астамир.

Соня присела рядом с ним и принялась вместе со всеми поглощать жестковатую и терпкую на вкус оленину, слушая краем уха охотничьи байки. Ей было легко и приятно с этими шумными и веселыми людьми.

— Недалеко отсюда, — обратился к ней Астамир, — есть поселение под названием Охотничий Холм. Это столица рода Харганов. Их глава — Кемпер, я извещу его о тебе. Дадим тебе нескольких воинов, чтобы ты добралась туда без помех. Там подождешь Кантенфласа. Ты согласен? — повернулся он к Кантенфласу, который вцепился зубами в окорок, и казалось, никакая сила неспособна оторвать его от вожака куска мяса.

— Угу! — промычал тот. — Через четыре дня буду там. Мне необходимо посоветоваться с предками.

— Наши роды нередко враждуют между собой, — невесело усмехнулся Астамир. — Но перед этой охотой все вожди собирались вместе на большой совет, и всем было приказано жить в мире. Сейчас такие времена, что если боссонцы будут воевать между собой, то аквилонцы перебьют нас поодиночке.

— Но ведь вас тоже раньше считали аквилонцами! — вспомнила Соня рассказы Гуинхей о народах, населявших мир.

— Что верно, то верно, — согласился Астамир. — Но мы живем как бы сами по себе, отдельно от них. Видишь, и жизнь у нас совсем другая. — Он обвел рукой полукруг, и непонятно, к чему относился его жест, к лесу или людям у костра людям. —

Мы, боссонцы, особый народ, так уж получилось. Если бы не пикты, то все было бы хорошо и спокойно, а теперь, как мне рассказывали, аквилонцы привели большую армию в Велитриум. Это неспроста, от них можно ожидать чего угодно. Чувствую, здесь скоро начнется большая война...

— С кем? — не поняла девушка.

— И с теми и с другими,— заключил боссонец, вытирая руки о лежавшее рядом полотняное полотенце.— Но я сказал, что на всякий случай дам тебе провожатых. Королевские отряды могут появиться и в этих местах — все-таки Аквилония совсем недалеко.— Он посмотрел на Соню. Девушке было приятно то внимание, которое оказывал ей вождь генахов.

— Спасибо,— поднимаясь, ответила она.— Надеюсь, что мы еще встретимся.

— Я бы очень хотел этого.— Астамир посмотрел на Соню долгим печальным взглядом, потом, словно спохватившись, отошел к своим людям, и она услышала его громкий властный голос, отдававший приказы.

Глава десятая

Ноедете вдоль берега, до переправы, а потом, если все спокойно, сворачивайте на дорогу к Охотничьему Холму,— напутствовал Астамир своих воинов, придерживаясь за стремя Сохиной лошади, словно хотел подольше оставаться рядом с ней.— Через три дня мы с Кантенфласом приедем туда.— Он посмотрел на девушку взглядом, в котором она заметила тоску.

— Я буду ждать тебя.— Она наклонилась и задержала на мгновение руку на плече Астамира.— Приезжай!

Пятерка всадников покинула поляну и по лесной тропе направилась к берегу реки. К вечеру они должны были достичь заставы харганов у переправы на левый, аквилонский, берег Громовой и потом, переночевав, весь следующий день скакать до Охотничьего Холма, где, по словам Астамира, Соня должна дожидаться его и Кантенфласа.

Поросшие лесом холмы привели их к берегу реки, и дальше отряд шел по мелководью и пле-

сам. Боссонцы не отличались особой словоохотливостью, и большую часть пути всадники проделали молча, лишь изредка обмениваясь короткими фразами, обсуждая выбор направления на той или иной развилке.

— Осталось совсем немного,— обернулся к Соне один из ее спутников, указывая рукой куда-то вперед.— Обогнем этот утес и будем на заста...— Он вдруг умолк на полуслове и прислушался к звукам леса, остановив жестом руки девушку и всадника, ехавшего справа от нее.

Соня тоже прислушалась, и ей показалось, что она слышит лязг железа. Двое скакавших впереди оглянулись, увидев, что их товарищи отстали.

— Что там? — крикнул один из них и в тот же миг, покачнувшись, упал с лошади.

Девушка успела заметить, что стрела, пущенная откуда-то из леса, пронзила его шею.

— Назад! — крикнула Соня, разворачивая коня, но тут же поняла, что слишком поздно: они напоролась на засаду, и несколько всадников в аквилонских черных доспехах уже выезжали из леса, преграждая путь к отступлению.

Соня, услышав свист стрелы, пригнула голову к шее коня и стремительно помчалась его в лес, надеясь там спастись от засады. Наверняка впереди тоже поджидают вооруженные всадники, и ускользнуть от них на открытом пространстве речного берега невозможно. Ветви хлестали по телу, но конь, решительно подгоняемый Соней, все-таки карабкался вверх по склону прибрежного холма. За спиной слышались крики и шум погони, пару

раз стрела просвистела прямо над головой, но девушка тем не менее чувствовала, что теперь ее вряд ли догонят. Вдруг конь словно наткнулся на невидимую преграду и упал на передние ноги. Соня, перелетев через его шею, успела все-таки сгруппироваться и, коснувшись земли, сразу же вскочила на ноги, оглядываясь на бившегося сзади нее скакуна.

«Аквилонские ублюдки протянули веревку или сеть!» — догадалась она, выхватывая меч, но в тот же миг ей на плечи свалилось что-то тяжелое.

— Взял одного! — раздался над ее ухом голос, и напавший вывернул ей руку за спину.

Локтем левой она чувствительно врезала ему по шее, и тот ослабил хватку. Мгновением позже Соня уже всаживала в брюхо аквилонца нож.

«Повезло еще, что он без лат»,— успела подумать она, и тут же словно провалилась в темноту: кто-то оглушил ее ударом сзади.

Очнулась Соня от того, что на ее лицо обрушился холодный поток воды.

— Очухалась, стерва! Плесни-ка еще! — Вновь, заливая рот и ноздри, хлынула вода.

Девушка открыла глаза. Прямо над ней склонились несколько хохочущих рож:

— Ну как? Не нравится?

Соня дернулась, попытавшись приподняться, но ее крепко держали за плечи, вдавливая голову в песок. Она повела глазами вокруг, но смогла увидеть только сапоги обступивших ее солдат. Девушка сделала еще одну попытку вырваться: выгнулась всем телом, приподнимаясь на носках,

но тут же получила сильный и чрезвычайно болезненный — видимо, один из солдат неплохо знал свое дело — удар сапогом по колену и, едва сдержав крик, вновь рухнула на спину.

— Брыкается, сучка! — жизнерадостно крикнул кто-то, не видимый Соне. — И вообще, красotka — что надо! Крепкая, тварь! Люблю таких!

— Командующий едет! — внезапно раздался крик, и шум вокруг девушки сразу затих.

Рожи, наклонившиеся над ней, отпрянули, а ноги вокруг задвигались, видимо освобождая кому-то проход. Соня скосила глаза и сквозь строй солдатских сапог увидела приближавшиеся к ней лошадиные ноги.

Девушку рывком поставили на ноги. Теперь она видела все, что было вокруг. Первое, что бросилось в глаза, — это аккуратно сложенные один к другому, окровавленные тела ее недавних спутников. Около дюжины аквилонцев в латах и со щитами стояли полукругом, открывая проход всадникам. Их возглавлял крупный мужчина в шлеме с павлиньими перьями на гребне. За ним ехал еще десяток всадников в богато украшенных шлемах и оружием в дорогих ножнах. Соня почувствовала резкую боль в сведенных за спиной руках. Она непроизвольно наклонилась, повинувшись движению державших ее солдат. Теперь девушка могла, да и то с трудом, лишь поворачивать голову направо или налево.

— Мой господин, — услышала она чей-то голос. — Поймали вот птичку. Хотела было убежать, но мы...

— Заткнись, — перебил говорящего четкий и властный голос. — Сам не слепой. А это кто, охрана?

— Точно!

— Молодцы. Отпустите ее. — Слова относились, по всей видимости, к державшим Соню солдатам, потому что руки девушки тут же оказались свободными и она наконец смогла выпрямиться.

Командующий сверлил ее долгим взглядом, не говоря ни слова. Все вокруг затихли, и в наступившей тишине слышался только плеск воды о песчаный берег.

— Кто такая? — прозвучал наконец вопрос.

Соня молчала, глядя исподлобья на врагов и растирая запястья рук.

— Немая? — Аквилонец даже не повысил голос.

«Прикинуть глухой, — решила Соня, — какой спрос с убогой. А там видно будет».

— Посмотри, есть ли у нее язык! — И тут же двое схватили Соню, держа ее голову так, что она не смогла шевельнуться, а третий ножом принялся разжимать ей зубы. Она уступила, и тот, заглянув девушке в рот, гаркнул:

— Точно!

— Что точно? Я спросил, есть у нее язык или нет!

— Точно! Есть! — испуганно повторил солдат.

«Дурацкая страна, — Клемансаль вновь ощутил тяжесть в затылке, — сыро, холодно, девки немые! Боги, до чего мне это все надоело!»

— Что с ней делать? — спросил один из его свиты.

— А,— махнул рукой Клемансаль,— отдайте солдатам, а потом сделайте что хотите.

Раздался восторженный рев. Клемансаль медленно повернул коня и направил его вдоль берега прочь от места схватки. Свита последовала за ним.

Солдаты, подождав некоторое время, пока начальники отъехали подальше, набросились на девушку.

Соня пыталась сопротивляться, и двое из них, получив по резкому точному удару, с воем покатились по песку, но противостоят дюжине солдат она не смогла. С нее сорвали одежду и распластали на земле, между тем как командир отряда под одобрительные выкрики и гогот остальных расстегивал пояс, поглядывая на девушку алчным похотливым взглядом. От нетерпения пальцы его тряслись, и железная пряжка никак не поддавалась.

Соня, похолодев от ужаса и омерзения, смежила веки, чтобы не видеть перекошенные от возбуждения рожи аквилонцев, больше напоминавших в этот момент морды обезумевших зверей.

«Конец...— подумала она.— Скорее бы убили...»

* * *

— А девка-то очень даже ничего, хоть и немая,— обронил один из свиты генерала.— Может быть, стоит забрать ее в город, чем оставлять этим олухам?

— А...— зевнул Клемансаль, потирая шею,— девкой больше, девкой меньше...

— Генерал, а ведь я эту красотку, кажется, где-то уже видел,— вдруг заметил кто-то из ехавших сзади.— Имел, можно сказать, дело...

— Мало ли кого мы имели,— хохотнул Клемансаль не оборачиваясь.— Я вот всех и не упомяну. А где ты ее, собственно, видел? — лениво осведомился он.

Офицер прищиприл коня и подъехал к Клемансалью, его круглое лицо выражало угодливое желание быть полезным:

— Когда мы были в походе с госпожой Атлией. Конечно, это та самая девка — уж больно рыжая, ни с кем не спутаешь, да и брыкаться горазда. Кенида тогда очень интересовалась всей семьей этой красотки...

— Хм! — засмеялся Клемансаль.— Значит, эта дура Атлия ее упустила... Постой-ка.— Он остановил коня.

«Если эта девка представляет ценность для Атлии, то она, без сомнения, сможет пригодиться и мне!» — быстро пронеслось у него в голове.

Больше всего Клемансаль любил деньги. За деньги можно купить почти все, а за много денег очень много всего, любил повторять он к месту и не к месту.

— Постой, говорю,— повторил он и повернул коня.— Скачи назад,— Клемансаль указал рукой туда, где толпа солдат с хохотом и гиканьем окружила Соню,— и скажи, чтобы прекратили, ублюдки вонючие...

«Может быть, за одну рыжую девку я сдеру с этой суки Атлии столько, что можно купить це-

лый гарем. Глупо отказываться от такой возможности!»

* * *

Командир отряда наконец справился с застежкой своих штанов, но не успел сделать шаг к расprostертому на песке, выгнувшемуся дугой телу, как к ним подскочил офицер из свиты:

— Отставить! — гаркнул он.

Горестный вздох разочарования пронесся по толпе солдат, а их командир так и застыл со спущенными штанами и открытым от неожиданности ртом.

— Пасть захлопни да спрячь лучше свое хозяйство! — рявкнул офицер, указывая рукой на вздыбленную плоть. — Не видишь, что ли, болван, кто сюда едет!

Клемансаль уже был рядом. Солдаты расступились, и он с явным любопытством взглянул на нагое тело, которое удерживали четыре дюжих аквилонца.

«Он прав, если даже рыжая красотка не понадобится Атлии, с радостью оставляю ее себе. Пожалуй, я ошибся, и для простых воинов она действительно слишком хороша. Экая длинноногая! А бедра и грудь, у-у-у! — Он удовлетворенно причмокнул губами. — Как это я сразу не разглядел? Непростительное легкомыслие!»

— Посмотри внимательнее. — Он подозвал офицера, который сообщил, что вроде бы признал Соню. — Она?

Офицер, ослабившись, уставился на девушку.

— Не сомневайся, командир. Это дочка купца Келемета. Теперь я точно вспомнил, — ответил офицер, и Соня непроизвольно вздрогнула, услышав имя отца.

— Хм! — Клемансаль, заметив это, подъехал ближе и кольнул ее кончиком меча в грудь. — Ты не немая и не глухая, сучка! Меня не проведешь, — развеселился он, и даже боль в затылке оставила его на время. — Ты не ошибся, — повернулся он к офицеру. — Молодец! Хорошая память! Заслуживаешь поощрения.

Аквилонец вытянулся в седле, и на его плоском лице расплылась довольная улыбка:

— Рад стараться!

— Вот, вот, — важно кивнул Клемансаль. — Должное старание всегда приносит успех.

Все замолчали, ожидая дальнейших указаний.

— Ну ладно. — Клемансаль, не сводя взгляда с Сони, перебирал поводья. — Сейчас мне некогда. Переправь вместе со всеми на наш берег, — обернулся он к офицеру с плоским лицом. — Когда вернемся в Велитриум, бросишь в подземелье. Я сам с ней разберусь. И гляди — отвечаешь головой!

Он повернул коня и медленно удалился в сопровождении своей свиты.

«Некоторое время у меня есть, — подумала Соня. — самого страшного не произошло. И пожалуй, хорошо, что они не успели меня убить».

* * *

За Соней с лязгом захлопнулась железная дверь. Свет проходил только через узкое оконце в тол-

стой каменной кладке, скорее это даже и нельзя было назвать окном, просто щель для того небольшого доступа воздуха, дабы узники не задохнулись в каменном мрачном мешке.

В углу камеры был навален ворох соломы, и Соня проводила на нем почти все время, обхватив руками колени и недоумевая, почему о ней никто не спрашивает. Ее даже на допрос не вызывали... Раз в день окошечко в двери открывалось, и стражник протягивал ей миску какой-нибудь похлебки, кувшин воды и пару лепешек. После этого связь с внешним миром прерывалась до следующего раза.

Иногда девушка слышала шуршание за дверью и догадывалась, что охранник подглядывает за ней в глазок. Соня пробовала было обменяться со стражником парой слов, но тот не отвечал на ее вопросы и, молча передав еду, захлопывал окошко.

«Что же, меня бросили сюда до конца дней, — с недоумением и ужасом думала Соня. — Или просто забыли?»

Девушка не знала, что Клемансаль в тот же день отправил гонца к Атлии и теперь до его возвращения не испытывал к ней особого интереса, надеясь в первую очередь на хорошую мзду от кениды. Так прошло несколько суток, которые не отличались одни от других: сумрачный день с хлопанием окошка в двери, совсем темная ночь.

Сначала девушка была настолько подавлена своим заточением, что несколько дней просидела или пролежала на соломенной подстилке, но

потом, вспомнив слова Гуинхей о том, что тело не должно находиться в покое, начала делать те упражнения, которым ее научили.

Чтобы одежда не мешала, она сбрасывала ее с себя и занималась в одной рубашке, тем более что от движения ей становилось жарко. Соня занималась на совесть — так, как требовал от своих учеников Гуинхей, и очень скоро почувствовала, как к ней стало возвращаться ее обычное настроение и, самое главное, потерянная была надежда на скорое избавление.

Соня обратила внимание, что, едва она начала делать упражнения, глазок открывался и глаз стражника неотступно следил за ней.

— Что ты смотришь? — спросила как-то она, приблизившись к двери и встав прямо перед ней, чтобы стражник мог хорошо разглядеть ее.

Ответа не последовало, за дверью слышалось только прерывистое дыхание.

— А может быть, так будет лучше? — сказала она, медленно стягивая рубаху через голову. — Надеюсь, ты хорошо видишь меня?

У Лабеса Соня прошла неплохую школу по части доведения мужчин до того состояния, когда они перестают соображать что-либо, видя перед собой только ее тело. Сопение за дверью стало таким громким, что девушка даже испугалась, как бы эти звуки не привлекли внимания других охранников. Пожалуй, следовало поспешить...

— А что, солдатик? — сделав невинное лицо и кружась перед дверью, медоточивым голосом спросила Соня. — Может быть, ты хочешь зайти?

Удар был рассчитан точно: стражник, не выдержав, и она услышала, как со скрежетом отходит засов. Бедняга не вошел, а прямо-таки влетел в камеру, едва успев притворить за собой дверь.

Однако судьба не была особенно благосклонна к стражнику. Второй удар Соня рассчитала не хуже первого: несчастному показалось, что по его шее проехалось колесо тяжело груженной телеги, голова бессильно поникла.

— То-то,— презрительно прошипела она, выдергивая из ножен незадачливого любителя острых ощущений кинжал.— Это тебе вместо сладкого, ублюдок!

Девушка быстро накинула на себя одежду и взглянула мельком на стражника. Бедолага шевельнул рукой и что-то нечленораздельно промычал.

— Что, еще жив? — удивилась Соня.— Надо же, крепкий...

Она прекратила его мучения ударом кинжала и, пошарив у солдата в карманах, нашла несколько серебряных монет.

— Пригодится на дорогу,— усмехнулась девушка, осторожно отворила дверь и выскользнула в полутемную каменную галерею.

Внимательно прислушиваясь, она миновала ряд железных дверей, таких же, как и у ее собственной камеры, но кроме нее в этот день узников в подземелье больше не было.

«Это мне на руку,— подумала Соня, медленно ступая по каменным плитам,— по крайней мере тихо и стражников немного».

Она беспрепятственно прошла весь длинный коридор и остановилась перед щербатыми ступенями, ведущими наверх. Девушка, когда ее везли сюда, заметила, что рядом с выходом находится сарай, где стояли повозки, и решила пока спрятаться там. Особенно большим количеством времени она не располагала, потому что помнила — по звукам, которые доносились в камеру,— что смена стражников происходит около полуночи, а до сумерек, судя по пробивавшемуся в узкие окна свету, было недалеко.

Соня поднялась к выходу и, улучив момент, проскользнула в соседнюю дверь, быстро пробежала по сараю и забралась в крытую повозку.

Отдыхавшись, девушка на мгновение задумалась, что ей делать дальше. Отсиживаться здесь не имело смысла, поскольку через некоторое время найдут убитого ей стражника и тогда непременно начнут ее искать. Надо проникнуть на стены замка; тогда если иметь веревку, то спуститься вниз под покровом ночной темноты не составит особого труда — но надо успеть это сделать до того, как поднимут тревогу. Где добыть веревку? Ее размышления прервали голоса, приближавшиеся к сараю:

— Запрягай в ту, черную,— услышала она,— да пошевеливайся!

Соня осторожно высунулась из-за полога повозки и поняла, что уже не успеет убежать отсюда незамеченной: двое человек подводили к ее убежищу лошадей, намереваясь запрячь их. Они были без оружия, и девушка легко могла бы заре-

зять обоих, но тогда, без сомнения, возникнет шум, который привлечет сюда других.

Соня сжалась в комок в углу повозки, ожидая, когда люди, закончив свою работу, покинут сарай. Однако дело, видимо, было спешное, потому что она почувствовала, как повозка качнулась от того, что кто-то сел на козлы, и услышала голос, понукающий лошадей:

— Но, бездельники, пошли!

Повозка двинулась, и Соня, прикинув к щели в чуть отодвинутом ею пологе, наблюдала, как они приближаются к главному, по всей видимости, входу в жилые помещения замка.

Теперь мысль о побеге можно было оставить совсем, потому что на крыльце стояли несколько вооруженных мужчин, в одном из которых она узнала генерала Клемансаль. Он что-то говорил остальным, почтительно внимавшим его словам. Повозка подъехала к крыльцу, и девушка, подвинувшись, встала спиной к тенту у самого полога и вытащила кинжал из ножен.

— Вот что, Тиганаса,— услышала она знакомый властный голос.— Осталось два дня, не забыл, надеюсь?

— Не беспокойся, господин,— прозвучало в ответ.— Все будет так, как ты хотел.

Полог отдернулся, и генерал, повернув голову назад, боком пролез в повозку, продолжая разговор внутри экипажа.

Соню он не заметил.

— Смотри у меня, бездельник! — сказал он, видимо обращаясь к тому самому Тиганасе.— Сам

понимаешь... Когда вернусь, хотелось бы верить, что ты сможешь кое о чем доложить.

Генерал уселся на сиденье в левой стороне повозки и откинулся назад, по-прежнему не замечая Соню, прижавшуюся к стене. Она почувствовала, как сзади кто-то вспрыгнул на запятки повозки. Лошади тронули.

— А... ш-ш-ш! — Клемансаль ощутил присутствие человека рядом с ним, повернулся, раскрыл рот, но было поздно: он почувствовал острие кинжала на своей шее.

— Тихо! — прошипела Соня.— Шевельнешься или вякнешь — конец! Ты хорошо меня понял, ублюдок?

— Ш-ш-ш... а-ага...

— Куда едешь?

— Здесь недалеко... за городом...

— Это меня устраивает.— Соня придвинулась почти вплотную к нему, не отнимая кинжала от шеи своего пленника.— Сколько человек охраны?

— Во... восемь, кажется,— ответил Клемансаль, который только сейчас рассмотрел в полутьме своей повозки, кто обращается с ним столь невежливо.— Ты... ты...

— Кому сказала — заткнись.— Острие кинжала надавило чуть сильнее.— Твое время прошло, и теперь вопросы задавать буду я.

Девушка задумалась на мгновение, продолжая держать кинжал у горла Клемансаль.

Нельзя сказать, чтобы положение ее окончательно устраивало, хотя Клемансаль и был полностью в ее власти. Даже если она сейчас прире-

жет его, то непонятно, что делать дальше в этой повозке в окружении почти десятка хорошо вооруженных аквилонцев.

— Как у тебя с оружием? — Она быстро ощупала его пояс: ни меча, ни кинжала не было.

— Что же это ты, гад ползучий, без оружия в путь пустился? — усмехнулась она. — А ну как нападут?

— Здесь не нападут, — почти обиженно ответил Клемансаль и гордо добавил: — Везде мои войска!

— Ну тогда, приятель, — неожиданно Соню осенило, — сам думай, как остаться живым.

— Я отпущу тебя и обещаю не преследовать, если ты обещаешь не убивать меня! — с готовностью произнес Клемансаль.

— Ты что же, считаешь меня такой идиоткой? — презрительно фыркнула девушка. — Кто поверит аквилонцам — не увидит больше солнца! Так у нас говорят даже дети. Не слышал? Хорошенькой подумай или, клянусь всеми богами, я выпущу из тебя кровь. И много, — пообещала Соня, и по ее тону Клемансаль понял, что она свою угрозу выполнит без колебаний. — Кстати, скажи-ка, почему ты не оставил меня солдатам, а бросил в тюрьму?

— Я... — замаялся Клемансаль.

— Говори, пададь!

— Я хотел... хотел продать тебя Атлии...

— Продать? — В голосе Сони появились металлические звуки. — Ты думаешь, я нужна ей?

— Офицер сказал, что она тебя искала...

— Где и когда?

— В Хауране, примерно год назад.

— А... Это давно уже никого не интересует, — усмехнулась девушка. — Кинжал в спину ты бы от нее получил, больше ничего, дурак! Но хватит об этом. Ты успел подумать о том, как спасти свою шкуру?

— Думаю, думаю... — зашептал Клемансаль. — Я могу отпустить охрану из всадников...

— Было бы неплохо, — одобрительно заметила Соня. — Но остается еще возница и двое твоих ублюдков на запятках. Как ты поступишь с ними?

— Когда въедем в поместье Гимаэля, я скажу, чтобы они слезли...

— И тогда останемся только мы с тобой и слуги того, к кому ты едешь, так?

— Выходит, так, — подтвердил Клемансаль, холодея от предчувствия близкой развязки.

— Сам понимаешь, меня это устроить не сможет. Но для начала охрану можешь отпустить.

— Сейчас... — Клемансаль наклонился, отдергивая полог.

— Ты понимаешь? — зловеще шепнула Соня, продолжая держать его на острие клинка. — Одно движение, и...

Все прошло как по маслу, и охрана, довольная тем, что можно вернуться в город, а не трястись неизвестно куда по лесной дороге, развернула коней и с гиканьем помчалась назад. Клемансаль задернул полог и осторожно опустился на сиденье.

— Ты довольна?

— Молодец,— похвалила его Соня и одним точным движением перерезала ему горло.

Клемансаль только булькнул разок и мешком свалился к ногам девушки. Она брезгливо оттолкнула тело ногой подальше от себя, чтобы не запачкаться.

— Поверил, дубина стоеросовая,— без всякого почтения отозвалась она о покойном.— Что же, аквилонский счет можно считать открытым.

Повозка была высокой, и с запяток возница был не виден стоявшим там двум охранникам. Соня глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и двумя резкими движениями распорол тент за спиной кучера. Тот не успел и охнуть, как его труп оказался в повозке, а девушка, разобрав вожжи, хлестнула лошадей.

— Второй...— пробормотала девушка и огляделась по сторонам — впервые за время поездки она получила возможность увидеть, где они едут.

Дорога шла полем, вдали, в уже почти сгустившихся сумерках, синел лес. Чуть впереди она заметила большое дерево, росшее почти у самой дороги.

— Вот это мне и нужно,— решила Соня.

Она хлестнула лошадей, и те помчались галопом, повозка, подпрыгивая на неровностях дороги, резко увеличила скорость.

У самого дерева девушка резко дернула лошадей вправо, они миновали ствол дерева, и тогда Соня рванула вожжи влево. Повозка, накренившись от рывка, чуть не опрокинулась и с грохотом ударилась о дерево.

Сзади послышался сдавленный крик, и девушка, встав, оглянулась назад. Стражники генерала, разлетевшись, как горошины, в разные стороны, остались лежать на земле, видимо сильно ударившись при падении.

— Этим придуркам, может быть, и повезло,— заключила Соня, чуть придерживая лошадей.

* * *

В первой на ее пути деревне, предварительно проверив, нет ли там солдат, она обменяла ненужную ей повозку и коней на верховую лошадь с упряжью и, сверх того, на недельный запас провизии.

Объезжая большие селения и стараясь не попадаться на глаза местным жителям, Соня через пять дней добралась до реки Громовой и, переправившись через нее, на следующий вечер уже увидела земляные валы Охотничьего Холма, главного укрепленного пункта и столицы харганов.

— Все считают, что тебя схватили аквилонцы, когда сожгли нашу заставу,— сообщил ей Кемпер, к которому привели ее боссонские воины.— Они очень сокрушались...

— Кто? — подняла брови Соня.

— Кантенфлас, конечно, но особенно Астамир. На него страшно смотреть было...

Соня почувствовала, что эти слова заставили ее сердце забиться сильнее. Она уже не могла обманывать себя, утверждая, что Астамир ей безразличен.

— Завтра я поеду к ним,— сказала она.

— Пожалуй, я пошлю гонца в Бакраг,— ухмыльнулся Кемпер.— Здесь ты будешь в безопасности. Такая крепость не по зубам никому. Хватит с тебя приключений, не воображай, что я отпущу тебя.

Глава одиннадцатая

Но задней стенке дома хлестал дождь, сырость и холод проникали в нижний зал. Маленькие узкие окна, сквозь которые струился слабый дневной свет, пропускали каждый порыв ветра. Пыль и пепел кружились на грязном деревянном полу.

— Рысь!

Астамир сел на ложе, покрытом мехом, его дыхание вырывалось изо рта вместе с легким облачком пара. Рядом с ним Эльбена повернулась, просыпаясь, но ее глаза все еще были закрыты. Она тихо пробормотала:

— Астамир?

— Спи, еще рано! — мягко отозвался мужчина, и вскоре по ее дыханию понял, что жена последовала совету еще до того, как он закончил фразу.

Ветер по-прежнему бился о стены, дождь застучал еще громче по деревянным стенам, словно природа проверяла крепость стен строения, возведенных руками человека.

Астамир драр Бенден, которого обычно называли просто Астамир, откинул покрывало и, как был обнаженный, прошел через зал. Собираясь открыть дверь, он закутался в тяжелый теплый плащ как в одеяло.

Это было самое серое и пасмурное утро, какое только можно было себе представить. Мутная пелена тумана, казалось, покрывала весь мир. Вода струилась по стенам крепости, и в ее потоках тускло блестели металлические полосы, венчающие карнизы стен. Дорога и укрепления Бакрага — поселения одного из боссонских родов Генаха — терялись в мглистой дымке.

Сквозь шум дождя и порывы ветра мужчина вновь различил крик — громкий, нетерпеливый, и когда Астамир ступил под струи дождя, ему показалось, что он видит ее размытые очертания, темно-синие на фоне серого неба. Тень мелькнула за обширной площадкой, на которой были сложены принадлежности для жертвоприношений, прямо напротив проема северных ворот. Астамир скорее чувствовал то, что называл рысью, его слух уловил легкий шорох грациозной звериной поступи, но когда он сделал шаг вперед к воротам, видение исчезло.

Он отступил назад под навес кровли, с которого сбежали струйки воды, присел на крыльцо и неподвижно уставился на лужицы, тускло поблескивавшие в слабом утреннем свете.

Эльбена, появившись на пороге, присела рядом с ним. Помолчав, женщина спросила:

— Ты опять слышал ее?

Астамир вздрогнул.

— На этот раз очень громко и отчетливо — этот звук я запомнил с давних пор. Он шел оттуда, от северных ворот, и я знаю, что она приходила за мной.

Руки Эльбены нежно погладили его плечи и шею.

— Ты бредишь этим, Астамир. Твои мысли далеко отсюда, ты бредишь ею, потому что...— Эльбена опустила глаза и отвернулась.

Астамир посмотрел на нее.

— Потому что я хочу ее? — с горечью спросил он.— Ты об этом говоришь?

Эльбена молча встала и вернулась в дом. Бросив последний взгляд на то место, где, как ему казалось, он видел рысь, Астамир поднялся и, вздохнув, последовал за женой. Он сразу же прошел к камину и принялся ворошить угли, надеясь разжечь задремавшее пламя. Когда огонь вырвался из-под кучки золы, принялся с треском пожирать сухие поленья, Астамир поднялся и, сбросив плащ, потянулся за одеждой.

— Если она позовет меня...— произнес он, с трудом выговаривая слова.— Эльбена, если она позовет меня...

Черноволосая женщина резко прервала его.

— Если она позовет тебя! — В ее голосе явственно слышался гнев.— Если она позовет тебя! Это все, о чем ты думаешь в последнее время, Астамир! День и ночь ты думаешь о ней, только о ней!

Астамир, натянув кожаные штаны, перепоясался ремнем:

— Не надо так говорить... Я люблю тебя, Эльбена!

Женщина соскользнула с постели и подошла к нему. Астамир не мог оторвать взгляда от безупречных линий обнаженного тела жены.

— Ты говоришь это, и поскольку твой язык не обучен лгать, возможно, что так и есть! Ты ведь помнишь, что мы с тобой обручены, обручены бронзой и тростником!

Эльбена повернулась к нему, протягивая руки так, чтобы он мог видеть два браслета: один из блестящей бронзы и другой, сплетенный из тростника. Астамир взглянул на собственные браслеты и почувствовал, как краска стыда заливает его щеки.

— Мы обручены, и только смерть порвет эту связь!

— Я знаю, и я не хочу...

— Ты не хочешь! — гневно воскликнула женщина, но затем заговорила мягче: — Но... мой Астамир! Когда дождь барабанит по крыше так тяжело, что подобен рыку зверя, ты вскакиваешь с ложа и два раза обегаешь крепостные стены, пытаясь отыскать ее знак. Она в твоём мозгу днем и ночью. Тебя как будто преследует ее зов... «Она зовет меня, Эльбена, ты слышишь? Она зовет меня через Сердце мира!» Сколько раз я слышала эти слова? Астамир, мы повязаны родством! Неужели обычаи нашего рода ничего не значат для тебя?

Женщина накинула на себя рубаху. Мужчина глядел в ее глаза, в которых светились любовь и отчаяние.

— Я была той женщиной, которую ты желал, и ты тот мужчина, кто нужен мне. Ты любишь меня, и я люблю тебя... мы охотимся вместе, как пара хищников, мы как два бойца.— Лицо женщины ожесточилось.— Но я — не она! Мои волосы черные и коротко острижены, а не рыжие и длинные, как у нее. Мои глаза голубые, а не серые, мое тело, может быть, не уступает ей в гибкости, но это не ее тело. В моих мыслях тоже могут быть яркость и блеск, но это для тебя совсем не то... Это все выдумки твоей покойной матери! Астамир, Астамир... ты убиваешь меня день за днем, мгновение за мгновением, ты вытягиваешь из меня жизнь тем, что желаешь эту рысь... Может быть, ее и нет вовсе!

Эльбена замолчала, и они стояли так в безмолвии некоторое время, глаза мужчины и женщины были устремлены друг на друга, их души соприкасались, но между ними росло отчуждение. За дверью послышался храп лошади, бряцание металла. Раздался знакомый голос — это был Дагоберт, воевода крепости.

— Ты идешь на охоту? — спросил Астамир, но его жена покачала головой.

Астамир накинул кожаный кафтан, затем закрутил волосы в узел на затылке и скрепил их зеленой лентой. Четверо всадников ждали снаружи, держа в поводу еще двух оседланных коней. Когда Астамир кивнул головой, один из них понял намек и поскакал обратно к конюшням.

Дагоберт, зябко кутаясь в плащ, усмехнулся в бороду:

— Жаль прерывать мгновения любви — каждое из них мнится последним, особенно когда не так уж часто предаешься этому упоительному занятию. Ты заставил нас ждать, а стены твоего дома ходили ходуном от вашей страсти!

Охотники засмеялись. Астамир нахмурился и вскочил в седло. Он взял поводья из рук Дагоберта. Молодой воин, Хельмер, в латах более пригодных для войны, чем для охоты, протянул ему четыре охотничьи стрелы. Вир, неразговорчивый человек с резкими чертами потемневшего лица, передал ему пращу и сумку с камнями.

— Они благословлены землей?

— Да, — ответил Хельмер. — Каждый камень и лезвие принесут в награду мясо.

Астамир приладил стрелы за спиной и, бросив последний взгляд на полуоткрытую дверь, пустил своего коня рысью вслед за Дагобертом через южные ворота.

Дождь немного утих. Всадники преодолели ров и на мгновение остановились полюбоваться открывшейся перед ними местностью.

— Мы поедем охотиться на берег озера, — сказал Дагоберт. — Сами великие боги озер будут направлять нашу охоту.

Они пустили лошадей в галоп и некоторое время скакали по слегка проминающемуся под копытами торфу, потом проследовали через небольшой перелесок и узкое ущелье среди продуваемых ветром скал. Дальше их путь лежал вдоль ручья, несущего свои воды к великой реке Громовой, реке душ, их священной реке.

Вскоре всадники уже стояли, затаив дыхание, на склоне холма, с которого открывался берег большого озера. После поклона в знак мирных намерений они спустились к берегу, где собирались охотиться. Астамиру удалось сразу подстрелить двух водяных крыс, животных с гладким лоснящимся мехом, их мясо было очень вкусным в жареном виде. Он приторочил их к седлу и намеревался продолжить охоту, когда вдруг его чуткое ухо уловило тревожный звук боевого рога. Астамир, скрываясь в узкой расселине под навесом скал, поджидал, когда озерные обитатели покинут свои норы. Он дернул за повод лошадь и выскочил снова на дождь, прислушиваясь, откуда раздался потревоживший его звук.

Высоко на горе, где был расположен алтарь для весенних жертвоприношений, он заметил силуэт одинокого всадника. Человек поднял высоко над головой узкий боевой щит: затем опустил его, указывая на юг, и сразу же поскакал наверх, чтобы с удобной точки обозреть того, кто вторгся в их пределы.

Астамир видел, как с другой стороны на берег поднимаются Дагоберт и остальные спутники. Тревогу поднял Хельмер, который уже скакал к Астамиру, размахивая поднятым мечом. Этот молодой воин испытывал неодолимое влечение к схваткам и битвам. Приближаясь к старшему товарищу, он кричал:

— Аквилонцы! Это они! Клянусь мечом великого духа войны, мы прольем сегодня много крови, Астамир!

Все вместе они вернулись на гребень холма, и Астамир стал всматриваться сквозь пелену дождя. На отдаленном расстоянии увидел всадников, которые направились к главному руслу Громовой. Они пришли оттуда, с одной из долин, принадлежавших лундакам, другому племени боссонцев, среди которых род Астамира, Генах, был главным. Если бы они были людьми из Аквилонии, то их путь должен был бы лежать дальше к востоку.

Несмотря на то что всадники выглядели утомленными и чем-то испуганными, Астамир выхватил у Хельмера рог и, протрубив в него, закричал, что это боссонцы.

Губы Хельмера искривила горькая усмешка, а в глазах появилось выражение растерянности. Всадники вдали видимо, услышав звук рога, остановились. Тогда Астамир распахнул кафтан, и его необычные тонкие доспехи, словно чешуей покрывавшие тело, заблестели, он посмотрел вниз и увидел ответный сигнал от того, кто узнал его или по крайней мере эту необычную кольчугу. Астамир взмахнул щитом, указывая то место на западе, где встречаются потоки вод и где они также могли бы пересечь свои пути, и вскоре он уже скакал впереди Дагоберта, чтобы соединиться с отрядом южан.

К тому времени, как они встретились, дождь внезапно прекратился, хотя все еще продолжал свистеть холодный ветер. Люди с южной долины сбросили свои кожаные кафтаны, и когда Астамир приблизился к ним, он был поражен видом открывшихся ему ран. Из знака на щитах, которые были

у них — ремень, подвешенный на ветке черного дерева, — стало понятно, кто они. Как и предполагал Астамир, это оказались гонцы лундаков, сильного племени, обитателей хорошо укрепленных крепостей.

Дагоберт приложил свою ладонь к ярко-зеленой одежде командира лундаков. Его рука окрасилась кровью; предводитель закашлялся и вздрогнул.

— Мир Генаху, — с трудом проговорил он слова традиционного приветствия.

— Быстрая рука Лундаку.

— Наши руки подвели нас, Дагоберт. Если бы мы были проворнее, то не знали бы сейчас такого стыда.

Астамир, так же как и Дагоберт, отнесся к прибывшим с некоторой настороженностью. Их кожа была более смуглого цвета, а лицо предводителя казалось совсем темным от выступившей на щеках щетины. Темное лицо и темные пятна крови на груди...

— Вы знаете мое имя, но я что-то не узнаю вас, — сказал Дагоберт.

— Я Лайдис, сын Аоргика, воеводы лундаков, того, кто сейчас лежит на своем собственном копье, обескровленный одним из тех, пришедших из ночи.

— Теперь я узнал тебя, Лайдис драг Аоргик. Я помню, ты был на состязаниях.

Астамир тоже вспомнил этого человека — молодого воина, со сверкающими глазами. Самонадеянный и спесивый сын командира лундаков

чрезвычайно гордился своим родом и своими успехами. Тогда, на состязаниях, стоя по пояс в воде, Лайдис побеждал каждого, кто выступал против него, кроме Астамира.

Теперь Лайдис был бледен и мрачен, его глаза смотрели затравленно — давали знать о себе раны и серьезная потеря крови.

— Клянусь смертельным громом Буревестника, мы отомстим! — вскричал Дагоберт, хватаясь за меч и быстро проводя клинком по своему запястью.

Тонкая красная полоска мгновенно набухла на его коже, и воин встряхнул рукой, так что капли крови закапали на землю. Астамир вытащил свой меч и последовал его примеру, все генахи поступили так же. Лундаки смотрели на это, с одобрением кивая головами. Один из них, наиболее жестоко израненный, повернул свою лошадь и встал за спиной Лайдиса. Двое соплеменников крепко обнялись, произнеся слова клятвы. Затем воин проворно поднялся на вершину холма и спешил. Астамир видел, как он поразил себя блестящим клинком. Смерть спасает честь — таков обычай рода Лундака.

— Судьба отвернулась от нас, несмотря на то, что мы были под защитой Матери-Земли.

Дагоберт понимающе кивнул, и оба отряда медленно двинулись к крепости. Младшие гонцы генахов были посланы через все долины Громовой к другим родам боссонцев.

Глава двенадцатая

Астамир стоял на земляном валу, окружавшем крепость, провожая взглядом гонцов. Теперь на нем был короткий боевой плащ, что вручили ему родители, когда он достиг возраста воина. Плащ скрепляла на плече брошь из священного нефрита, подарок Эльбены. Гонцы были уже далеко, их силуэты сливались с окружающей местностью, и Астамир внезапно понял, что вновь пытается найти взглядом посланье Рыси, великой богини, которая, он знал, была где-то рядом... Он не должен был ошибиться — эта погибшая от рук аквилонцев рыжая девушка неспроста тогда здесь появилась...

Всадники скакали предупредить воинов, чтобы те готовились отразить нападение тех, кто атаковал долину лундаков. Вожди соберутся еще до темноты, и тогда совет решит, объявлять ли войну.

Тем временем приготовления в крепости шли споро и возбужденно. Астамир слышал смех и шутки мужчин и женщин, которые радовались

тому, что наконец-то они смогут вновь взяться за мечи после долгого спокойного периода, заставившего их деятельные воинственные натуры томиться от скуки. Самому Астамису этого не хотелось — ведь Рысь может прийти к нему. Боги, что за бред! Что заставило его думать, будто у нее есть время для него? Если бы он был нужен, неужели она не нашла бы возможности его позвать?..

Астамир резко повернулся и поспешил в крепость.

Молодежь, юноши и девушки, выбирали оружие и готовили лошадей для военного похода. Никогда, усмехнулся про себя Астамир, он не видел таких быстрых приготовлений к еще не решенной войне. Или война казалась всем абсолютно неизбежной потому, что это приключилось с лундаками?.. Их долины всегда были охвачены сражениями и распрями, даже в не подходящие для битвы времена весенней или осенней распутицы. Разумеется, проще решить все войной за более удобные и богатые территории вместо того, чтобы посвящать время благоустройству собственной земли...

Прозвучал рог, приглашавший на совет в Дом Предков. Астамир был доволен этим — значит, детали сражений обсудят все воины, а не только старейшины родов. Он не спеша пошел к большому залу в Доме Предков Дагоберта, по пути заглянув к себе. Эльбена сидела около огня и прядла. В маленьком горшке над огнем тушилось мясо, и женщина сняла его, чтобы помешать варево. Отсвет открытой двери упал на Эльбену, и она, ми-

молетно улыбнувшись мужу, вернулась к своему занятию. Астамир, ничего не сказав, притворил дверь и поспешил в Зал Щитов.

На скамьях, расставленных кругом, уже сидело много воинов. В центре, на полу, лежало оружие лундаков и генахов, и Астамир положил туда меч, направив острие к своему креслу, тогда как рукоятка касалась оружия пришедших.

Когда собрались все воины, Дагоберт поднялся и коротко сказал о чести своего дома и силе его оружия.

— Не все прибыли на совет, потому что времени у нас мало, — поклонился он старейшинам. — Несколько родов и те, что остались от рода Лундака... — Голос его дрогнул, но он продолжал: — ... Да, те что остались. Вот они... — Дагоберт протянул руки к сидящим представителям некогда сильного племени. — Мы послали гонцов ко всем, кроме фанграсов, — он усмехнулся, — но начнем пока без них. Дороги неблизкие, и неизвестно, когда все подойдут, даже харганы, хотя до них и ближе всего...

Потом поднялся Лайдис. Он был обнажен по пояс, и на его груди и животе выделялись темные шрамы — как старые, так и свежие, еще сочащиеся кровью. Одну руку воина лундаков подерживала полотняная перевязь. Лайдис заговорил:

— Смерть за Честь принял Омон, сын Райдерага, которого все знают под именем Белый Зуб Лундаков. Его смерть была благосклонно принята Матерью-Землей. Наши люди отбили множество атак, и их клинки обогреты кровью. Наших жен-

щин пленили, и многих из них мы нашли мертвыми в пустынных землях. Наши дети были разрублены клинками врагов, которые превосходили нас не числом или отвагой, но своим огненным мечом — ужасным смертоносным оружием, блестящим, как солнце, разящим, как удар молнии. Мы, стоящие перед вами, — это все, кто вышел из нашего племени, хотя мы продолжали сражаться, даже когда осознали безнадежность сопротивления. Когда мы нашли наших женщин зарезанными, то взмолились Богу Сердца дать силу нам вынести все это...

В этот момент встал один из его соплеменников, и Лайдис, который не закончил свою речь, тем не менее опустил на скамью. Человек прикоснулся к своим глазам.

— Меч, которым сражался один из напавших, не был похож на клинки, какие мне приходилось видеть раньше. Он был блестящим и длинным, гораздо длиннее даже, чем мечи из Кофа. Он был желтым, как пламя, как солнце, и пылал, подобно огню. В середине клинка была выемка. Это все, что я запомнил.

Он сел, затем поднялся следующий — через повязку, пересекавшую его грудь, проступали кровавые пятна, ноги тоже были изранены, и ему приходилось опираться на тяжелый посох. Воин коснулся рукой своих ушей, потом нервно покрутил ус, глядя на неподвижно сидящих генахов:

— Меч их предводителя, сверкающий огнем, не издавал звука, подобного тому, которым должен звучать металл, его голос напоминал вой ветра

в вершинах гор, холодного ветра, резкого и порывистого, он был подобен крику младенца, умирающего в снегу, — такой была страшная песня этого клинка. Он разил стремительно, и никакой глаз не успел бы заметить его взмаха.

Лайдис снова вскочил на ноги.

— Тот, кто владел этим мечом, был одет во все черное, как будто сама ночь набросила на него свой покров — не было заметно ни сверкания белков глаз или зубов на его лице, тень из тени. Он сидел на такой огромной белой лошади, что ни один человек не смог бы вскочить в ее седло. Этот человек пришел вместе с такими же, как он, воинами в черном, с красными и голубыми клинками, со щитами, украшенными алмазами и эмблемой в виде двойной шпоры. Аквилонцы! Их было не больше сотни, но благодаря мечу их предводителя они сумели победить нас и разрушить наш Дом Предков.

— Они разгромили ваш Дом Предков? — воскликнул Дагоберт, невероятно изумленный и потрясенный тем, что нашлись люди, способные надругаться над памятью мертвых.

Лайдис печально кивнул:

— Да, они сорвали щиты со стен, разметали их в щепки и пустили по ветру. Дух наших предков был уничтожен так же, как и жизни их потомков...

Во время речи Лайдиса Астамир вдруг почувствовал затылком холодное дуновение воздуха, подсказавшее ему, что дверь Зала Щитов открылась и тут же закрылась. Он обернулся назад, но

ничего не увидел, кроме облачка дыма, проникшего снаружи и уже рассеивающегося в воздухе. Наверное, кто-то вышел из зала... Но он заметил, что старый Крей обеспокоенно глядит туда же, куда и он. Старик сидел рядом с Дагобертом и все это время безмолвствовал. Теперь он поднялся, бронзовые и каменные амулеты на его шее зазвенели от резкого движения. Это был старый и мудрый человек, переживший уже пять поколений более молодых соплеменников. Он тряхнул седыми волосами и оглядел зал. Когда Дагоберт стал подниматься, собираясь что-то сказать, Крей жестом повелел ему сесть.

— Здесь что-то есть, — сказал он старческим дребезжащим голосом, — какая-то сила принесла в зал дух умершего. Я явственно чувствую это.

Некоторые из генахов, испуганные, с побледневшими лицами, вскочили на ноги. Они схватились за оружие, но Дагоберт жестом остановил воинов, и они замерли, лишь настороженно поводя вокруг глазами.

Крей медленно повернулся, и Астамир, встревоженный не меньше остальных, увидел, как пряди его волос струятся, словно подхваченные неслышным дуновением ветра. Старик перекрестил свои руки, сложив пальцы в знаке мира.

Неожиданно металлическое оружие и щиты, украшавшие зал, задрожали, и все услышали, как они стучат о стены. Астамир обернулся: в соседнем помещении захрустел тростниковый пол, подминаемый невидимыми ступнями.

Крей воззвал, так же повернувшись на этот звук:

— Гливур, слуга темноты, владыка духа этого зала, покрой дыханием мира этот дикий дух. Магай, сладкопевец нашего самого сверкающего мэталла, покажи нам главный меч нашей войны... мата гимок тилм матакарет!

Астамиру впервые довелось услышать эти слова, древний язык его племени, едва узнаваемый, непонятный, и Крей вытащил из ножен Дагоберта меч, и блики от его клинка разбежались по всему залу. Астамир прищурился, и в этом отблеске смог разобрать темные очертания духа, стоявшего без движения, склонив голову.

Его сердце застучало так же сильно, как в предвкушении битвы, — быстро и яростно, во рту появилась сухость, ладони повлажнили от пота. Туманный образ, однако, растворился в отблесках меча. Астамир бросил быстрый взгляд на остальных и увидел, что все чувствовали то же, что и он. Вдруг что-то промелькнуло за спиной Дагоберта, и все обернулись в ту сторону. Щит, до того висевший на стене, начал вращаться — быстрее и быстрее, так что вскоре его синие и красные полосы, слившись, стали напоминать блестящий цветной круг.

Астамир рухнул на скамью, не в силах оторвать глаз от бешено кружащегося щита. Чья-то невидимая рука коснулась его плеча, он вздрогнул от неожиданности. В этот момент вращение щита прекратилось. В наступившей тишине раздался глухой, странно звучащий голос:

— Этот желтый огненный меч, встречаясь со стальным клинком, звенел, подобно колоколу?

Все генахи и лундаки повернулись к Астамиду, уставившись на что-то, находившееся за его спиной. Воин сидел не шелохнувшись, он смотрел на своих товарищей взглядом, полным безнадежного отчаяния, видел бледность лиц и страх в их глазах.

— Да,— ответил опомнившийся Лайдис,— он звенел так же, как колокол Охотничьего Холма, когда тот извещает о новой смерти. Каждый раз перед тем, как снести голову очередного воина лундаков, он был страшным, отвратительным голосом.

Рука соскользнула с плеча Астамиды, и из-за его спины выступил высокий, одетый в черное человек, чье лицо скрывал надвинутый на глаза капюшон.

Когда он двинулся, генах услышал характерное позвякивание металла — скорее всего, на незнакомце была надета кольчуга.

— Меч Мабиона, выкованный мастером Утахном,— спокойно сказал незнакомец, хотя в его голосе проскальзывали удивленные нотки.— Только Рысь может помочь противостоять этому мечу!

— Рысь? — Астамид мгновенно вскочил на ноги, вперившись взглядом в призрака, словно стараясь увидеть за низко надвинутым капюшоном его глаза.— Рысь? Где она?

Из-под капюшона послышался смех незнакомца, и Астамиду показалось, что теперь узнает этот голос. Потом он услышал приглушенные тканью слова:

— Она уже идет сюда, Астамид...

Теперь воин разглядел призрак: высокий и худой молодой человек, почти юноша, чьи длинные темные волосы падали на плечи, и от них исходило почти невидимое взору золотое сияние. На мгновение мелькнули его глаза, темно-голубые, как море... неужели дух Боссонских Топей? Призрак усмехнулся, взглянув на Астамиды, давая тому понять, что разрешил узнать себя.

— Старый Кантен! — вскричал Астамид.— Клянись черепами наших мертвых, это длится слишком долго!

— Ты понял, что надо делать? — прозвучал холодный ответ.

— Да,— воскликнул Астамид и повернулся к Дагоберту: — Пошлите гонцов за Кантенфласом. Он поведет нас!

* * *

Из темноты ночи возникли темные фигуры, возглавляемые всадником на гигантской белой лошади. Соня могла наблюдать за ними некоторое время, пока они двигались вдоль реки, по ее низкому берегу в направлении крепости Охотничий Холм, главного поселения племени рода Харганов. Внимание девушки привлек яркий блеск одного из их мечей. Оружие было подобно пламени, оно светилось собственным зловещим огнем. Больше всего удивило Соню то, что эти всадники двигались так, словно хотели предупредить всех о своем появлении.

Воины, услышав крик Сони, предупреждавший об опасности, поднялись на стены крепости, а

внизу, на улицах поселения, заматались конюхи, подготавливая лошадей. Воевода племени, Кемпер драр Кирлан, верхом на лошади, остановившись среди всеобщей суеты, молил богов о содействии и поддержке. Два служителя Матери-Земли стояли рядом, покачивая головами в такт восклицаниям Кемпера, одетого как подобает воину, в кожаный кафтан, поверх которого была натянута кольчуга. Красный плащ скрепляла коралловая пряжка. Затем он спешил к стене, рядом с запертыми восточными воротами, и поднялся по деревянной лестнице к Соне. Постриженные в кружок светлые волосы выбивались из-под шлема, сделанного из пересеченных крест-накрест полос стали. В его голубых глазах пылал яростный огонь.

— Мы отобьемся от них! — убежденно произнес Кемпер. — Интересно, кто это? У нас заключен мир со всеми родами в округе, кроме самых кровожадных из боссонцев ну и, конечно, лундаков: они всегда воюют против всех. Однако мы сильнее. Этим летом мы уже предпринимали поход против этого рода — возможно, это именно они никак не могут успокоиться!

— Однако, кто бы это ни был, по-моему, они собираются разрушить твоё поселение, — заметила девушка.

— Разрушить мое поселение? — рассмеялся Кемпер. — Ты, наверное, шутишь! Мы, люди из рода Харганов, непобедимы. Сотни лет мы правим в этих долинах, и шесть рек и даже часть холмов Фанграса подвластна нам. Это поселение было

построено дюжиной поколений, и столько же времени должно пройти, чтобы его стены превратились в песок.

— Стены крепости стоят не потому, что они такие крепкие, а сильны только духом людей, обороняющих их, — произнесла девушка.

Кемпер сердито обернулся к ней, его голубые глаза сверкали, а прерывистое дыхание выдавало, как его задело слово Сони.

— Стены Охотничьего Холма двойные, и если падет первая преграда, то наши враги увидят перед собой вторую, укрепленную значительно сильнее, чем предыдущая, стену, и людей, чьи сердца выкованы из стали.

— Складно говоришь, Кемпер, — заметила Соня, — но давай лучше будем сражаться и позволим вражеским мечам пройти не ближе чем в толщине волоса от наших сердец.

Из ночи внезапно появилась птица, чьи громкие сердитые крики перекрыли шум, царивший вокруг. Соня узнала ее: эта же птица принесла ее сюда.

Девушка наблюдала за ее полетом над каменными домами крепости, и мгновенной чередой пронесся рой воспоминаний о могучем дубе, острове Крэгге, старцах...

В этот момент атакующие под стеной по команде своего командира спешили и начали перегруппировывать ряды. Соня, обнажив меч и сбросив плащ, побежала вниз к воротам; наверняка самое худшее может случиться там. Рядом с ней оказалась красивая девушка со светлыми длин-

ными волосами, но не рыжими, как у Сони, а пепельного цвета. Девушка успела шепнуть, что ее зовут Лорелой. Неужели эта молодая девушка, выглядывшая не старше, чем она сама, сможет сражаться мечом? Но времени на выяснение этого не было: напор нападавших на ворота возрос, под ударами тарана и камней из метательных устройств деревянные створки дрожали и могли рухнуть в любой миг. Соня, держа меч, застыла в боевой стойке, готовая встретить врага.

— У нас осталось совсем немного времени!..— только и успела крикнуть девушка Лореле, как ворота, жалобно заскрипев, дрогнули под ударами врага.

В проем сразу же хлынули полчища пеших и конных. Стройный ряд защитников дрогнул, отступая назад. Военный клич атакующих был громким и незнакомым, их мечи яростно сверкали, стремительно разрубая тела.

Соня уложила двоих, резкими ударами клинка распоров им горло. Отбиваясь еще от четырех нападавших всадников, она отодвигалась шаг за шагом назад, туда, где стояла охваченная смятением Лорела. Девушка впервые отняла жизнь у врага, почти мальчика, который лежал сейчас перед ней.

— Соня! — воскликнула Лорела, и слезы брызнули из ее глаз, такие же блестящие, как красная кровь на клинке ее меча.

— Ты или он! — крикнула Соня.— Если будешь зевать или лить ненужные слезы, моментально последуешь за ним!

Лорела повернула коня и успела отбить атаку воина, бросившегося на нее сзади. Она повернула вслед за Соней, чтобы последовать за ней в самую гущу сражавшихся, но внезапно вскрикнула, согнувшись в седле; стрела вонзилась в не прикрытое доспехами плечо. Соня подхватила девушку и успела увернуться от другой стрелы. Схватка тем временем шла яростная и безжалостная, враг был упорен и постепенно оттеснял защитников крепости. Это смущало молодых воинов Кемпера, и многие из них, прекратив нападать на противника после нанесения им серьезных, по местным обычаям, ран, были немедленно изрублены на куски.

Соня уклонилась от очередного удара и увидела, как другой противник пронзил мечом старого мудреца, молившегося перед боем за успех боссонцев. Затем на девушку одновременно бросились двое воинов. От столкнувшихся клинков брызнул сноп искр, но Соня двумя молниеносными ударами опередила врагов, и, истекая кровью, они оба рухнули на землю. Переведя дух, девушка оглянулась вокруг. И вновь ее внимание привлек удивительный огненный меч. Человек, владевший им, продвигался сквозь проем опрокинутых ворот, разя клинком направо и налево. Там, где он появлялся, казалось, сразу по несколько голов слетают от каждого взмаха его меча.

Он двигался прямо на нее, гигант, одетый в черное, в его стройной фигуре не было ничего особенно примечательного. Соня подняла своего скакуна на дыбы и развернула его, пытаясь укло-

ниться от пути гиганта. Соня схватила за повод лошадь Лорелы и увлекла ее за собой под навес одного из домов, где было гораздо спокойнее. Прислонив девушку к стене, Соня резко дернула стрелу. Лорела вскрикнула от боли. Острие вошло неглубоко, и рана не представляла серьезной опасности. Камень просвистел почти у самого уха Сони и врезался в стену дома, возле которого они расположились.

Кемпер что-то крикнул ей с земляного вала, ожесточенно отбиваясь от нападавших на него аквилонцев, и Соня бросила взгляд в его сторону. Он был весь покрыт своей и вражеской кровью, рука воина указывала в сторону поселения. Соня проследила за его жестами и увидела, что всадник с огненным мечом скачет в самый центр селения, возглавляя дюжину всадников, тоже одетых в черное, вооруженных обычными мечами. Они начали теснить знаменосцев Харгана, отчаянно пытавшихся противостоять им. Девушка бросилась в ту сторону, стараясь не упустить из виду таинственный огненный меч.

Она видела, как сражался всадник: меч блистал, подобно сполохам огня, то увеличиваясь в размерах, то вновь становясь более коротким, если того требовали условия сражения. И свист этого оружия, даже не свист, а скорее вой, сопровождался каждый взмах. Огромная белая лошадь всадника была забрызгана кровью, но сам он казался совершенно невредимым. В то мгновение, когда всадник в черном повернул обратно, расчищая себе путь среди оборонявшихся, Соня бросила ему в

лицо метательный нож. Обычно она не промахивалась никогда.

Однако произошло невероятное: всадник не мог видеть момента броска и летящего клинка, но тем не менее меч, сверкнув как молния, отбил нож. Соня на мгновение ощутила ледянящий душу взгляд пронзительных глаз. Воин хлестнул коня и, с каждым взмахом меча оставляя вокруг себя убитых противников, направил его в сторону Сони. Девушка приготовилась встретить его, но тут ее слух уловил знакомый звук военной трубы, пробивавшийся сквозь грохот стали и яростные крики. Соня бросила стремительный взгляд в сторону разрушенных ворот и увидела сверкающее серебром тело того воина, на встречу с которым она так надеялась. Она взмахнула мечом и выкрикнула его имя. Звук голоса девушки еще не успел замереть на ее губах, как она издала новый яростный крик и тут же бросилась на черного всадника.

Ее первый удар был с легкостью отбит, словно это было всего-навсего наскок назойливого комара. Девушка развернула коня, понимая, что ее сил не хватит, чтобы противостоять разрушительному удару магического орудия. Всадник захохотал, и его громоподобный смех перекрыл шум сражения. Он двинул своего коня по направлению к Соне, и странный меч, блеснув очередной раз, казалось, вырос в его руке. Перед глазами девушки мелькнула огненная вспышка, ослепившая ее, потом — острая боль в ноге, словно пронзила раскаленная игла. Соня выхватила еще один нож и метнула его со всей силой и быстротой, на кото-

руку была способна, направив лезвие в шею противника, не защищенную темным одеянием. Меч, словно играючи, отбил нож и вновь, вытянувшись, метнулся в ее сторону. Соня увернулась и подставила щит, и в тот же момент руку, в которой она держала его, также пришла резкая боль.

— Кто ты? — вскричала Соня, она отчаялась бороться с этим загадочным всадником, его ужасное оружие делало бесполезным все ее попытки сразить его.

Всадник сорвал с лица черную маску, блеснули в странной ухмылке белые, острые зубы, язык же его был черным, как и одежда. Узкие, сверкающие глаза, казалось, видели насквозь. Взревев, подобно штормовому ветру, всадник в черном бросился на Соню.

В это мгновение над полем боя пронесся шелестящий звук, и прямо над головой всадника вспыхнуло голубое пламя. Девушка увидела Кантенфласа, скачущего к ней на серой лошади. Рядом с ним был Астамир, ударами меча отбрасывающий со своего пути противников. Его кольчуга сверкала серебром, отражая свет от горящих соломенных крыш домов. Меч черного всадника словно окутало голубое пламя, как будто воздух поглотил его сверкающий блеск, а также удушил силу и мощь. Кантенфлас приподнялся в седле и отчаянно крикнул Соне:

— Скорей, в сторону, спасайся!

Астамир выпустил стрелу в черного всадника, но тот отбил ее с той же легкостью, как перед тем броски ножей. В этот момент Соня почувствова-

ла, что ее конь начинает падать на колени, и еле успела освободить ноги от стремян, чтобы не быть раздавленной его телом. Падая, она видела, как Кантенфлас бросился между ней и черным всадником. Их мечи со звоном скрестились, затем меч боссонца вырвался из его рук, и девушка услышала звук падения на землю человеческого тела. Кантенфлас вскрикнул — Соня никогда не слышала такой тоски и безнадежности, какие были в крике, что вырвался из его уст, лицо боссонского колдуна исказила агония, глаза сузились от дикого напряжения, как будто он хотел совершить какое-то магическое действие, но не мог.

Астамир подскочил к девушке и вздернул ее на круп своего коня:

— Быстрее отсюда! Иначе пропадем!

Черный всадник бросился за ними, его голос по-прежнему звучал громко и торжественно. Они помчались среди горящих домов, и пламя, ярко полыхавшее вокруг, опаляло их кожу. Когда они очутились у земляного вала, где кипело сражение, Астамир осадил коня и развернулся:

— Не бойся, Соня! Я с радостью отдам свою жизнь за тебя, если понадобится!

Девушка, улыбнувшись, стиснула его ладонь, потом соскользнула с крупа коня и увидела, что Астамира словно освещает яркое, как расплавленная сталь, зарево, каждый мускул его тела, покрытого светящейся броней, отражал горящие дома и яркое пламя, казалось, он сам излучает огонь. Геных выхватил меч, отбросил щит за спину и приподнялся на стремянах, готовясь встретить черного

всадника. Его противник поднял свой сверкающий клинок и издал боевой клич. Соня подобрала с земли меч какого-то убитого воина, и хотя ее руки еще чувствовали слабость, крепко сжала оружие и встала за спиной Астамира. Она не чувствовала ни страха, ни боли от ран, сердце девушки обуревало только одно желание — жажда битвы. Меч черного всадника уже не имел такой силы, как раньше, и Астамир заставил противника попятиться и отступить.

Всадник злобно взвыл, на этот раз в его голосе были слышны гнев и удивление. Внезапно он развернулся, и его белая лошадь стремительно поскакала прочь сквозь пылающий огонь. Схватка продолжалась, но защитники поселения уже начали теснить аквилонцев. Астамир поскакал в погоню за черным всадником, и Соня, поднявшись на земляной вал, увидела, как полчища врага, сжатые узким пространством разрушенных ворот, бегут прочь, и среди них можно было заметить черного всадника с бессильно опущенным мечом, который уже не представлял собой большой опасности.

Разгромленные отряды аквилонцев в беспорядке отступали, среди них некоторое время мелькал крупный гигантской белой лошади, а затем все исчезло за склоном холма.

Глава тринадцатая

еление горело, и все как один боссонцы — мужчины, женщины и даже дети — пытались спасти свое имущество. То, что еще уцелело. На счастье защитников, пошел дождь, который загасил огонь и предотвратил еще большие потери.

День, пришедший за утренними сумерками, открыл глазам полную картину того, что произошло здесь ночью. Половина домов сгорела, а у тех, что были построены из камня, выгорели почти все деревянные части.

В первую очередь в починке нуждались ворота, про которые Кемпер говорил, что они возведены на века, — сейчас только обгорелые обломки дерева болтались на гигантских стальных петлях. Требовал замены и ряд кольев на первой стене, так что у жителей селения, уцелевших после ночной атаки, забот хватало и, невзирая на усталость и раны, все, кто был в состоянии, уже с полудня принялись за дело.

Число убитых перевалило за сотню, а вражеских трупов насчитали только четыре десятка. Среди них было много гиннинов, представителей одного из восточных родов боссонцев, с которыми харганы заключили мирный договор.

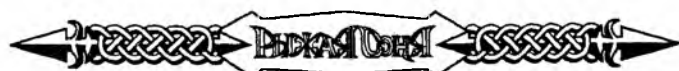
Схватка была кровопролитной, но такое большое преимущество нападавшим, несомненно, принес черный всадник со своим ужасным сверкающим мечом.

Собственные раны почти не беспокоили Соню, травы, которые она приложила, уже начали оказывать свое благотворное действие. Самая серьезная рана была на ноге, но и на плече, и на руках горели отметины, и если бы не кольчуга, неизвестно, удалось ли бы девушке при всем ее приобретенном в обители мастерстве остаться в живых.

Кантенфлас был ранен очень тяжело, но сильнее, чем боль от полученной раны, его терзали гнев и растерянность.

— Слишком просто, Кантенфлас,— заметила она,— думать, что неуязвим тот, кто лучше других подготовлен к сражению. На каждого может найтись жало, от которого мы не в силах защититься.

— Да,— мрачно подтвердил колдун. Он выглядел очень плохо, казалось, здоровье вряд ли сможет вернуться к могучему воину.— И в том, что произошло, виноват я сам. Свои магические способности я слишком часто использовал по пустякам. Это легкомыслие не пошло мне на пользу — в нужный момент я оказался бессилен...— Кантенфлас прикоснулся к повязке, прикрывавшей рану,

и пристально посмотрел на Соню.— Вообще-то я был удивлен, что выжил после удара этого меча...

Девушка утвердительно кивнула.

Этот меч был не просто оружием — Соня помнила, как он действовал прошлой ночью. Кантенфласа, казалось, это обстоятельство поставило в тупик. Чтобы его успокоить, Соня мягко сказала:

— Этот клинок оставил гораздо более глубокий след в твоей душе, нежели в плоти. Что-то явно стоит за ним — но ты можешь сказать, что именно?

Лицо воина побледнело, и Соня увидела, что ее попытка смягчить ситуацию не достигла своей цели: в глазах Кантенфласа было видно нечто, весьма похожее на панику, в них, к изумлению девушки, на мгновение даже блеснули слезы.

Соня вспомнила тот момент, когда меч поразил ее и Кантенфласа, и теперь была абсолютно уверена в том, что, кроме как магией, ничем нельзя объяснить его смертоносную силу. Она поделилась этим соображением с колдуном, и он иронически улыбнулся:

— Следовало серьезнее подготовиться к сражению, тогда этого бы не произошло. Я упустил что-то важное из того, чему меня обучали в детстве, забыл за время, проведенное здесь, какие-то основные приемы магии... Прошлой ночью я остановил бы его силу. Но я не смог...

Соня была потрясена таким признанием. Она взяла его руки в свои, помогая Кантенфласу подняться на постели.

Колдун прикоснулся губами к ее лбу, но его лицо было темным от боли и горя.

— Однако я приложу все силы к тому, чтобы вспомнить. Как руки, израненные и бесполезные после битвы, снова приобретут свою прежнюю силу, так и моя магия вернется ко мне. И я уже знаю, что надо сделать.

— Ты видел Астамира? — Соня обратилась к одному из воинов Кантенфласа.

— Он помогает той девушке, которую ты спасла, ее раны несерьезные, но Астамир посчитал, что будет лучше, если он позаботится о ней.

Соня вспомнила о Лореле, юной неопытной девушке, которая приходила в такое отчаяние от вида как своей, так и чужой крови.

— Это было ее первое сражение, — сказала она, — и Лорела действовала вполне достойно. Она делала ошибки, но все мы совершаем их в первый раз.

Кантенфлас слегка улыбнулся, вспоминая, может быть, свою первую схватку:

— Да, она ведь почти ребенок. Но раны Лорелы затянутся, и она будет хорошим воином. У нее есть чувство общности, а оно укрепляет дух не хуже железа.

— Ты говоришь совсем как Гуинхей, — сказала Соня и ободряюще кивнула ему и направилась к дому, куда свезли раненых.

Там она нашла Астамира, и воин, подойдя к ней, обнял девушку. Воздух в помещении был тяжелым от крови и запаха смерти, но Лорела выглядела радостной и веселой, правда, ее юное лицо несколько посуровело. Она знала, как выглядит сейчас ее собственное лицо, — каждое сра-

жение добавляет жесткости его выражению и морщинок вокруг глаз. Она вышла вместе с Астамиром. Взглянув на него, девушка поняла, что воин охвачен чувством, чье отражение читалось в его светло-голубых глазах, румянце, временами вспыхивавшем на загорелых щеках.

— Во всех семи боссонских долинах не найти женщины красивее тебя... — произнес он запинаясь. — Я думал, что, когда встречу тебя в следующий раз, нам, возможно, удастся вместе быть на пиру, я хотел танцевать с тобой, обнимать тебя. Вместо этого мы плечо к плечу бились за свое спасение, — воин усмехнулся и покачал головой, — но лучшего мне и не надо было. Ведь я использовал свой меч, чтобы спасти тебя... Я почел бы честью умереть за тебя, — повторил Астамир.

Девушка высвободила руки из его ладоней и прикоснулась к кольчуге. От нее исходило странное металлическое свечение.

— Ты слишком легко отдаешь мне свою жизнь, Астамир! Может быть, меня придется спасать еще тысячу раз... Как же ты сможешь помочь мне, если умрешь после первого же раза?

— Мой дух, — ответил он, — поднимется и станет ветром, который подхватит тебя и унесет от опасности. Я буду пылью в глазах твоих врагов, темным облаком, которое накроет их, ярким солнцем, ослепляющим глаза... Живой или мертвый, я всегда буду с тобой, Соня!

Девушка повернулась и пошла вдоль здания к тому месту, где ее ждал Кемпер. Он и его люди нашли среди горы трупов живого гиннина. Пока

он проявлял чрезвычайное упорство, они все же рассчитывали узнать о намерениях его хозяев. Кое-что удалось добиться, и Кемпер послал за Соней, чтобы пригласить ее в Дом Предков. Астамир шел рядом с ней, украдкой бросая на нее влюбленные взгляды.

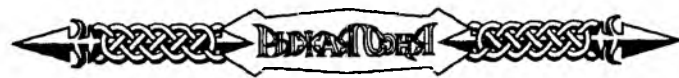
Соня поймала один из них, и усмешка тронула ее губы:

— Я слышала, что после того, как мы покинули берег ледяной реки, ты, вернувшись домой, обручился с одной из девушек-боссонок...

— Верно,— ответил Астамир вздохнув.— Это было необходимо сделать для укрепления силы рода. Люди уважают меня, и у нас существует причудливый обычай, что кто-то должен взять на себя всю их вину... Я не смог противиться обстоятельствам и взял самую красивую, умелую и ловкую девушку, которую только мог найти в наших родах. Но клянусь, Соня, я не сплю с ней в одной постели! Она живет у меня на верхнем этаже...

По тону его голоса Соня поняла, что он говорит неправду. Она гневно воскликнула:

— Если уж ты собрался лгать, то лги как мужчина! — Астамир опустил глаза, не в силах от смущения выговорить ни слова.— Узлы любви сильны, как сталь. Если ты притворяешься, то по меньшей мере делай это подобающим образом! И если ты обручился с женщиной против своего желания, тогда мне не кажется, что ты тот мужчина, который может пойти со мной! Никогда! Если уж ты обручен, то должен гордиться своей избран-

ницей, ее умом и красотой, ее любовью к тебе. И, потом я что-то не слышала, будто мужчина, если он здоров, может отказаться от принадлежащей ему женщины. Вы, мужчины, так устроены. Ты лжешь мне! — Она пронзила его презрительным взглядом.— Чтобы я больше не слышала, Астамир, о твоём влечении ко мне! Можешь убираться прочь или идти со мной, но не лги мне больше! — Девушка повернулась и пошла прочь.

В большом продымленном Доме Предков Соня нашла вождя харганов, тот спокойно ждал, когда заговорит плененный воин гиннинов. Она окинула взглядом щиты, которые почти сплошь покрывали стены и висели на каждом перекрытии и колонне.

На боссонских землях было десять таких Домов Предков, и там тоже находились щиты воинов сотен поколений. Реликвии, каждая из которых напоминала о чести ушедших...

Соня взглянула на пленника: дочерна загорелый, с коротко стриженными волосами, а длинную прядь, которая начиналась почти что на лбу и проходила через макушку, схватывала на затылке кожаная тесьма. В его глазах появилась искра надежды. Кровь сочилась из длинного пореза на груди, все его тело было в синяках и ссадинах от жестоких побоев.

Он был привязан к деревянному стулу, петля захлестывала шею, а ее конец переброшен через потолочную балку. Конец веревки придерживал один из защитников крепости; в его глазах читалось ясное и открытое желание душить врага так

медленно и так мучительно, как это возможно. Соня шагнула вперед, и вождь харганов повернулся к ней:

— Упрямец! Он может многое сказать, но молчит — однако он добьется этим лишь медленной мучительной смерти!

Гиннин поднял взгляд на Соню, и что-то в облике девушки заставило вырваться из его груди вздох облегчения.

— Я буду торговаться,— сказал он хриплым голосом. Струйка крови потекла из уголка его разбитого рта.

— Угу,— буркнула Соня, успевшая познакомиться с обычаями боссонцев.— Это твое право. Что за что?

— Мне нужна жизнь,— ответил пленник, взглянув на Кемпера.

— Никаких сделок,— рявкнул вождь,— он должен умереть!

— Но мне крайне важно кое-что разузнать,— возразила девушка.

Она жестко посмотрела на Кемпера, задержав на нем взгляд. Вождю это не понравилось: его глаза вспыхнули яростью, а рука непроизвольно потянулась к эфесу меча. Но Соня оставила это без внимания.

— Не думаю, чтобы его смерть была важнее, чем сведения, которые ты можешь получить.— Она повернулась к гиннину, на губах которого появилось подобие слабой улыбки.

— Да,— прохрипел он,— я буду торговаться за возможность избежать смерти.

— Все,— сказала девушка,— все, что тебе известно, все, доверенное тебе, каждое обязательство, которое ты давал... если ты утаишь хоть что-нибудь из этого...

Гиннин остался безмолвным, потом гневно воскликнул:

— Тогда можешь убить меня прямо сейчас, рыжая сука! Вам скорее удастся согнуть столетний дуб, чем я склонюсь перед вами! Я расскажу только то, что знает каждый гиннин. Не больше, клянусь моей честью! Но и это я расскажу только на том условии, что вы оставите меня на расстоянии полета стрелы, причем я сам выстрелю из того лука, который выберу.

Соня взглянула на Кемпера, который хмыкнул, пожав плечами, еще гневаясь, но в душе понимая, что пленник торгуется за свою жизнь вполне достойно. Харганские охотники не стали бы противиться таким условиям.

— Я согласен,— кивнул Кемпер.

И вот что услышала от пленного гиннина Соня...

...Аквилонцы пришли с востока, и среди них были двое вооруженных воинов в черном, на белых конях огромных размеров,— никто из их племени никогда не видел таких. Один из воинов принес огненный меч, который был в несколько раз острее, чем стальной, он сверкал странным блеском, этот клинок, вселивший страх во всех, кто слышал его свист, кто слышал, как стонет воздух от его стремительного движения, кто слышал звук, что издавал меч, сталкиваясь с обычным оружи-

ем. С ним они принесли силу, эти двое, силу и мощь, которой нет равных от пустынных земель до Киммерийских гор. Они разгромили защитников их главного селения, и воин с мечом заставил замолчать совет вождей гиннинов — умудренные жизнью старцы стали безмолвными, как могила. Сила исходила от него и действовала на всех, кто находился рядом, заставляя повиноваться магии его голоса, каждому слову, что он произносил. Эти загадочные люди были представителями древней расы воинов, которые когда-то жили на этих землях. Имя обладателя меча — ари-джирар Эр Дарвиль, что означало — Дарвиль, сын благородного Эра. С ним был еще один. Он молча наблюдал за Дарвилем из-под золотой маски с вертикальными прорезами, похожими на глаза совы, его губы злое же растягивались, показывая острые белые зубы.

Нет такой армии или такого человека, которые могли бы противостоять этим двоим, и скоро все боссонцы объединятся под их началом, чтобы начать поход на запад, лундаки вслед за гинниннами — только ждут приказа, чтобы двинуть свои войска.

Сейчас по крайней мере три армии гиннинов идут походом на города остальных боссонских родов, чтобы показать им силу магического меча. Духу Полей не способен противостоять ни один смертный человек...

Дух Полей... Соня вспомнила: это один из тех, о которых говорилось в песне об Утхане. Второй, черный рыцарь со сверкающим мечом, — Дарвиль, обладатель Мабионского меча...

Все это Соня узнала от пленного гиннина, и когда он закончил свою речь, она подошла и развязала его. Тот встал, разминая мускулы, потом бросился к стене и схватил лук, висящий там, выбрал стрелу и прижался к ней губами. Он бросил последний взгляд на Соню, потом на Кемпера и покинул Дом Предков. К воротам селения его сопровождала группа усмехающихся охотников. Кемпер подошел к девушке и положил ей руку на плечо:

— Было бы хорошо, если бы этому гиннину не удалось бежать. Он знает слишком много о нас. То, что мы заинтересовались Духом Полей и Дарвилем, не ускользнуло от его внимания. Он сможет предупредить своих...

— Верно, — кивнула Соня и побежала вслед за ним на земляной вал.

Гиннин уже мчался что было сил от стен селения, но его стрела не улетела слишком далеко: выстрел оказался довольно слабым. Возможно, пленник был изможден пытками или страхом, или же встречный ветер отбросил стрелу обратно с холма; во всяком случае он находился не далее чем в пятидесяти шагах от линии воинов, которые осыпали его стрелами, но пока ни один из них не поразил цели. Несколько человек бежали за гиннином. Соня выхватила лук у стоящего рядом с ней юноши. Он без слов отдал ей оружие, и девушка, выждав, чтобы ветер слегка стих, натянула тетиву и пустила стрелу в беглеца, который уже почти достиг гребня холма. Девушка смотрела, покусывая губу, на полет стрелы и видела, как

она настигла гиннина. Раздались крики преследовавших его воинов: стрела попала в ногу несчастного. Соня почувствовала одновременно удовлетворение — и, как ни странно, сожаление. Пленник попытался продолжить бегство, но рана не позволила ему сделать это: было видно, как он старался выдернуть стрелу из голени, но это только задержало его — погоня была уже совсем рядом. Девушка отвернулась и пошла прочь, не желая наблюдать за тем, что неизбежно произойдет сейчас.

Глава четырнадцатая

Охотничий Холм, большое поселение харганов, выстроенное на высоком холме, не было сильным и неприступным. Высокие стены крепости защищали крытые камышом дома, не доступные ничьему глазу, разве что птичьему. Только одна дорога вела к селению через склон и дальше к реке, которая огибала холм. Но уже довольно давно ходили упорные слухи о том, что, возможно, существовал еще один путь в Охотничий Холм — якобы в старинных преданиях говорилось о древних потайных туннелях, входы в которые были когда-то засыпаны. Однако слухи слухами, а атаковать главное селение племени было чрезвычайно сложно, а уж чтобы проникнуть в него незамеченным — такого события не помнил никто! И все же эти безмозглые гиннины, старинные соперники харганов, вместе с аквилонцами оказались в городе достаточно легко, на это ушло столько же времени, как и для того, чтобы выкрикнуть победный клич...

* * *

Когда бледное утреннее солнце высушило росу и разогнало ночной туман, воин в черных одеждах, продвигавшийся вдоль реки, склонив голову, остановился и глубоко задумался. Его неутомимый конь преодолел отвесный берег, камни из-под его копыт осыпались вниз, в долину, животное шумно выдыхало воздух. Белая лошадь с другим всадником следовала за ним, испуганно и громко храпя. Темные плащи обоих воинов развевались на ветру, с шумом хлопая о доспехи. Лица их скрывали маски, на одном черная, на другом — золотая.

— Что-то остановило огненный меч, — негромко произнес Дарвиль. — Чей-то дух, или чье-то присутствие, или влияние, точно не знаю. Его стало трудно удержать, клинок крутился в воздухе, стараясь вырваться из моей руки. — Он обращался к золотому лицу Брогана. — Трое, кто нападал на меня, женщина, этот светлоглазый, похожий на колдуна... и тот, чье тело отражает все, подобно стали... они не были харганами, я чувствовал это. — Он бросил взгляд на город. — Это вселяет в меня непонятную тревогу.

Броган горько усмехнулся:

— Ты, приятель, испугался, что тебя могут преследовать?

— Да. В этих краях есть колдуны, теперь нас узнали, думаю, в этом не может быть сомнений.

— Тогда хорошо, что мы начали действовать без промедления. На нашей стороне сильный род лундаков и гиннины. Было бы неплохо подчинить остальные боссонские племена, и тогда в нашем

распоряжении оказалась бы необходимая нам армия. Дарвиль засмеялся.

— Не обращай внимания на этих необычных воинов, Броган. Какими бы опасными они тебе ни казались, сражаются они, как дикари... Повелитель сказал, что боссонцы нужны нам только на первое время, не больше.

Они спокойно отправились дальше, эти воины были более чем уверены в себе и своих силах.

— Наверняка использовали какое-то заклинание, — сказал Дарвиль, — оно заставляет всех подчиняться человеку, который его произносит. Но меня беспокоит еще и меч. Боюсь, он тоже может повиноваться этому.

Немного помолчав, Броган произнес:

— Возможно, нам удастся избежать еще одной встречи с этими людьми, и кроме того, скоро мы завершим наши дела, и меч нам больше не понадобится.

Дарвиль поскакал вперед по узкой лощине к долине между холмов. До Брогана донеслись его слова:

— Этот клинок — единственный в своем роде. Нам дали этот меч, и, как говорил повелитель, ничто не может противостоять ему, кроме Мабионского щита.

— Я не пытался заронить в тебе хоть каплю сомнений, — голос Брогана звучал спокойно, и тем не менее чувствовался сдерживаемый гнев, — но хотел сказать, что этот меч должен помочь нам найти реликвию Утхана. Вот тогда твоя, то есть наша, — поправился он, — мечта наконец осуще-

ствится. Если щит будет у противника, то наша задача станет невыполнимой.

— В самом деле,— согласился его собеседник,— нам подсказали, что искать его, скорее всего, следует в Охотничьем Холме, в Доме Предков. Мы должны были, не заботясь о своей безопасности, стремиться именно туда. Думаю, нам придется предпринять еще одну попытку, когда обитатели этого жалкого селения снова вернутся к своему обычному образу жизни и их бдительность несколько ослабнет. Кроме того, в этих краях есть и другие селения, в которых также имеются Дома Предков, щит может оказаться и там.— Он бросил взгляд через плечо на своего спутника, в то время как их кони медленно и осторожно выбирали путь вниз среди скал.— Что касается тебя, приятель, то ты должен постараться определить, где этот колдун и его рыжеволосая соратница. Они попытаются напасть на нас, и наказать их, если они осмелятся на это. Каждый из нас обязан выполнять свою часть работы. Нам осталось немного времени, ты помнишь — через несколько дней повелитель ждет нас обратно.

Он пустил свою огромную лошадь галопом, и она поскакала так быстро, что камни полетели из-под копыт, стучаясь о стены узкого ущелья. Бродган помчался за ним, и вскоре они покинули долину рода Харгана.

* * *

Соня возвратилась к Дому Предков и услышала, как Кемпер, прохаживаясь возле входа в Зал

щитов, разносит своих воинов за едва не закончившийся поражением ночной бой. Те слушали его, не опуская глаз, на их лицах было написано напряженное внимание.

Предводитель харганов предполагал, что следует отправить отряд в погоню за гиннинами. Начался спор, некоторые из воинов поддержали его, другие громко возражали.

Внимание девушки привлек очаг в середине зала, над решетками которого под присмотром поварихи готовилась пища. Эти обязанности исполняла старуха, лицом смутно напоминавшая самого Кемпера. Соня чувствовала усталость и голод, и запах пищи заставил ее потерять интерес к разговорам на военном совете. Потом она заметила в глубине зала Кантенфласа, он привалился спиной к бревенчатой стене. Его глаза были закрыты — казалось, колдун дремал.

Соня пересекла зал и, разбудив Кантенфласа, помогла ему подняться на ноги. Из-за темных кругов под светло-голубыми глазами и нечесаных спутанных волос он выглядел значительно старше, чем на самом деле. Его губы с трудом сложились в слабую улыбку. Под плащом у Кантенфласа по-прежнему были надеты латы: Соня уловила исходящий от него запах пота.

— Пойду умоюсь к реке,— сказал он, заметив, как девушка невольно сморщила нос.— Присоединяйся ко мне, ты сама тоже отнюдь не благоухаешь, как цветок.

— Охотно,— отозвалась девушка.
Кантенфлас тяжело вздохнул.

— Как твоя магия? — спросила Соня, сжимая его ладони.

Колдун невесело усмехнулся, и девушка сочла это достаточным ответом. Он, в свою очередь, явно намеревался поменять тему разговора:

— Ты видела Астамира?

Соня рассказала, как она участвовала в допросе пленника и как Астамир обиделся на нее.

— Я считаю, нам следует найти его и привести в нормальное состояние, — сказал Кантенфлас.

Они пошли по улице от Дома Предков по направлению к тому зданию, где лежали раненые. Астамир снова был там, помогая тяжелораненым. Лорела тоже была там, перевязывая раны и прикладывая к ним целебные травы. Ее рана, к счастью, оказалась несерьезной — стрела лишь слегка царапнула плечо, причинив боли больше, чем особого вреда. Девушка быстро передвигалась по помещению, щебеча что-то себе под нос и, увидев Соню, помахала ей рукой. Та улыбнулась в ответ, а затем подозвала Астамира, который подошел к ней.

— Прости меня, — начала Соня. — Я, наверное, слишком резко говорила с тобой. Пойми, одно время я тоже думала, что мы с тобой можем быть вместе, но боги показали, что я ошиблась...

— Но моя мать...

— Твоя мать! — воскликнула девушка. — Ты, конечно, чтить своих предков, но откуда тебе известно, что ей была открыта истина?

«Она говорит совсем как Эльбена, — подумал Астамир. — Похоже, правда, что все женщины оди-

наковы», — пришел он к неутешительному выводу и промолчал, не отвечая на слова Сони.

— Тебе от меня нужно только одно, — взволнованно продолжала Соня, — мое тело! Я сталкивалась с этим уже столько раз, — усмехнулась она. — Вы, мужчины, если перед вами не жена или рабыня, которые обязаны удовлетворять вашу похоть, чего только не придумаете, чтобы овладеть женщиной, которая свободна! Так ведь? — повернулась она к Кантенфласу, стоявшему чуть в стороне от них.

Тот только хмыкнул в ответ.

— Но я же не бросился на тебя тогда... — принялся оправдываться Астамир.

— Достать не мог! — выкрикнула девушка. — Иначе поступил бы как все!

— Ты не права, — мрачно ответил генах.

Соня внезапно умолкла, вспомнив их встречу: пожалуй, она несколько перегнула палку в своих обвинениях мужского пола.

— Ладно, — смутилась она. — Будем считать, что я всего этого не говорила. Забудь, и поехали с нами на реку.

Астамир, махнув рукой, дал понять, что согласен; трое друзей вскочили на лошадей и отправились за стены города. Спустившись по дороге с холма, они очутились около реки. Здесь они сбросили одежду и купались до тех пор, пока холод не выгнал их на берег. Соня разделась чуть в стороне от мужчин, там, где на излучине реки ее прикрывал кустарник. Потом они завернулись в плащи, чтобы обсохнуть. Астамир все еще сохра-

нял обиженный вид. Обсохнув, девушка быстро оделась и, вскочив на коня, поднялась к тому месту, где лежало тело убитого пленника. Она взглянула на рану от своей стрелы и вернулась назад к реке. Генах, стоя на коленях, держал ладони в струях воды. Когда он встал, то объяснил, что молился повелителям рек в благодарность за то, что выжил в ночном сражении.

— Харганы не благодарят реки, но для меня было бы сейчас постыдным не обратиться к ним. Эта река впадает в великую Громовую, которая забирает наши тела из лона земли, когда мы умираем, и несет их к Киммерийским горам.— Он некоторое время, не отрываясь, смотрел в воду, а потом несмело взглянул на Соню.

Его лицо было печальным, в глазах мелькало беспокойство.

— Она красивая, Соня, та, с которой я обручен... Я часто вижу ее лицо в журчащих струях ручьев. Она темноволосая, и ее глаза сверкают темным огнем. Она скачет на коне, как ветер, удача на охоте встречает ее чаще, чем многих из нас...

Соня спрыгнула с коня.

— Как ее зовут?

— Эльбена...

— И как вы обручились?

Он протянул свои запястья, и девушка увидела, что на руках у Астамира надеты два браслета, из бронзы и сплетенный из тростника; раньше она их у него не видела.

— Бронза обручает воинов, а тростник — для любви между теми, кто равны в охоте.

Соня задумчиво взглянула на генаха:

— Она в самом деле обладает сильным духом, твоя Эльбена.

— Да. И, говоря по правде, я люблю ее. Но... Мое сердце предало это обручение, я не могу скрывать это. Все, что мне нужно,— это только встретиться с тобой взглядом или ловить твою улыбку...

Девушка похлопала его по плечу, улыбнулась и направилась к Кантенфласу, который сидел, печально уставясь на запад. Астамир последовал за ней. Соня обернулась к нему:

— Самое страшное не то, что ты предаешь свое обручение, но то, что позволяешь это. Я разозлилась на тебя, потому что ты предаешь сам себя, Астамир.

— Да, похоже, это так,— отозвался генах.

Они опустились на землю рядом с Кантенфласом.

— Что ты узнала в Море Грез? — пробормотал он, поднимая на нее глаза.

— Я тебе говорила, что была там, тогда...— начала девушка.

Кантенфлас безучастно глядел на нее, ожидая дальнейших слов.

— Мне рассказали о городе, где стоит Хрустальная Башня,— продолжала Соня,— в ней содержится древняя мудрость, и она, возможно, откроет нам понимание сил, что обрушились на ваши земли. Мне кажется — это Дух Полей и Дарвиль.

— Эти люди...— задумчиво обронил Астамир.— Я чувствую в них что-то звериное. Они представляют для меня загадку.

— Или что-то очень древнее.— Кантенфлас задумчиво взглянул на генаха, его светлые глаза потемнели, став почти синими, что выдавало напряжение мысли в поисках ответа на вопрос, который пока был выше его понимания.— Ты знаешь об этой башне... ты был там...

Астамир вздрогнул от порыва ветра, долетевшего с холмов.

— Да,— сказал он,— я был рожден в тени этой Башни, когда моя мать шла молить богов в те места. Мать сказала, что я должен вернуться на место своего рождения... Я вернулся туда с другими людьми и карабкался на Хрустальную Башню. Там я получил эти блестящие доспехи... Стены были такими гладкими...— Он слегка обернулся и поглядел на Соню. Она усмехнулась, вспомнив те обстоятельства, при которых она слышала об этой Башне: смертельно опасный подъем на стены скалистого Крэга.

— Эта Башня очень древняя, древнее, чем все наши народы,— сказал Кантенфлас.— Она была построена гигантами, жившими в горах в незапамятные времена, чтобы видеть сверху весь мир и следить за приближением врага — рептилий Бомиогов, созданий, которые обитали под нашим. В конце концов Бомиоги победили гигантов, они смели их с гор и быстро овладели секретами Башни. Однако они злоупотребили этой силой и были низвергнуты богами нашего мира под землю в глубокие. Когда боссонцы, первые предки всех наших племен, пришли в эти края, тогда Башня воззвала к ним и предложила раскрыть свои секреты, но они

отказались. Как наказание за отказ Башня забирает самые великие и самые грязные души и возрождает их из поколения в поколение, и по этой причине наши роды почти постоянно враждуют, и эта война не кончится до тех пор, пока последнее сражение не объединит нас окончательно. Но Башня с тех пор никому не выдает своих секретов. Говорят, если задать правильный вопрос, то можно получить ответ, но никто, по крайней мере в течение многих поколений, не нашел способа, как спросить... А ты зачем взбирался на нее? — спросил он у генаха.

— Меня просила об этом мать,— пожал плечами в ответ Астамир,— и я выполнил ее просьбу и почувствовал отклик Башни на свое присутствие. Я нашел там эти доспехи. Я приходил туда с человеком, который тоже был рожден рядом с ней. Он получил в Башне золотые глаза, которые могли видеть все вещи насквозь. Потом он погиб. На вершине Башни есть углубление, наполненное чем-то, лишаящим человека как разума, так и чувств. Ветер словно говорит с тобой человеческим голосом, но эти голоса не отвечают тебе. Когда мы спускались вниз, мой товарищ сорвался... Таких было великое множество, не он один.

— Ты взял только эти доспехи? — поинтересовалась Соня.

Астамир показал темно-голубой камень, вделанный в рукоять меча. Кантенфлас поднялся и взял свой широкий меч.

— Башня поможет нам. Мы найдем там ответ, который нам нужен, и возможно, что-то еще бо-

лее важное.— Он поглядел на девушку, проведя клинком по ладони: — Иранистанская сталь, Соня. Сильный, быстрый, этот металл сохранит твою жизнь. Нет стремительнее...

— Есть,— сказала Соня, вспомнив песнь об Утхане и Мабионском мече — сверкающем, стремительном... Настолько стремительном, что она не могла даже заметить столкновение этого клинка с ее собственным мечом и впервые в жизни почувствовала себя неуклюжей...

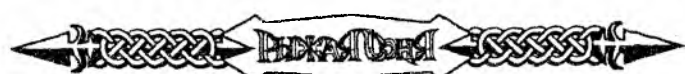
Конечно же, именно такой меч она видела предыдущей ночью! Она поделилась этой мыслью с Кантенфласом.

— Меч человека в черном, обладающий чудовищной силой,— это и есть Мабионский меч!

— Да, это он,— ответил Кантенфлас и покачал головой,— но это больше чем просто Мабионский меч. Что-то необычное есть во всем случившемся, Соня. Что-то древнее, такое, чего я не могу даже вообразить. Когда-то я выбросил из головы все легенды, чтобы наполнить свой мозг более важными знаниями. Сейчас истории Утхана вернутся ко мне, я обязательно вспомню про их древние реликвии...— Он глубоко задумался.— Щит... копье, шлем... несколько других... и Мабионский меч, выкованный по подсказке самих богов.

Кантенфлас прервал свою речь и вновь надолго задумался.

— Да,— медленно проговорил он наконец.— Такие сказки существуют повсюду. Они могут поведать о магических мечях и копьях, о волшебных кузнецах, существующих где-то над миром в

неведомых ущельях, или погруженных в озера и реки, в сказках эти мечи всегда называются Огненными.

Соня встала и плотнее закуталась в плащ.

— Этот меч не может быть побежден или уничтожен одной магией,— убежденно сказала она.— И мы не должны зависеть от легенд рассказчиков, чтобы понять, как можно уничтожить его. Ваше с Астамиром появление ослабило его силу, но не полностью. Обязательно должно существовать нечто такое, против чего Мабионский меч бессилен. И нам, если мы хотим рассчитывать на успех, нужно найти это.

Кантенфлас встал и вновь задвинул свой меч в ножны.

— Конечно, ты права, и Башня ответит на наш вопрос, я уверен в этом.

— Если мы сможем правильно задать его,— отозвалась девушка, вспрыгивая в седло.— Тогда там я узнаю и о лекарстве для нашего учителя.

— И если мы сможем добраться туда раньше, чем Дух Полей,— спокойно уточнил Кантенфлас.— Если они еще не слышали про Башню, они узнают о ней, им станет понятной и опасность, и полезность того, что там таится.

— Тогда — в путь, без промедления! — воскликнула Соня.

Они вернулись в крепость на холме харганов и спросили Кемпера, кто из его людей мог бы провести их к Хрустальной Башне. Тот немного подумал и ответил, что, пожалуй, лучше Лорелы никто не может знать этих мест, потому что ее

погибший недавно отец был самым знаменитым охотником племени и обошел все эти края. Он всегда брал с собой дочь в походы. Позвали Лорелу и спросили, сможет ли она проводить их. Девушка не могла скрыть своей радости и согласилась.

* * *

Соня и ее спутники занялись сборами в дорогу. Кемпер великодушно позволил взять все, что им понадобится. Соня всегда предпочитала путешествовать налегке. Астамир согласился, что пищи можно взять поменьше, но наотрез отказался пускаться в путь навстречу опасности без четырех копий и двух щитов: и двух мечей, своего собственного и еще одного, пригодного для заключительных действий в сражении.

Что касается Лорелы, кроме меча она вооружилась пращей. Девушку еще беспокоили полученные в последнем бою раны — было очевидно, что она еще не оправилась полностью и вряд ли сможет сражаться с полной силой.

— Смотрите! Птица! — закричала Соня, показывая на небо, когда четверо всадников отъехали уже довольно далеко от города.

Ее спутники подняли головы и увидели большую черную птицу, описывавшую над ними широкие круги. Девушка воздела вверх руки, и птица издала долгий протяжный крик.

— Она одобряет мой выбор! — радостно воскликнула Соня.

Лорела услышала эти слова. Она подняла своего коня на дыбы с тем искусством, которым об-

ладают люди, привыкшие уверенно держаться в седле с младенческих лет.

— Я удачлива от рождения! — крикнула она. — То, что вы взяли меня с собой, принесет вам успех!

Они пустили коней вскачь, несясь, как ветер, через лощину внизу Охотничьего Холма и направляясь к высоким скалам вдалеке, туда, где совсем недавно проехали Дарвиль и Броган. Вскоре земли харганов остались позади. Возможно, что неподалеку могли скрываться разрозненные отряды гиннинов. Однако Лорела, изредка останавливавшаяся и напряженно оглядывавшая окрестности, внезапно рассмеялась и припустила своего коня вперед.

— Мы сможем почуять гиннина по запаху! — громко крикнула она, и голос девушки отразился гулким эхом в нависших над ними скалах. — Если хотя бы один взмокший от страха воин спрятался где-то здесь, мы обязательно его учуем.

— А вот тебя могут слышать сейчас даже в землях генахов, — сердито прошипел Кантенфлас, бросив взгляд на Соню. — Мы можем как-нибудь успокоить ее?

Соня пожала плечами, глядя вперед, туда, где камни с шумом осыпались вниз. Маг протянул вперед правую руку и зашептал какие-то слова, которые девушка не могла разобрать. Она увидела, как камни словно замедлили свое движение, а потом их падение прекратилось вовсе. Боссонец опустил руку, на его лице читалась усталость.

— Мне удалось остановить камнепад — но очень ненадолго.

Через два дня пути они достигли подножия гор, где начинались земли фанграсов. Четыре рода этой ветви боссонцев не были объединены одним вождем, как было принято в других землях.

Фанграсы пришли в эти края раньше, чем харганы поселились на своих землях. Их считали довольно мрачным и негостеприимным народом, хотя вообще-то об их жизни было известно не так уж много. Однако чаще всего сходились в мнении, что фанграсы нападают на любого, кто появится в их владениях. Путник, следующий по этой долине, с большой долей вероятности мог нарваться на серьезные неприятности.

В первую ночь, когда спутники встали лагерем у подножия гор, они слышали стук копыт приближавшихся к ним в темноте всадников. Храп лошадей и дыхание людей были хорошо различимы, и утром Кантенфлас с помощью магии показал этот отряд из шести человек — колеблющийся золотистый мираж, который вскоре растаял в воздухе прямо перед их глазами.

Когда видение растворилось без следа, Лорела, с восхищением наблюдавшая за плодами чародейства Кантенфласа, перевела взгляд на скалы, что окружали их.

— Думаю, стоит подняться туда другим путем, — предложила девушка, и спутники последовали ее совету.

Они пустились в путь по тропе, рядом с которой шумел ручей. Никого не было, кроме птиц, пронесившихся прямо перед их лицами, но когда Соня взглянула вверх, то увидела цепочку всад-

ников, вооруженных боевыми пиками и странной формы продолговатыми щитами. Они двигались в одном направлении с ними по краю ущелья. Потом, когда Лорела повела отряд через небольшое ущелье и вывела на плоскую равнину, по которой протекала широкая река, они исчезли из виду. С этого места Соня оглядела низину, которая пересекала их дорогу, но Кантенфлас первым заметил блеск металла, безошибочно указавший, что их ждет засада.

Нашелся обходной путь среди береговых зарослей притока реки, и, пока спутники двигались вдоль ее берега, им довелось увидеть следы скоротечной и, несомненно, ожесточенной схватки. Место, где, судя по всему, происходили основные события этого боя, было усеяно трупами. Блестящие шлемы и бледная плоть мертвых тел, залитая кровью, — все говорило о том, что отряд фанграсов был разгромлен во время неудачной стычки, скорее всего, с Духом Полей и Дарвилем.

— Откуда ты можешь знать об этом? — спросил Астамир, когда услышал, как Соня произнесла их имена.

Девушка молча указала ему на несколько мертвых тел, они лежали, словно скошенная трава. Причиной их смерти, без сомнения, послужил всего лишь один удар меча. Пока спутники ехали среди окоченевших трупов, глядя на их полузакрывшиеся глаза, перекошенные в предсмертном крике рты, Соня заметила среди них воина, одетого в голубую с пятнами одежду гиннинов. Соня кивком указала на него Астамиду, но тот, спешившись,

подобрал щит одного из мертвых фанграсов. На сером с пурпуром фоне красовалось изображение рыси, держащей в лапах копьё.

— Лиаскан,— без колебаний объявил он и протянул щит Лореле, которая кивком подтвердила его догадку.

— Клинок рыси, так они называют себя,— сказала девушка,— Лиаскан, покровитель фанграсов, подобный богу гигант, полузверь-получеловек, тот, кто породил рысь и может сдвигать горы.— Последние слова она произнесла тихо, бросив тревожный взгляд на холмы, с которых они только что спустились.

Соня тронула лошадь и двинулась к тому месту, где схватка закончилась,— мертвые тела лежали на спине, как их застала атака, когда воины, по всей видимости, собирались перестроить свои ряды.

Она объехала всю поляну, на которой разыгралось кровавое побоище, а потом, взглянув на запад, подозвала к себе Лорелу:

— Смотри! Там несколько всадников!

Та, в свою очередь, показала на холмы впереди их и немного южнее:

— Только в том месте мы можем пройти к границам Потерянных Земель, на которых стоит Башня. Эти кони, скорее всего, принадлежали отряду черного воина, Дарвиля, который не знает туда точного пути. Хорошо, если так. Вокруг этих гор дороги нет, нет и человеческого жилья, и никто не сможет указать ему нужного пути. Если повезет, мы прибудем туда раньше их.

Кантенфлас, как заметила Соня, пристально смотрел назад, откуда они пришли.

— Всадники! — сказал он.— Прячутся в лесу и следят за нами.

— За мной! — воскликнула Соня и направила свою лошадь прочь с поля битвы на отмель реки.

Они пересекли поток, разбрасывая вокруг себя тучи радужных брызг, и остановились на противоположном берегу. Затем все четверо вновь поскакали через лес на юг. Они ехали долго, останавливаясь только на короткие привалы, и к концу дня уже были на расстоянии полета стрелы от подножия холма, также находившегося во владениях фанграсов.

Каждый раз, когда Соня оборачивалась назад, она видела отражение солнечных лучей в мече или шлеме, а если они останавливались в лесу, то среди звуков леса порывы ветра то и дело доносили отдаленный храп лошадей. Неизвестный отряд упорно следовал за ними, подстраиваясь под ритм их движения и сохраняя неизменным отделявшее от него расстояние.

— Они дожидаются ночи,— заметила Лорела.— Их бог Лиаскан достигает вершины своего могущества как раз в полночь, прячась среди звезд, так что никто не может различить его сверкающих глаз. Лиаскан появляется только в сумерках, когда их собственное оружие обретает наивысшую силу, а клинки врагов еще хранят мощь дневных богов. Они считают за честь бороться ночью только среди таких же, как они. Во многих боссонских родах есть свои старинные обычаи...

— У нас совсем немного времени до наступления сумерек,— пробормотал Кантенфлас.— Попробую проделать небольшой фокус, если, конечно, найду достаточно сил для этого...

Он прикрыл глаза и трижды заставил свою лошадь перебирать ногами, кружась на месте. Он что-то шептал себе под нос, но Соня не могла разобрать ни слова. Внезапно вокруг него образовалось почти бесцветное свечение, и тут же лес словно проснулся — птицы и прочие его обитатели запрыгали по ветвям и среди корней, создавая невероятный шум своим шелканьем, треньканьем, свистом.

Однако не все были едины в этом порыве. Из темноты леса появилось стремительное существо с лоснящейся шкурой, его глаза горели зловещим красным огнем, оно рычало и фыркало, приближаясь к Кантенфласу.

Соня выхватила свой метательный нож, но остановилась, потому что движение твари не напоминало нападение зверя. Большая лесная кошка, как показалось девушке, двигалась к Кантенфласу помимо своей воли. Неожиданно маг резко взмахнул перед собой левой рукой. Светящаяся аура вокруг него исчезла, а через мгновение вспыхнула вокруг рыси. Соня видела, как зверь повернулся на задних лапах и застыл, глядя назад, на север, где среди лесных тропок скрывались преследователи. Колдун совершил последнее движение кончиками пальцев, и застывший зверь зашевелился, удвоился, а потом и утроился в своих размерах. Теперь рысь была много выше челове-

ка, огромный зверь преграждал путь преследователям.

— Это поможет нам хотя бы четверть ночи чувствовать себя в безопасности,— сказал Кантенфлас, тяжело дыша. Было заметно, насколько утомили его эти действия.

Они поскакали дальше, тревожно поглядывая на уже темнеющее небо. После заката, чувствуя холод, Соня глубже запахнула свой плащ и на всякий случай обнажила меч. Кантенфлас подскакал к ней сбоку и вгляделся в полумрак леса, из которого они только что вышли.

— Надо побыстрее убираться отсюда! — крикнула Лорела, но Соня перебила ее:

— Они уже рядом!

— Кто-то из них пересилил мою магию! — мрачно воскликнул колдун.

Астамир распахнул плащ, и его блестящие доспехи отразили последние лучи заходящего солнца. Он, обнажив меч, встал рядом с Соней по другую ее руку. Лорела, крепко сжав копье, тревожно выглядывала из-за их спин. Они ждали воинов Лиаскана. Ждать долго им не пришлось.

Их было десять, и они, словно просочившись сквозь лесную чащу, в один миг вылетели на открытую площадку. У каждого из нападавших — копье с широким плоским наконечником, загнутым вниз. Лица воинов были суровы и обожжены солнцем, ветром и войнами — темные глаза полыхали мрачным огнем, рты кривились в презрительной усмешке. Короткие кожаные штаны, обтягивающие ноги выше колена, плети, рукоятки

которых были украшены черными и светлыми волосами жертв каждого воина, — в общем, вид фанграсов был весьма устрашающ.

Лошадь Астамира попятилась назад, видимо почуввав запах крови или испугавшись странных животных, на которых восседали всадники: это были коротконогие лохматые лошаденки с очень широкой грудью и густой порослью белых волос около бабок их ног. Соня почувствовала, как непроизвольно напрягаются ее мускулы, и услышала прерывистое дыхание Кантенфласа — он тоже сжался и напряжился, словно кот перед прыжком. В этот момент предводитель фанграсов взмахнул шлемом, который он держал в руке, и, взглянув на стоящую перед ним четверку всадников, остановил взгляд на Лореле. Отдав свой шлем и копье одному из воинов, находящихся рядом, он выхватил короткий широкий меч и прыгнул с лошади. Он шел прямо к Лореле, которая, затаив дыхание, бросила взгляд на Соню. Человек остановился. Лорела, словно лунатик, соскочила с седла и выхватила свой меч. Соня почувствовала, как по ее коже поползли мурашки. Ее подруга, несмотря на всю свою отвагу, не представляла серьезной опасности для здоровенного мускулистого фанграса, тем более что ее плечо еще не зажило после ранения.

— Я буду биться с тобой! — резко сказала Соня, но, как только сделала попытку соскочить с седла, фанграс, подняв руку, жестом остановил ее:

— Нет! — произнес он, бросив на нее короткий взгляд и снова перевел глаза на Лорелу.

— Ты из харганов, — заявил он девушке.

— Да, — с вызовом подтвердила Лорела.

Она отбросила свой плащ, и Соня увидела напрягшиеся мускулы на ее руке, держащей меч, и подрагивающие мышцы ног над высокими кожаными сапогами.

— Я Драган из рода Фанграса. Мы воевали с вашим родом раньше и будем сражаться и впредь. Что касается меня лично, мне еще не доводилось поднять меч на харгана.

На несколько мгновений воцарилось напряженное молчание, которое нарушалось лишь их шумным дыханием.

— Ты оказала честь мертвому Кейну по нашим обычаям. Я вижу в твоих руках его щит.

— Я не знакома с вашими обычаями, — смело ответила Лорела, — но рада, что мне удалось — в той степени, в какой это возможно, — оказать честь твоему соплеменнику.

— Кейн был моим братом, — продолжил Драган, — некоторое время назад он и сопровождавшие его люди не вернулись с охоты, и наш колдун сказал, что они мертвы, причем убиты воинами, которые не были родом с наших холмов. Я послал людей найти их, и скоро тоже присоединюсь к ним. Когда ты отдала честь погибшему воину, даже если это и не в обычаях вашего народа, ты оказала честь камням моего дома.

К удивлению Сони, он опустился на одно колено, потом на другое, после чего положил меч перед собой, поцеловав клинок. Лорела оглядела воинов, стоявших перед ней. Каждый из них скло-

нил перед ней свое копьё. Драган поднялся на ноги и вложил меч в ножны. Он повернулся к человеку, который подвел ему коня и отдал копьё.

— Эти места опасны,— Драган пристально смотрел на девушку,— предгорья впереди вас зовутся Холмами Гнева, там даже дождь способен принести смерть. Как вы оказались в этих землях? — Теперь он повернулся к Соне.

— Мы идем к границе Потерянных Земель, туда, где стоит Хрустальная Башня.

На мгновение Драган замер, затем покачал головой:

— Эта Башня известна мне, но идти через эти горы слишком рискованно, и если вы хотите преодолеть их, вам потребуется охрана...— Он подождал к себе двух воинов, на плечи которых были наброшены тяжелые шерстяные накидки, и подтолкнул их лошадей вперед, чтобы они встали за Соней. Потом Драган усмехнулся, отсалютовал ей рукой и вспрыгнул в седло. Не нарушая царящего безмолвия, фанграсы исчезли, вновь словно просочившись сквозь стволы деревьев по направлению к реке.

Один из подданных Лиаскана, стоящих позади Сони, сказал:

— Нам следует, не мешкая, пройти ночью часть пути, чтобы попасть в долину еще затемно. Там мы сможем отдохнуть.

Девушка не возражала. Через некоторое время они прошли в темноте вдоль подножия горы и затем, выбрав укромное место среди скал, завернулись в свои плащи и крепко заснули.

Разбудил Соню один из провожатых-фанграсов, и в первый момент она подумала, что еще глубокая ночь, потому что все небо было усеяно звездами. Однако горизонт уже светлел, и это сероватое сияние подсказало, что наступает утро. Белое облачко, вылетающее изо рта при каждом выдохе, и пар, валивший из ноздрей лошадей, указывали на то, что резко похолодало,— пока Соня лежала, закутавшись в плащ, этого не было заметно. Ее спутники также проснулись, съели сухари, запив их холодной водой, и затем цепочка из шести всадников вытянулась по направлению к холмистой местности. Шествие возглавляли фанграсы.

Путь через горы занял три дня. Их провожатые прекрасно знали обходные пути, и спутникам больше не пришлось пробираться через лесные завалы, крутые тропы и каменные осыпи. Они останавливались на отдых в пещерах, где могли чувствовать себя в безопасности от внезапного нападения.

На третий день, перед сумерками, они поднялись на высокий перевал и взглянули на расстилавшуюся позади них территорию родов Фанграса. Посмотрев вперед, спутники увидели лежащие внизу леса и озера, серебряные нити рек.

— Потерянные Земли! — одновременно воскликнули Лорела и Астамир.

Их провожатые повернули назад и стремительно, как исчезают ночные тени, растаяли в надвигающихся сумерках. Соня крикнула им вдогонку слова благодарности, но не была уверена, что их услышат. Однако эхо донесло ответный крик. Ло-

рела, улыбаясь, вытасила свой клинок и залюбовалась бликами заходящего солнца на его серебристой поверхности. По лицу девушки было видно, что радость переполняет все ее существо. Но Соня, хоть и улыбнулась ей в ответ, встревожено перевела взгляд на лежащую перед ними землю. Спрятанная в дымке, незнакомая, она уходила вдаль, и ее густая зелень сливалась на горизонте с голубизной неба. Астамир тоже не мог оторвать взгляда от цепи гор, отделявших Потерянные Земли от остального мира. Он указал Соне на яркую точку на одном из холмов — она была ярче, чем вода, ярче чем сталь. Точка эта была похожа на драгоценность, что сверкала на сером фоне гор.

— Что это? — спросила девушка, и Астамир засмеялся в ответ:

— Хрустальная Башня, что же еще! Нам до нее два дня пути, но эта часть дороги уже не будет опасной.

Глава пятнадцатая

рустальная Башня вырастала над землей гигантской, переливавшейся всеми цветами радуги колонной. Хотя расстояние до нее оставалось еще достаточно большим, Башня подавляла своими размерами. Облака роились над вершиной Башни, но Соня могла разглядеть узкую щель на самом верху, ту пещеру, про которую говорил Астамир. Своими очертаниями она напоминала человеческий рот с тонкими, как будто растянутыми в презрительной усмешке губами.

Девушка была поражена и ошеломлена, хотя Астамир описал ей Башню, Соня не предполагала, что она на самом деле будет выглядеть столь величественно.

Кантенфлас, как и Соня, был изумлен и поражен. Он тоже не видел этой Башни раньше и никогда не думал, как необычно она выглядит.

— Надо же, — прошептал удивленно колдун, — я всегда предполагал, что она не выше дерева и ее основание не шире, чем корабль.

Зеленые поля вокруг Башни были усыпаны обломками скал и усеяны камнями, так что казалось, будто хрустальная колонна уходит куда-то вниз, под землю. Как далеко мог обозреть глаз, виднелись остатки каменных и деревянных зданий, руины дворцов, словно Башня притягивала к себе строителей древних неведомых городов, и они стремились расположиться ближе к ней.

Наверное, тысячи поколений приходили сюда, к Хрустальной Башне, со своими вопросами и уходили — просветленные или, наоборот, еще более запутавшиеся в своих проблемах. Соня увидела развалины здания, в очертаниях которого безошибочно узнавался гирканский храм. Руины были древними, сквозь распавшиеся и потрескавшиеся камни повсюду прорастали деревья и кустарник. Чем ближе они подъезжали к подножию Башни, тем сильнее становились порывы ветра, заставлявшие спутников зябко кутаться в плащи.

Соня заметила, что чуть правее, за небольшим возвышением, поднимаются вверх несколько струек синеватого дыма.

— Что это? — обратилась она к Астамиду, указав на них рукой.

— Мы здесь не одни, — усмехнулся боссонец. — Многие приходят сюда со своими вопросами.

Спутники тронули коней, и, когда поднялись по склону, их взорам открылась лощина, где были разбиты походные лагеря. Путники, которые приходили к Башне сейчас, не строили вокруг нее по склонам холмов свои храмы и каменные замки, подобно своим предкам.

Соня медленно поехала вдоль лощины, огибая становище. Ее товарищи последовали за ней. Разноцветные шатры и палатки рядами уходили к далеким холмам, многие из них выглядели брошенными и хлопали на ветру остатками дырявых полотнищ. Большинство людей не замечали никого вокруг, словно каждая группа находилась здесь в совершенном одиночестве. Астамид кивком головы указал своим спутникам на всадников, которая направлялись к ним. Они схватились за оружие, но воины проскакали в десятке шагов от них, ничем не показав, что они хотя бы заметили четверку друзей.

Соня оглянулась на них в удивлении, но не убрала руку с рукояти своего меча. Все перевели взгляд на Башню, которая словно притягивала к себе невидимыми, но крепкими путами. Кантенфлас еще раз бросил взгляд на проследовавших мимо всадников и усмехнулся чему-то, затем махнул рукой, и все отправились дальше за Астамидом, который медленно двинулся вперед. Они без происшествий достигли подножия Башни и спешили. Оставив своих лошадей около обломка скалы, спутники подошли к стремившейся в небо гладкой и блестящей стене. Стоило дотронуться до нее ладонью, как сразу же ледяной холод пронизывал насквозь все тело. Соня отдернула руку и тревожно подняла глаза. Как же они смогут взобраться на эту стену? Как бы подтверждая ее сомнения, Лорела, вскрикнув, указала рукой на тысячи выбеленных ветром и солнцем костей, которые устилали обширное пространство вокруг Баш-

ни. Некоторые кости и черепа были невелики — возможно, они принадлежали детям, — кое-какие обуглены, словно попали в огонь. Спутники чуть отступили от стен Башни, и только Астамир, скинув кожаный камзол, под которым ярко блестела серебряной чешуей его кольчуга, гладил ладонями ледяную поверхность, словно лаская ее. До Сони донеслись обрывки песнопений, и она оглянулась на людей, стоявших поодаль. Их голоса относил ветер, и здесь они были почти неслышны, но, наверное, на самом деле они звучали достаточно громко, чтобы быть услышанными на вершине Башни.

— Они возносят ей молитвы, — усмехнулся Астамир, отняв ладони от поверхности Башни. — Все так делают поначалу.

Однако не было слышно никакого ответа — только свист и стоны порывистого ветра, эхом отдававшегося в развалинах и руинах зданий.

— Нам не забраться наверх, — с такой досадой произнесла Соня, что Кантенфлас рассмеялся.

Колдун указал на стоящую вдали группу; люди опустили головы и неподвижно взирали на Башню, отчаявшись разгадать ее магическую силу. Эхо отразило их песнопения — и опять не добавило к ним ничего.

— Весь секрет в том, как именно задать вопрос о том, что мы хотим узнать, — сказал он. — И тогда незачем будет забираться наверх, как когда-то пришлось сделать Астамиму. А если мне удастся вернуть свою силу, я смогу использовать магию, чтобы увидеть внутренность Башни, не под-

нимаясь на нее. Только послать свой взгляд туда, как птицу... как птицу... — повторил он, как будто в трансе.

Соня задумчиво разглядывала облака.

«Птица. Неужели птица из моих снов, которая принесла меня сюда?»

— Неужели твоя магия в силах нам помочь? — недоверчиво спросила девушка.

Кантенфлас оглянулся по сторонам, словно пытаясь отыскать что-то вокруг себя, затем ответил:

— В подобном случае мало кто взялся бы предсказать исход чар даже могущественного чародея. Я смог ослабить мощь меча Дарвиля, но это отняло у меня слишком много сил. И я считаю, что следует сохранить их остатки для тех случаев, когда не найдется другого выхода.

Колдун запахнулся в плащ и направился к лошадям. Остальные последовали за ним. Тем временем Лорела подобрала несколько кусков шкур и полотнищ и притащила их.

— Неплохая мысль, — похвалила ее Соня.

Они решили встать лагерем чуть поодаль от основной массы паломников и, скрепив шкуры и полотнища полосками кожи, на скорую руку устроили что-то вроде шатра, где можно было укрыться от пронизывающего ветра. Соня с сомнением взидала на это столь ненадежное укрытие. Астамир отправился вдоль склона холма, он словно искал что-то, ведомое только ему одному.

— Не расстраивайся. — Кантенфлас, улыбнувшись Соне, сделал несколько плавных движений ладонями, и их неуклюжее сооружение вдруг при-

няло форму полушара и натянулось, словно кто-то прибил к земле множество колышков, укрепивших его края.— От этого моих сил не убудет,— успокоил он девушку, встретив ее тревожный взгляд.

Соня вошла внутрь; в шатре оказалось уютно и тепло, и только свист ветра напоминал о том, что творится за его стенами. Кантенфлас щелкнул пальцами еще несколько раз, и в железном, неведь откуда взявшемся, очаге запылал огонь, и уже в котелке кипела вода.

— Жжет,— хмыкнул маг, потирая кончики пальцев.— Всегда, когда проделываю такие вещи, обжигаю пальцы и ничего не могу с этим поделать.

Спутники сбросили плащи и, постелив их на землю, уселись вокруг очага. Только сейчас они позволили себе слегка расслабиться и сразу же почувствовали, как утомило их долгое путешествие.

Соня взглянула на Лорелу, которая взлохматилась обеими руками свои пепельные, коротко стриженные волосы и позавидовала ей — девушка, по обычаю своих соплеменников, натерла голову мелом с жиром и теперь просто стряхивала эту белую пыль со своих волос. Соня чувствовала, что ее волосы спутались от пота и дорожной пыли, и с тоской думала о ежедневных купаниях, которые были приняты в монастыре у Гуинхей. С каким удовольствием она окунулась бы сейчас в прохладную воду, а еще лучше — приняла бы горячую ванну, как это было когда-то в доме Джергеца. Она вспомнила о времени, проведенном в доме столетнего вельможи, забавы и приключения, в которых они принимали участие со своими подру-

гами Джанель и Шарлиной, и сейчас это показалось ей настолько далеким. Да, было ли это с ней на самом деле или все только приснилось?..

За время путешествия они подружились с Лорелой, и Соня в то короткое время, когда они останавливались на ночлег, успевала дать своей новой подруге уроки владения мечом и кинжалом. Юная харганка проявила недюжинное упорство. Наверняка из Лорелы получится отличный воин, и Соня уже подумывала о том, что можно было бы упросить Гуинхей взять потом ее в монастырь для обучения.

Лорела с Кантенфласом вышли из шатра и вернулись, принеся с собой припасы из вьчных сумок. Во время путешествия они обычно питались сухомятку, стараясь экономить время, и сейчас запах горячей пищи приятно щекотал ноздри. Колдун помещивал еду, а Лорела, ловко нарезаая овощи и мясо, бросала их в котелок. Астамир вернулся, очень веселый и оживленный. В руках у него была охапка каких-то зеленых веток с большими листьями, которые он тщательно разложил в углу шатра подальше от огня. Он принялся к пище и довольно произнес:

— Блюдо весьма недурно, по крайней мере если судить по запаху.— И все остальные, последовав его примеру, потянулись за ложками.

Кантенфлас зажег маленькую масляную лампу, и их жилище приобрело уют и домашнюю теплоту. Утолив голод, спутники растянулись на своих плащах, с наслаждением отдаваясь приятному отдыху.

— Как вы могли заметить, все теперь не кажется таким уж тяжелым и неприятным,— сказал вдруг Астамир, глядя на Соню с улыбкой.

Девушка недоверчиво покачала головой и сделала вид, что хочет запустить в него своей тарелкой.

— Как ты ухитрился забраться на эту высоту? Отвечай, хорошенько подумав, потому что здесь, кажется, нет никого, кто верит, что ты и в самом деле это сделал.

Несколько мгновений боссонец ошеломленно молчал, уставившись на Соню с широко открытым ртом. Потом спросил, причем в голосе его слышалась печаль:

— Ты действительно в этом сомневаешься?

— Не могу не признать, что твоим словам довольно трудно поверить,— коротко заметил Кантенфлас,— особенно когда воочию видишь перед собой стены этой Башни.

Астамир задумался на миг, затем коротко рассмеялся:

— Конечно, в этом лагере рядом с Башней много таких, кто большую часть своей жизни провели в ее тени, даже не стараясь взобраться наверх, дабы послушать, что она ответит им. Однако их можно понять — кости, разбросанные у подножия Башни, свидетельствуют об участии тех смельчаков, что предприняли дерзкую попытку.

— Почему же тут нет твоих костей? — ехидно осведомилась Соня.

— Прислушайся, как дует здесь ветер,— усмехнулся в ответ Астамир.

Он поудобнее уселся и рассказал спутникам, что поток воздуха в этом месте не беспорядочен и ветер не дует с востока на запад или наоборот. Он идет от земли наверх, к небу, принося туда тепло и замещая там холод Хрустальной Башни. В тот час, когда рассеивается темнота, сила поднимающегося воздуха особенно велика. Если человек распластается у подножия Башни, то поток теплого воздуха поможет ему! Большие листья, которые он разыскал здесь, вырабатывают клейкое вещество, и если натереть им ладони и колени, то можно удержаться в те короткие мгновения, когда поток ослабевает.

— Ну хорошо, а как потом спуститься вниз? — Девушка не скрывала недоверия, которое вызвало у нее столь рискованное предприятие.

— А если взять веревку? — предложила Лоре-ла.— Мы можем привязать ее к какому-нибудь выступу внутри этой щели...

— Нет,— покачал головой Астамир.— Там нет ничего, за что можно было бы зацепиться, только совершенно гладкие стены, озаренные таинственными цветными лучами. Мы подождем, когда воздушный поток совсем ослабеет, это происходит на закате дня. В этот момент можно спуститься вниз с помощью того же ветра.— Геннах пристально оглядел своих спутников.— Я проделал это и, как видите, жив. Кроме меня наверху были и другие люди, правда многие погибли во время спуска.

Соня, выслушав его речь, поднялась и вышла накормить лошадей, не переставая думать о том,

как осуществить план Астамира. Когда она вернулась, мужчины уже заснули. Лорела, завернувшись в плащ, сидела у очага, видимо ожидая по-другу.

— Холодновато,— сказала она.

Соня села рядом с ней, и девушки прижались друг к другу, накрывшись одним плащом, чтобы сберечь тепло.

— Мне так спокойно и хорошо... Я хотела бы всегда быть рядом с тобой,— прошептала Лорела, и Соня улыбнулась ей в ответ.

— Я тоже. Ты храбрая и способная, из тебя может получиться хороший воин.

Лорела пошевелилась, выбирая удобное положение, и Соня обхватила ее руками, теснее прижимая к себе.

— Ты училась у Гуинхея, как Кантенфлас? — спросила Лорела.

— Да,— ответила Соня.— Давай ложиться, уже поздно...

Красные угольки мерцали в темноте, словно далекие звездочки сквозь облако ночного тумана. Кантенфлас заворочался во сне, глухо пробормотав какую-то фразу.

— Астамир очень расстроен, хотя старается и не показывать этого,— вдруг произнесла Лорела.

— Да? — удивилась Соня.— Он сердится на меня, но сам сделал много такого, за что я должна бы злиться на него.

— Он влюблен в тебя и страдает.

— Почему ты так считаешь? — Соня присела, сбросив с себя плащ: ей вдруг стало жарко.

— Я вижу это,— пожала плечами Лорела.— И я прекрасно его понимаю: ты такая сильная и вместе с тем добрая, что невозможно не влюбиться в тебя. Но он желает тебя в душе, это гораздо более сильное чувство, чем склониться перед тобой с уважением, которое может существовать между такими доблестными воинами, как вы.

«Несмотря на молодость, она умна и проницательна. Я вряд ли смогла бы определить так точно»,— думала Соня, слушая слова Лорелы и чувствуя к ней еще большую симпатию и какое-то странное, неосознанное влечение.

— Этот человек стал мне дорог, и если бы он погиб, во мне тоже умерло бы что-то очень серьезное,— отозвалась Соня,— но ты должна понять, я бы не хотела, чтобы он когда-нибудь узнал об этом. В любви есть много дорог, так же как и в сражении, и, кстати, мне нравятся они оба: и Астамир, и Кантенфлас, только каждый, конечно, по-своему. Их нельзя сравнить, потому что они очень разные. Я глубоко уважаю Кантенфласа, но, кроме этого, испытываю к нему и более теплые чувства. А Астамир? — Девушка на мгновение задумалась.— Какое-то время назад он глубоко проник мне в душу, так, наверное, как это может чувствовать каждая женщина,— впрочем, возможно, мне трудно судить об этом. И когда я узнала, что он обручился с женщиной из своего рода, то сначала я даже пожелала ему смерти, так мне было трудно смириться с этим. Но потом...— Она махнула рукой.— Мне стало стыдно такого чувства, и к тому же...— Соня замолчала, глядя в затухающие уголь-

ки.— Это пламя в моей душе погасло совсем быстро, тем более что я прекрасно знаю: все мужчины хотят от нас только одного,— она поморщилась и потом добавила: — Все это предназначено только для твоих ушей. Понимаешь? Больше ни для кого!

Лорела прижалась к ней:

— Я бы и так никому не сказала. А что ты думаешь обо мне? В тебе может найтись пламя для меня? Может быть, в кончиках пальцев или где-нибудь еще? Мне бы очень хотелось, чтобы мне тоже нашлось хотя бы небольшое местечко в твоей душе...

— Конечно, найдется — от кончиков моих пальцев до самых пяток,— сказала Соня и, обняв подругу, поцеловала ее.

Поцелуй получился крепким и гораздо более чувственным, чем предполагала Соня. Ей сделалось неловко, и она слегка отодвинулась от Лорелы. Та, сначала слегка удивившись неожиданному для нее проявлению чувств подруги, потом со страстью обняла Соню, и тонкие холодные пальчики, пробравшись под одежду, начали ласкать ее тело. Соня не сопротивлялась этому, но потом все-таки отстранилась. Глаза Лорелы сверкали радостью и возбуждением, заметными даже в почти полной темноте шатра. Дыхание было бурным и прерывистым. Но Соня шепнула ей:

— Не сейчас. Потом. Спи!

— Ты считаешь, что самое важное — как следует выспаться? — выдохнула Лорела и опять нашла ее губы.

Глава шестнадцатая

Астамир перед самым рассветом первой разбудил Соню, потом поднял Кантенфласа и Лорелу. Снаружи было еще темно, очень холодно и ветрено, но несколько человек, как можно было разглядеть в слабом свете звезд, уже цепочкой тянулись к подножию Башни. Лорела заявила, что останется сторожить лошадей. Она игриво подмигнула Соне, та сделала вид, что ничего не замечает, но, улучив момент, когда на них никто не смотрел, ласково поцеловала подругу в затылок. Затем во главе с Астамиром трое друзей пошли к подножию Башни и остановились там, где, по мнению генаха, поток воздуха был наиболее сильным. Соня вспомнила: как раз в этом месте и было углубление наверху башенной стены. Сейчас, в темноте, его не было видно, но девушка знала: вход там, прямо над ними. Сделав еще шаг к поверхности хрустальной стены, Соня почувствовала, как ветер с неожиданной силой поднимает ее густые воло-

сы и почти срывает с тела рубаху. Она не видела, откуда исходит ветер, но чувствовала тепло, приносимое им. Свое оружие они оставили в шатре, и теперь у каждого был только нож, засунутый за голенище сапога. Это было вызвано необходимой предосторожностью, хотя они надеялись, что она окажется излишней.

— Смотрите! — Астамир показал им, как надо растирать в ладонях собранные им листья и смазывать кожу соком.

Соня прикоснулась к его ладони и лишь с трудом смогла оторвать свой палец. Они подготовили себя таким образом, смазав перчатки и высокие сапоги, доходившие до колен. Астамир предпочел оставить ладони незащищенными.

Решающий миг наступил. Они шагнули в поток, прямо у поверхности хрустальной стены. Соня вскрикнула, когда ветер подхватил ее, поднимая от земли, почти прижимая к стене и увлекая наверх. Поднимаясь, девушка не видела, как далеко на горизонте просыпается день, но чувствовала это по внезапно посветлевшей и заигравшей яркими красками поверхность стены. Внезапно она поняла, что находится на самом верху, но не в состоянии зацепиться за что-либо на поверхности Башни. Ее волосы развевались, рубаху рвал на груди ветер. Девушка услышала предостерегающий возглас Кантенфласа; мимо нее, медленно поднимаясь вверх, проплыла его фигура, колдун что-то громко кричал, но она не могла разобрать ни слова.

Прежде чем Соня осознала это, она уже оказалась в углублении Башни, она попыталась оста-

новиться, но поток стремительно тащил ее дальше. Сильные руки схватили ее за ноги, и девушка почувствовала, как, выхваченная из потока, она оказалась в небольшом углублении, где яркие сполохи разноцветного сияния заставили ее на мгновение зажмурить глаза. Издав крик боли — и одновременно торжества, — туда же влетел и Астамир, оттолкнув их с Кантенфласом в глубь отверстия. Генах секунду спустя вскочил на ноги и пустился в пляс вокруг них:

— Ну, я ведь говорил вам? Я ведь говорил?

Они находились в обширном помещении с низким сводом, похожим на пещеру, без углов и с одним только входом, той самой узкой щелью, через которую они попали сюда. Все стены полыхали яркими цветными огнями, большей частью зелеными и красными. Соня проследила взгляд Кантенфласа, которым он указывал ей на группу огней, что непрерывно меняли свой цвет, вспыхивая то красным, то зеленым, то оттенками голубого. Как только девушка посмотрела на них, она сразу же почувствовала головокружение, затем ее стало слегка подташнивать, и она ощутила острую болезненную тревогу. Ветер свистел сквозь пещеру, такой же холодный и злой, и ее интерес к этому месту стал улетучиваться, уступая место зябкой дрожи. Кантенфлас водил кончиками пальцев по краям широкой чаши, стоявшей на возвышении в самом центре помещения.

— Она сделана в Мабионе! — провозгласил он, и Соня взглянула более внимательно на желтый металл, стараясь унять бившую ее крупную дрожь.

Ей удалось заметить, что в середине чаши было отверстие, к которому сходились узкие лучи, выкованные по стенам.

— Жертвенник, наверное,— стуча зубами, говорила девушка и указала на отверстие в центре,— это для стока крови.

В тот момент когда Соня отвернулась, что-то прокатилось по полу. Она увидела маленький голубой шарик, стремительно убегающий от нее, драгоценный самоцвет, играющий гладкими гранями. Сейчас она схватит его... Внезапно перед глазами девушки возникли тысячи таких камней, небольших круглых самоцветов, которые вспыхивали красным и зеленым. Они были везде, но больше всего их было около стен, и с каждым порывом ветра они перекачивались, и звенели, и снова катились, напоминая своим звуком что-то уже слышанное ею когда-то, и Соня вспомнила, как этот звенящий стук смешивался с шумом ветра, когда они подъезжали к Башне.

— Возьми один! — крикнул Астамир.— Потом ты сможешь предъявить доказательство того, что побывала в Башне!

Соня поймала красный камень и, положив на ладонь, удивилась его тяжести, но ей было приятно ощущать его в своей руке. Она прошла вслед за Астамиром к выходу из пещеры и села у самого края, заглянув вниз. Девушка усмехнулась про себя, подумав, что сидит на нижней губе того огромного рта, на который было похоже это отверстие. Ветер стих, и Соня поняла, что им предстоит провести здесь целый день до самых сумерек.

Далеко внизу белели разбросанные по полю кости и почти неразличимые лица небольшой группы людей. Один из них махнул рукой, по всей видимости заметив ее золотистые волосы, выделявшиеся на поверхности Башни. Похоже, это была Лорела. До самого горизонта, насколько хватало глаз, тянулись горы, покрытые легкой дымкой. Соня повернула голову на юг, где лежали земли фанграсов, а потом на восток, там жил род Астамира, генахи. Девушка прикрыла глаза и вспомнила, на мгновение почувствовав головокружение, свой визит на Крэгг, когда она была в полете выше, чем облака, и видела эти земли. Девушка раздула ноздри, и до нее донесся какой-то запах, который приносил с собой воздушный поток. Она вновь почувствовала ледяной холод, царящий внутри Хрустальной Башни.

— Что лежит под нашими ногами? — громко спросила она Астамира, но тот лишь пожал плечами в ответ.

Кантенфлас подошел к ним и тронул Соню за плечо:

— Посмотрите!

Он обнаружил, что, когда прикоснешься пальцами к некоторым из загадочных светящихся пятен на стене пещеры, оттуда идет странный звук, сначала высокий, а потом низкий, похожий на щелчки. Колдун высказал предположение, что в стенах есть какое-то подобие колокола, который звенит, если касаешься его, а потом стихает. Камни перекачивались около стен под легкими порывами стихавшего ветра, играя всеми своими

гранями. Соня взяла несколько из них в ладони и перекачивала их из руки в руку, любясь игрой самоцветов. Кантенфлас, продолжая исследовать стены, коснулся какой-то выпуклости, и перед ним с громким треском раскрылись дверцы нескольких углублений.

— Вот где были спрятаны эти сокровища,— сказал он.— Посмотрите, там совсем немного камней наверное, эти тайники разграбили очень давно.

— Нет,— возразила Соня.— Самоцветы находились здесь еще в тот раз, когда Астамир был на Башне. Он показывал нам один из этих камней.

Она одну за одной прикрыла дверцы, и те хлопнулись, вновь слившись с поверхностью стены. Как только сокровищница закрылась, раздался голос — глубокий, монотонный, невыразительный. Соня отпрыгнула от стены и огляделась по сторонам. Оба ее спутника молчали, с недоумением воззрившись на нее.

— Что это было? — закричала девушка, повернувшись к Кантенфласу, который был в какой-то степени магом и, по ее мнению, должен был объяснить ей любую непонятную вещь.— Звук похож на крик отчаяния или стон привидения...

Кантенфлас посмотрел на золотой жертвенник, стоявший в центре пещеры, потом поднял с пола голубой камень и бросил его в центр чаши. Снова раздался тот же голос или стон, и звучал все время, пока камень катился к отверстию в центре, исчезнув там. Тогда Соня поняла то, о чем колдун догадался чуть раньше.

— Здорово! Попробуй еще раз!

Кантенфлас так и сделал, он взял зеленый камень и пустил его вокруг стенок чаши так, чтобы он медленно скатился к углублению в ее центре. Камень заскользил по золотой чаше. И таинственный голос заговорил с ними! Было трудно понять, откуда он исходит: звук шел отовсюду, золотая чаша слегка позванивала, вторя его словам. Низкий вибрирующий голос говорил о покрытых дремучими лесами землях, населенных странными животными.

Спутники, сев на пол, слушали и слушали бесконечный и непрерываемый поток слов о мире, животных и растениях, о расположении рек и морей, гор и долин. Когда он умолк, Кантенфлас торжествующе поднял вверх правую руку:

— Мне кажется, я понял!

Он бросил в чашу красный камень, и голос заговорил о войнах и военном деле. Тогда они стали пробовать камни разного цвета, и все стало на свои места: голубые говорили об истории, зеленые — о растениях и животных, о лесах и полях, красные — о воинах и оружии, опаловые — о врачевании и лечебных травах, серебристые — о жизни океана... Спутники услышали о многом, но не было среди этих монотонных речей того, за чем они пришли сюда: о Мабионских мечах и лекарстве для Гуинхей. Только одни камни, белые, не вызывали голоса, сколько раз Соня и ее спутники ни бросали их в чашу.

Тогда девушка взяла один такой камень и, подойдя к отверстию в стене, попыталась рассмотреть на свету, не скрывается ли что-нибудь за его

дымчато-молочной поверхностью, но безуспешно. Она вернулась к чаше и бросила камень еще раз, но он скользнул по краям жертвенника и выскочил на пол. Подскакивая на неровностях пола, он покотился к стене.

— Где же мы найдем ответ на наши вопросы? — повернулась она к Кантенфласу, но по выражению его лица поняла, что колдун не знает этого.

— Неужели ты тоже не знаешь? — повернулась Соня к Астамиду. — Ты же был здесь!

Генах растерянно пожал плечами, и в этот момент вдруг раздался тихий мелодичный звон. Стены вновь раскрылись, и спутники увидели, что все камни сложены, каждый в своей ячейке: красные вместе с красными, голубые — с голубыми... Было еще одно отделение, которое они не видели раньше, глубокая ниша с серыми самоцветами. Внезапно все дверцы перед их глазами захлопнулись, осталась только эта. Некоторые из невзрачных серых камней словно засветились изнутри загадочным призрачным светом.

— Попробуем! — воскликнул Кантенфлас и опустил один из этих камешков в золотую чашу. — Расскажи нам о Мабионских мечах, о чудодейственном лекарстве, о том, какие силы управляют Хрустальной Башней!

Он бросил один камень, потом второй, третий — и глубокий голос заговорил снова! По спинам Сони и обоих мужчин, замерших в немом оцепенении при звуках этого голоса, прошел озноб. Чем дальше он говорил, тем больше девушке казалось, что она уже слышала когда-то эти слова. Ну конечно!

Она припомнила стариков с белыми бородами, певших под звуки не ведомого ей инструмента. Песнь об Утхане! Астамид и Кантенфлас слушали внимательно, затаив дыхание.

Когда голос затих, Соня, не удержавшись, воскликнула:

— Мы знаем это! Скажи нам, как можно защититься от Мабионского меча! И где мне найти лекарство для учителя!

Но голос молчал. Кантенфлас и Астамид с недоумением воззрились на Соню. Девушка выхватила у мага еще один камень и бросила в чашу.

— Щит можно выковать в волшебном горне, таком, каким обладал Утхан, — медленно произнес голос.

— Где этот горн? — спросил Кантенфлас.

— Мы должны быть убеждены, что не повторится история, которая произошла много столетий назад, — ответил голос. — Имеются ли у вас подобные доказательства?

— Доказательства? — в один голос воскликнули Соня и оба ее спутника.

— Если их нет, тогда... — монотонно продолжал голос, — ищите.

— А лекарство? — в отчаянии воскликнула девушка, понимая, что голос сейчас умолкнет.

— Ищите... ищите... ищите...

Голос продолжал повторять одно и то же, не смотря на то, что Кантенфлас и Соня бросали в чашу все новые и новые камни. Астамид тоже схватил камень и, охваченный гневом, швырнул его изо всей силы в чашу, крикнув:

— Что ты нам морочишь голову, дурацкая Башня? Нам необходимо узнать ответы на наши вопросы!

Соня и Кантенфлас повернулись к нему, но в это мгновение стены начали тускнеть, отверстие, через которое они проникли сюда, затягивалось, словно дымкой, наступил полный мрак, и только голос, затихая, продолжал свое: «Ищите... ищите... ищите...», пока не смолк окончательно...

Глава семнадцатая

В тот момент, когда узкая щель, похожая на рот, закрылась, Лорела отошла подальше от стены Башни, чтобы лучше разглядеть с этого расстояния ее внутреннее свечение, к тому же ей хотелось увидеть Соню, как только она появится на стене. Пробравшись сквозь нагромождение камней, осторожно обходя кости, девушка обернулась на Башню. В первое мгновение ее охватил ужас: Лореле показалось, что глаза отказали ей. Никакого отверстия в Башне не было! Куда подевался вход, через который проникли Соня и ее спутники? Девушка оглянулась по сторонам и увидела по лицам людей, стоявших невдалеке от стены и таращившихся на облачко, окутывавшее вершину Башни, что они тоже заметили это и крайне обескуражены случившимся.

— Башня отказывается от нас! — закричал один из них. — Я был ребенком, когда впервые пришел сюда. Всю мою жизнь я ждал ответа на свой вопрос! Вся моя жизнь прошла напрасно...

Люди бросились на колени, моля богов, и в Лореле на миг проснулась жалость к ним, но еще большая печаль охватила ее, когда она осознала, что не увидит больше Сони, которую поглотила эта чудовищная Башня. Девушка бросилась к молящимся:

— Такое случалось когда-нибудь раньше?

Один из мужчин посмотрел на нее ничего не выразившим взглядом и произнес:

— Никогда раньше я не видел этого и даже не слышал о подобном. Я думаю, что те, которые оказались настолько глупы, чтобы подняться на ветре в нишу, заплатили за всех, кто злоупотребил Башней.— Он вновь склонил голову, и Лорела невольно оглянулась на разбросанные вокруг кости.

— О Соня, Соня!..— Девушка в отчаянии подняла глаза к небу.

Неужели пришел конец всему и таким ужасным образом закончились их поиски?.. Лорела чувствовала, как по ее щекам текут горячие слезы, и думала о том, что ждет несчастных внутри Башни. Если отверстие наверху останется закрытым, рано или поздно они задохнутся, если, конечно, еще живы в данный момент...

— Должен же быть какой-то способ вызволить их оттуда! — произнесла Лорела так громко, словно разговаривала с невидимым собеседником.

Она вновь зарыдала, потому что не в силах была представить, как можно спасти друзей: она не видела пути ни туда, ни обратно. Девушка медленно побрела к шатру, где стояли четыре лошади.

Люди сновали вокруг нее, не обращая внимания ни на Лорелу, ни на ее печаль. Она слышала где-то вдали песнопения, смех детей, игравших у подножия Башни. Вооруженные деревянными мечами и щитами, они и весело носились по полю, изображая сражение. Девушка собрала выючные сумки, и в тот момент, когда прилаживала их к мирно стоявшим животным, ей послышалось, что кто-то зовет ее. Повернувшись, она увидела не особенно опрятного мужчину с взъерошенными волосами, который с участием поклонился ей:

— Ты прискакала сюда вместе с той рыжей девушкой? — спросил мужчина.

— С Соней... да, с ней.

— Она недалеко отсюда,— сказал мужчина,— но ранена, и довольно серьезно. Быстрее!

Лорела побежала за ним вниз по каменистому склону, прыгая через осыпи, укоряя себя за то, что она так быстро отказалась от борьбы — что могло подобным образом замутить ее рассудок? — и очутилась так далеко в тот момент, когда Соне необходима ее помощь. Человек бежал впереди нее, запах его грязной пропотевшей одежды, казалось, заполнил все окружающее пространство. Они миновали лагерь и оказались в небольшой пещере, вырубленной в скале.

— Сюда,— указал мужчина.

Лорела бросилась за ним — но прямо перед ней выросла глухая каменная стена. Девушка в гневе резко обернулась назад, решив что, незнакомец решил сыграть с ней какую-то злую шутку, но тут кто-то схватил ее сзади за одежду. Она вновь обер-

нулась, вытаскивая из ножен свой меч. Однако на мгновение девушка опешила, потому что вместо каменной стены, только что бывшей позади нее, стояли четверо мужчин, таких же грязных, как тот, что завлек ее сюда. С кривой усмешкой они направили на нее свои мечи, а затем принялись сбрасывать с себя одежду, так что вскоре оказались перед ней совершенно нагими. Лорела заметила, как их глаза, зажегшиеся похотью, заскользили по ее телу, еще слегка угловатому, как у мальчика, но, несомненно, привлекательному для этих неопрятных самцов. На ней была только легкая туника, которую перепоясывал кожаный ремень с ножнами. У девушки невольно мелькнула не очень-то подходящая к серьезности ситуации мысль, что они даже не будут утруждать себя тем, чтобы раздеть ее, прежде чем изнасиловать.

— Полегче, воробышек. Если ты не будешь слишком дергаться, мы сможем доставить тебя к Брогану, не причинив особого вреда. Хотя его не очень-то побеспокоит, в каком состоянии ты попадешь к нему... лишь бы могла говорить, — прошептал один из мужчин.

Мужчина, который заманил ее сюда, сделал выпад, намереваясь выбить у нее из рук меч. Однако Лорела знала кое-какой толк в фехтовании: она отбила удар так, что нападавший почувствовал, как по его лицу заструилась кровь от оцарапанного щеку меча девушки. Он грязно выругался и сделал еще один выпад. Лорела легко ушла от него в сторону, оставив противника в пространстве между ней и тремя остальными нападавшими. Они

смотрели на нее и на своего предводителя, словно истуканы, не особенно, видно, осознавая, каким образом кончик ее клинка обогрился кровью. Девушка, в свою очередь, атаковала, и только тогда бандиты вступили в схватку, между тем как первый мужчина уже валялся на земле, издавая громкие стоны и тщетно пытаясь зажать руками рану на животе, из которой вываливались окровавленные внутренности.

— Я воин харганов! — выкрикнула Лорела. — Мы привыкли оставлять за собой мертвые тела наших врагов!

Ее меч громко звенел, встречаясь с клинками противников. На какое-то мгновение девушке показалось, что она обратила их в бегство, и с ее губ сорвался громкий клич злого торжества, но это была лишь иллюзия: нападавшие вновь попытались окружить ее.

Лорела отбила один выпад, повернулась в сторону, встретив другой клинок, но тут же сильный удар по затылку заставил ее пошатнуться и выронить оружие. Она нагнулась, чтобы подхватить его вновь, но кто-то подставил ей подножку, и Лорела рухнула ничком на землю. С криком вся троица бросилась на девушку и навалилась на нее, прижав к каменному полу пещеры и не давая возможности даже пошевелиться.

Она попыталась вырваться, но противостоять трем здоровым мужчинам — дело, заранее обреченное на неудачу. Девушка почувствовала, как их грязные пальцы впиваются в ее тело, грубо переворачивая ее навзничь. Она в изнеможении и

ужасе прикрыла глаза, чтобы не видеть ухмылявшихся, перекошенных мерзких рож...

Раздался лошадиный храп. Сквозь пелену отчаяния и гнева до Лорелы донесся смех мужчины. Она внезапно почувствовала, что хватка, сжимавшая ее руки, ослабла. Девушка могла приподняться и сесть. Злые слезы застилали ей глаза, но все же она увидела всадника в черном одеянии на огромной белой лошади. Его мертвенно-бледное лицо скрывала золотая полумаска, отражавшая солнечный свет так сильно, что девушка на мгновение почувствовала себя ослепленной, будто бросила нечаянный взгляд на солнце. Кто-то бережно, в отличие от напавших на нее, приподнял ее за подмышки и поставил на ноги. Лорела поправила разорванную одежду так, чтобы хоть немного прикрыть свое тело. Человек сзади нее накинул ей на плечи теплый шерстяной плащ, и девушка закуталась в него, не сводя глаз с всадника на белой лошади. Она сделала два шага по направлению к нему, и внезапно он бросил ей кинжал рукояткой вперед. Лорела инстинктивно поймала его, выдернув правую руку из-под плаща.

— Шустрая девочка,— усмехнулся всадник.— Убей их, если хочешь.— Он указал на троицу. Его голос был глубоким и каким-то нечеловеческим, неприятным по своему звучанию.

Лорела почувствовала, как ее мысли понемногу начинают проясняться. Она резко повернулась и полоснула по горлу одного из насильников, стоящего ближе всех к ней. Кровь хлынула из раны, и он, издав жуткий вопль, рухнул на траву, схва-

тившись рукой за шею. Двое других упали на колени, умоляя человека в черном, которого они называли Броганом, пощадить их, выкрикивая, что он сам разрешил им привести эту девку к нему в любом состоянии...

— Ты же ничего не сказал о том, чего нельзя с ней делать! — рыдал один из них, размазывая по грязному лицу слезы и сопли.

Лорела сбросила плащ и подняла кинжал — на нее эти рыдания ничуть не подействовали, и она была готова продолжить свою месть, однако голос всадника остановил ее:

— Не спеши,— промолвил он, соскакивая с седла и подходя к девушке.— Пока что достаточно.

Казалось, он был несколько удивлен тем, что она быстро и без малейших колебаний воспользовалась его разрешением убить ее обидчиков.

— Они от тебя не уйдут.— Человек в черном кивнул своим слугам, которые только что подошли: — Придержите их.

Броган был гораздо выше Лорелы, и его вид вызвал у девушки смутное ощущение чего-то непонятного, но явно недоброго по сути. Все в этом человеке было необычным, от стянутых кожаными лентами пластин металла, прикрывавших торс, до ремней, перекрещивающих тело. На них были нанесены красно-золотые узоры, которые она видела впервые в жизни. Сквозь прорези маски она чувствовала пронзительный взгляд, отчасти удивленный, отчасти исполненный любопытства.

— Где люди, с которыми ты приехала сюда? — медленно спросил он.

— Они мертвы,— на всякий случай соврала Лорела, хотя сама уже не была абсолютна уверена в этом.— Разбились, пытаюсь подняться на Башню...

Броган издал короткий недоверчивый смешок и покачал головой:

— Не думаю, чтобы это было так. Ты можешь показать их тела?

— Посмотри вокруг,— усмехнулась девушка.— Здешние стервятники, как видно, привыкли хорошо питаться...

Дыхание человека в черном стало тяжелым и свистящим, словно шипение змеи. Он задумался на мгновение, потом повернулся к одному из сопровождавших его людей, судя по одежде которого можно было заключить, что он принадлежит к роду гиннинов:

— Найди лекаря, пусть он займется ею. Потом приведешь ее ко мне. Она не обычная пленница, даже если ничего не сможет рассказать нам. Пусть пока побудет с нами.

Броган повернулся ко все еще стоящим на коленях и, выхватив меч, одним движением отсек обоим головы. С глухим чавкающим звуком их тела рухнули на траву. Лорела, которую, схватив под руки, повели прочь двое воинов Брогана, услышала, как тот приказал кому-то из своих:

— Без промедления скачи к Дарвилю. Скажи, что наши руки развязаны.

«Поверил! — с немалым удовольствием подумала Лорела.— Если мои друзья остались в живых, то с этой стороны опасность им не угрожает. Во всяком случае пока».

Глава восемнадцатая

огда Соня очнулась, ей показалось, что ее тело погружено в невидимую студенистую массу. Она пошевелила руками и ногами, чтобы убедиться, что сможет двигаться, и протянула руку, чтобы найти что-нибудь, за что можно было бы уцепиться, однако ничего твердого ни под ногами, ни с боков не было.

Девушка услышала шумное дыхание, и голос Астамира произнес где-то рядом с ней:

— Внизу — свет.

Соня опустила голову и увидела расплывчатое сияние, которое как будто испускал какой-то источник, находящийся глубоко в воде.

— Я чувствую, что мы попали в большую беду,— услышала она голос Кантенфласа.

Ощущение погружения в глубину вдруг прекратилось, и девушка сквозь серую дымку увидела расплывчатый силуэт Кантенфласа. Он стоял недалеко от нее и озирался по сторонам, пытаясь найти в этой серой мгле какой-нибудь при-

знак выхода отсюда. Соня вздрогнула, потому что, как ей показалось, откуда-то сзади нее раздался голос:

— Кто из вас задал запрещенный вопрос?

— Я,— быстро отозвалась Соня,— если ты имеешь в виду вопрос о щите и лекарстве.

Кантенфлас издал громкое восклицание, скорее стон, но тут же оборвал его, потому что голос продолжал:

— Ты задала этот вопрос, не ведая, что ответ находится не в мире, а в твоей душе. Ты не получишь здесь ничего, кроме знания о том, что должна сделать. Кроме тебя здесь есть еще люди: маг, который поможет тебе принять правильное решение, и воин, кто защитит тебя от врагов. Нам стало ясно, что вы не простые пустоголовые рыцари, что являются сюда с целью разграбить наши сокровища.

— Да,— услышала Соня голос Кантенфласа,— мы пришли, чтобы узнать, как бороться с теми призраками, что восстали из мглы забвения и хотят опустошить наши земли и уничтожить наших людей. Мы ищем Мабионский горн, где можно выковать щит, способный противостоять волшебному мечу, и мы хотим узнать, как можно вылечить достойного и преданного богам наставника.

— Говорящая чаша не обладает всеми знаниями, но она поможет вам укрепить свой дух в борьбе с темными силами зла. Горна больше нет, он разрушен по велению богов еще в незапамятные времена. Ищите, и удача будет сопутствовать вам. Природа поможет вам, боги защитят вас.

— Но где и что именно мы должны искать?! — в отчаянии воскликнула Соня.

— Найдите Дарвиля и Брогана...— Это были последние слова.

Девушка вновь почувствовала озноб, пробежавший по ее коже, и ее охватило прежнее ощущение погружения в студенистую массу. Она повернула голову и сквозь серую пелену увидела, что рядом с ней Кантенфлас тоже медленно скользит вниз. Понемногу все пространство вокруг стало светлеть, и Соня через некоторое время увидела, что справа от нее безмолвно движется Астамир, наверное чувствующий то же самое, что и она, судя по его лицу с полужакрытыми глазами и плотно сжатым ртом. Еще несколько мгновений — и стало совсем светло, и перед взором спутников открылись и поляна, и холмы, лежащие за ней, и дымки от костров лагеря неподалеку от Башни, и группа коленопреклоненных людей, с надеждой и ожиданием смотрящих куда-то в небо.

Движение замедлилось, и девушка ощутила, что ее ноги стоят на твердом основании. В этот же миг стеклянная стена раскрылась, и она осторожно вышла наружу. Оглянувшись, она увидела Астамира и Кантенфласа. Они были словно в трансе, и прошло несколько мгновений, пока оба мужчины одновременно повернули головы, и в их глазах появилось осмысленное выражение.

Кто-то из группы молящихся людей бросил на Соню и ее спутников короткий взгляд и вновь занялся своим делом, потом, видно, осознав, что произошло, боязливо повернул к ним голову, и

на его лице возникло выражение неопишемого ужаса. Его неподвижный взгляд остановился на Соне и ее спутниках, появившихся неведь откуда.

Девушка повернулась назад, но на гладкой и непрозрачной стене Башни, переливавшейся сполохами неярких огней, не было никаких отверстий.

— А все-таки мы остались в живых,— послышался голос Астамира.— Говорил я вам, что мы узнаем...

— Что мы узнали? — перебила его Соня.— Почти что ничего. Зато страху я натерпелась...

— Нет, ты не права,— голос Кантенфласа звучал спокойно,— кое-что нам стало известно. И самое главное среди этого — то, что мы должны найти черных всадников.

— Ничего себе ответ,— усмехнулся Астамир.— Нам нужен щит, чтобы встретиться с ними и остаться в живых, а с другой стороны, выходит, что, пока мы не встретим их, не узнаем, где щит. Хороший ответ!

— Ладно,— махнула рукой девушка,— дальше будет видно. Пошли к стоянке, Лорела уже, наверное, заждалась нас.

Они быстрыми шагами направились прочь от Башни, сопровождаемые испуганными взглядами молящихся.

Подойдя к шатру, Соня окликнула Лорелу, но ответа не последовало. Она заглянула в шатер. Пусто.

Астамир бросился к лошадям:

— Она должна быть где-то здесь. Лошади оседланы и навьючены! — крикнул он.

— Странно...— протянула Соня и снова заглянула внутрь шатра.— Оружие на месте. Кроме ее меча,— неуверенно добавила она.

Кантенфлас взглянул на девушку, и в его взгляде она уловила скрытое беспокойство. Они вновь принялись звать Лорелу, бродя по зарослям кустарника, облепившего склоны холма. Лорелы нигде не было.

К счастью, довольно скоро какой-то старикашка, услышав крики, подошел к ним и рассказал, что случилось.

— Она ушла с ним? — переспросила Соня.— Куда?

Старик махнул рукой.

— Я сейчас.— Астамир бросился в ту сторону, куда указывала рука старика.

Он вернулся через некоторое время и рассказал, что не нашел никаких следов.

— Ты уверен? — недоверчиво спросила Соня.

— Никаких,— повторил Астамир.— Может быть, старикашка просто перепутал направление. Во всяком случае, я ничего там не обнаружил.

— Они взяли ее в плен! — воскликнула девушка.

Время было близко к полудню, вновь начал усиливаться холодный резкий ветер. Девушка почувствовала, как он резко бьет в лицо, и спряталась за круп лошади, не переставая думать о своей юной подруге.

— Почему они похитили ее, а не просто убили? — Подошедший к ней Кантенфлас задумчиво потирал лоб.— Похоже, они знают что-то о нас. Кто они такие, как ты думаешь?

— У тебя еще есть сомнения? Это те два черных рыцаря, Дарвиль и Броган,— быстро ответила Соня.— Нами больше никто так не интересуется.

— Почему ты так думаешь?

— Ты хоть и колдун, а страшно недогадливый,— усмехнулся, подходя к ним Астамир.— Ведь мы остановили их нападение на Охотничий Холм. Откуда им стало известно, что мы отправились сюда,— это дело десятое, но в том, что они постараются как можно скорее от нас избавиться, я лично ни на миг не сомневаюсь. Но тут может быть еще кое-что... Может быть, Лорела добровольно ушла с кем-то, кого мы не знаем?

— Или они похитили ее, чтобы разузнать что-нибудь о нас? — продолжал размышлять вслух Кантенфлас.

— Наверное,— ответила за него Соня.— Но почему все-таки не убили сразу? Значит, она им ничего не сказала — ну, или не все. Надо спасать ее, пока не поздно!

— А по-моему, это совсем лишнее.— Астамир взял ее за плечи и стал всматриваться в сверкающие яростью серые глаза девушки.— Забудь об этом! Лорелу, конечно, жалко, но не это сейчас для нас самое главное. У нас совсем другая задача. Мы должны сначала найти черных всадников. А так мы только зря потеряем время!

Соня оттолкнула его и, стремительным движением выхватив кинжал из ножен, приставила его к горлу Астамира.

— Я не какое-нибудь животное или безмозглый солдат, способный только махать мечом! —

яростно прошипела она.— Я не могу посвятить оставшуюся часть своей жизни мести своим врагам и избавлению твоих соплеменников от опасностей, если мы не в состоянии сделать такую малость — спасти жизнь молодой и преданной нам девушки! Как ты только мог сказать такое! Стыдись, Астамир!

Она отдернула клинок, не спуская горящего гневом взгляда с Астамира, который, потирая шею и изумленно крутя головой, мрачно смотрел на нее. Рука Кантенфласа опустилась на плечо девушки, он спокойно произнес:

— Лорела — дочь такого же благородного рода, как и мой собственный. Приди в себя, Соня! Мы не можем с точностью поручиться за то, что здесь произошло. Если она покинула это место без борьбы, то, может быть, только для того, чтобы увести врагов подальше от нас, потому что Лорела прекрасно понимает, насколько важно наше дело. Она помогла нам! Если она пожертвовала собой, на то была ее воля! Скорее всего, она не поблагодарила бы тебя за то, что ты последуешь за ней вместо того, чтобы заняться делом, ради которого мы прибыли сюда! Астамир мог бы высказать свою мысль более тактично, но по сути дела он прав.

— Но нам как раз и нужны Дарвиль и Броган!

— Во-первых, большой вопрос, сделали ли это они, а во-вторых, она же не знала того, что нам поведал голос в Башне! В любом случае наша задача — постараться найти этих призраков, а о Лореле придется пока забыть. Не думай, ради богов,

что это приводит меня в восторг! — гневно закончил Кантенфлас.

Соня смотрела на него, по-прежнему задыхаясь от ярости. Колдун покачал головой и, не отпуская ее плеча, другой рукой потер подбородок, словно собиравшись с мыслями, но девушка оттолкнула его руку и несколько мгновений стояла неподвижно. Потом повернулась к Астамиру и двинула его носком ноги в лодыжку, да так сильно, что тот присел от боли.

— Прости меня,— подмигнула она с чарующей улыбкой.— Боюсь, что ты был прав.

— Я очень рад,— потирая ногу, но на самом деле счастливый тем, что все обошлось без ссоры, ответил генах.— Кроме того, я не сомневался, что наши пути с черными всадниками рано или поздно пересекутся, и мы, скорее всего, сможем узнать, что случилось с Лорелой и попытаемся помочь ей.

— Если к тому времени ее головка будет по-прежнему украшать ее шею,— мрачно заключил Кантенфлас.— Собирайтесь, а я пойду разузнаю у этих любителей молений, не видели ли они кого-нибудь из тех, кого мы ищем...

Глава девятнадцатая

В те времена людишки были покрупнее,— усмехнулся Дарвиль, помещивая кочергой поленья в камине.— Их и рубить было приятнее.

— Какая разница,— сказал Броган.— Большой, маленький — все одно. Яд убивает людей любого размера. Дохнут, как мыши. Помнится, один из правителей заказал мне как-то зелье, что убивает только через несколько дней после его приема. Вот тогда пришлось повозиться, это тебе не мечом размахивать. Тут голова нужна. Сколько трав я испробовал, прежде чем сумел найти нужное сочетание...

— Да уж,— кивнул Дарвиль.— Не зря тебя прозвали Духом Полей. Успел обнюхать все в округе?

— Да уж не без этого,— засмеялся Броган.— Каждая травинка что-то значит. Вот, скажем, этот пузырек.— Он вытащил откуда-то флакон темно-синего цвета и поднес его поближе к огню.— Эта жидкость, наоборот, продлевает жизнь и спасает в почти безнадежных случаях.

— Тогда за каким демоном ты хранишь его? — хохотнул Дарвиль. — Нам оно теперь не понадобится. Мы можем убивать и убивать, и никто не помешает нам в этом, — с явным удовлетворением прищелкнул он пальцами.

В неярком огне причудливые тени плясали на лицах двух друзей, подчеркивая мертвенную бледность их кожи. Оба замолчали, глядя в огонь.

— Ты так в этом уверен? — Дарвиль повернул голову к собеседнику, и тот поморщился, видимо предчувствуя, что ему в сотый раз будет задан вопрос, не доставлявший ему никакого удовольствия.

— Девчонка сказала, что они разбились насмерть, — тусклым голосом заметил он. — Ей незачем было врать.

— Тогда почему ты не убил ее?

— На всякий случай.

— Ну вот, — начал Дарвиль. — Опять то же самое...

— А ты хотел услышать что-нибудь новенькое? — Броган вяло отмахнулся от него, словно от надоевшей мухи. — Завтра придем к повелителю в замок, и он будет знать все до самой последней буквы.

— Какой еще буквы? — не понял Дарвиль.

— Так говорят, когда хотят сказать, что будет известно все, — поучительно ответил Броган. — Теперь так говорят, — уточнил он. — С наших времен уж сколько столетий прошло... Все изменилось.

— Да, — вздрогнул Дарвиль, вспомнив череду лет, бесконечную и гнетущую, когда перед его неподвижным взором проплывало только небо, иног-

да голубое, временами серое и покрытое тучами или же вспоротое грозными сполохами молний. — Ты о чем думал?

— О чем? — переспросил Броган. — Когда?

— Все это время.

— Не помню...

— И я тоже, — усмехнулся Дарвиль. — Да это и лишнее, много думать вредно. Может быть, все же допросим как следует эту девку?

— Давай, если обещаешь не убивать ее, — согласился Броган. — У тебя, вижу, постоянно руки чешутся... А я считаю, она нам еще пригодится.

— Ну такая уж наша доля, — отозвался собеседник. — Скучно так сидеть. Скоро эти людишки выспятся?

— Утром поедем дальше. — Броган поднялся с места. — Надевай шлем.

Он подошел к дверям и что-то сказал, просунув голову наружу.

— Сейчас ее приведут, — возвестил он, садясь в свое кресло. — Только помни, ты обещал.

— Я просто хочу узнать...

В этот момент дверь распахнулась, и двое боссонцев, по одежде которых было видно, что они принадлежат к роду лундаков, втащили в помещение девушку и швырнули ее на пол под ноги сидящих у камина рыцарей. Сейчас их лица были прикрыты масками: золотой и черной, и сквозь прорезы были видны только блестящие белки глаз.

— Ты неважно выглядишь, — участливо заметил человек в черной маске. — С тобой плохо обращаются?

Лорела приподнялась на ладонях и взглянула ему в глаза.

Проведя в плену несколько дней, она действительно выглядела не лучшим образом. От ее одежды остались только обрывки; губы, пересохшие от жажды; растрескались, грязные подтеки покрывали тело; а ноги были в кровь сбиты дорожными камнями. Весь день она почти бежала, привязанная к седлу веревкой, а на ночь ее бросали в какой-нибудь чулан, если ночевали в деревне, или просто оставляли около лошадей, привязав к дереву. Пить ей давали когда придется, а с едой было еще хуже: по вечерам, как собаке, бросали кусок сухой лепешки, считая, что пленница прекрасно им обойдется.

— Можешь подойти к огню, — участливо предложил ей человек в черной маске. — Наверное, замерзла. Говорят, ночи сейчас холодные.

Лорела привстала на колени и, не в силах идти, почти подползла к камину. Она протянула руки к огню, грея их и с нескрываемым ужасом следя за двумя неподвижными странными фигурами, сидящими по обе стороны от нее.

— Так ты говоришь, что твои спутники сорвались вниз? — спросил рыцарь в золотой маске.

Его голос звучал так же безжизненно и тускло, как и голос второго черного рыцаря. Лорела, обесилевшая за эти несколько дней, не сразу даже уловила суть вопроса. Некоторое время она пыталась сообразить, что от нее хотят, потом, с трудом разжав запекшиеся губы, коротко произнесла:

— Да, это так.

— Да она вот-вот дух испустит, — хохотнул рыцарь в черной маске. — Ты говорил, что это зелье продлевает жизнь, — обратился он к сидящему напротив.

— Угу, — кивнул тот, безучастно глядя в огонь.

— Так дай ей капельку, может, тогда она будет способна говорить, — предложила черная маска.

— Иди сюда. — Броган махнул рукой Лореле.

Та, с трудом приподнявшись, подошла к нему. Рыцарь в золотой маске капнул пару капель темной пахучей жидкости себе на запястье.

— Лизни, — приказал он, и девушка дотронулась кончиком языка до густой жидкости, почти не растекшейся по мертвенно-бледной коже.

В тот же миг, как только язык почувствовал жгучую, в сто раз более сильную, чем перец, остроту, Лорела ощутила небывалый прилив сил. Все ее тело обрело неведомую прежде легкость, усталость и изнеможение последних дней мгновенно улетучились, как струйка дыма. Девушка стояла с открытым ртом, почти задыхаясь от сильного жжения на языке и нёбе, но в то же время ее ум с небывалой быстротой обретал остроту и ясность, все мускулы были готовы повиноваться ей так, как никогда не было в ее жизни.

— Что, горько? — довольно спросил человек в золотой маске. — Смотри, что с ней происходит, Дарвиль, а ты еще спрашивал, зачем мне это!

Лорела быстрым взглядом обвела своих собеседников. Они были похожи на людей — это несомненно, но в то же время было в них что-то странное, ненастоящее: их движения, то, как они

произносили слова,— все делало их похожим на кукол или на существ, как будто находящихся в другом мире и наблюдающих эту жизнь через стекло или щель в занавесе. В первый раз, когда девушка встретила рыцаря в золотой маске, после своей схватки с насильниками, она как-то не придавала значения этому или же просто не заметила, угнетенная и еще не пришедшая в себя после перенесенной боли и унижения. Теперь же она ясно понимала, что это не люди, а скорее призраки.

Прикусив губу и настороженно наблюдая за ними, Лорела лихорадочно пыталась сообразить, как же ей сейчас поступить. Она чувствовала — не знала, а именно чувствовала,— что у нее есть какой-то выход из создавшегося положения.

Оба рыцаря, откинувшись на спинки своих кресел, будто забыли о ней, рассуждая о необходимости или бесполезности того зелья, что дал ей попробовать Бруган. Их спор был довольно вялым и, видимо, уже давно должен был смертельно надоесть обоим, но они перебрасывались словами с какой-то торжественной серьезностью, и было вместе с тем в их разговоре что-то детское и наивное, несмотря на тот ужас, который они навевали на Лорелу своим обликом.

— Ладно, ладно,— хохотал Дарвиль, похлопывая себя по колену,— а что ты скажешь об этой девке? Думаю, ты прав, ее можно оставить у нас.

Лорела стояла в трех шагах от рыцарей, но у нее создалось впечатление, что они как будто забыли о ней. Девушка сделала маленький шагок в сторону, но те не обратили на нее никакого вни-

мания. Еще шаг... Но в этот миг она поняла, что ее догадка была неверной: черная маска повернулась к ней, и пристальный взгляд сквозь прорези словно пригвоздил ее к полу:

— Расскажи нам, как это произошло.

— Они хотели подняться вверх в потоке ветра, но почему-то сорвались...— неуверенно начала Лорела, пытаясь как-то потянуть время.

— Вот видишь! — торжествующе сказал Дарвиль.— Все это сказки про твою Башню...

— Нет, не сказки,— усмехнулся собеседник.— Я точно знаю, что некоторым это удавалось. Но сейчас мы можем не думать о ней, раз эти люди уже мертвы.

«Неужели они с такой легкостью верят всему, что им говорят? — удивилась Лорела и тут же припомнила, как Бруган безоговорочно поверил ей в первый раз.— В самом деле, они призраки и, скорее всего, способны только на какие-то определенные действия, а всем остальным управляет кто-то другой. Такая наивность непростительна в наше время. Но мне, ясное дело, это только на руку».

— Теперь, если они больше не в состоянии мешать нам, мы можем спокойно заняться поисками Мабионского щита,— удовлетворенно произнес Дарвиль.

— Повелитель сказал...

«Повелитель,— мелькнуло в голове Лорелы.— Надо же, я угадала, кто-то управляет этими призраками. Какой-то неведомый хозяин послал их в крепость лундаков вместе с отрядом аквилонцев.

И на нас они напали не по своей воле. Тут какая-то загадка. Неужели Кантенфлас не знал этого?»

— ...осталось еще много крепостей боссонцев, — донеслось до девушки, и она вновь стала прислушиваться к разговору призраков, оставив свои размышления. — Где-то же он должен быть...

«Щит, — догадалась Лорела. — В одном из наших Домов Предков висит Мабионский щит — готова поспорить на что угодно, что эти призраки ищут его! Вот в чем дело! Если бы мы с самого начала знали это! — Она чуть не заплакала от осознания сделанной когда-то ошибки и бессилия вернуть прошлое. — Они были бы живы! Соня! Я больше никогда не увижу ее!» — Рыдания подступили к ее горлу, по телу пробежал озноб.

— Подойди! — внезапно обратился к ней Дарвиль.

Глаза призрака сквозь прорези черной маски уставились на девушку. Ей пришлось сделать несколько шагов в направлении двух рыцарей.

— Теперь я могу снести ей голову? — Дарвиль повернулся к Брогану. — Зачем она нужна нам? — Он, видно, уже забыл о недавнем намерении оставить девушку у них — желание убивать оказалось сильнее.

Не дожидаясь ответа, он схватился за рукоятку меча и начал вытаскивать клинок из ножен. На миг Лореле показалось, словно кусочек солнца вспыхнул в основании рукоятки меча, настолько ярким был его блеск.

— Подожди, — медленно проговорил Броган. — Я же тебе говорил — она может нам пригодится.

— Не понимаю. — Рука Дарвиля продолжала свое движение, но его приятель положил ладонь на эфес меча, препятствуя намерениям рыцаря:

— Не делай этого сейчас.

Они вновь словно забыли о ней и стояли друг напротив друга, сцепившись руками на рукоятке меча и меряя друг друга взглядами сквозь прорези в масках.

— Я повторяю: не время... Пока больше не надо убивать. Надо вернуться к повелителю.

— Не понимаю тебя, Броган. — Упрямец продолжил попытки вытащить меч.

«Сейчас! — мелькнуло в мозгу Лорелы, и она стремительно метнулась к двери. — Только бы никого не было у входа...»

Занятые своей распрей, призраки даже не повернули голову в ее сторону. Лорела, осторожно отворив дверь, высунула голову. Удача! В маленьком чуланчике никого не было. Миновав его, она очутилась на улице. Рассвет еще не наступил, и девушка оказалась почти в кромешной тьме, но через несколько мгновений, когда глаза привыкли к полумраку, увидела неясную тень человека, в плаще, он прохаживал вдоль коновязи, где стояли лошади. Он медленно двинулся в ее сторону и, повернувшись, так же нехотя переставляя ноги, побрел обратно. Лорела, пригибаясь к земле, почти на четвереньках метнулась к лошадям и, проскочив угол дома, замерла, упав за огромный деревянный ящик — кормушку, в которой лежало сено для лошадей. Осторожно выглянув из-за него, она увидела, что размытая тень идет по направ-

лению к ней. Девушка юркнула в свое укрытие и, подождав немного, вновь высунула голову. Ее дыхание было тяжелым от волнения и напряжения, и ей казалось, что оно слышно по всей округе. Однако полусонный охранник уходил от нее вдоль строя лошадей. Лорела трясущимися руками развязала уздечку и тихонько потянула лошадь к себе.

— Тихо, милая,— шептала она, будто животное могло понять ее,— только тихо...

Лошадь нехотя пошла за ней, и девушка, оглянувшись на стражника, который все еще находился спиной к ней, повела лошадь за собой через небольшую полянку, за которой начиналась дорога. Она довольно смутно помнила, как они приехали сюда вечером. Оглянувшись, Лорела почти ничего не увидела, так как в это время небо стало совсем темным и слабый свет луны, едва пробивавшийся сквозь низкие облака, почти не освещал окрестности. Размытыми пятнами выделялись только силуэты построек, но ничего другого разглядеть было невозможно.

«Очень кстати! — Лорела вскочила на лошадь.— Теперь только бы не спохватился стражник... Но это вряд ли, он, по-моему, сейчас напоминает сонную весеннюю муху и мало что соображает».

Она пустила лошадь медленным шагом по еле различимой дороге. Когда через некоторое время выглянула луна, Лорела пустилась во весь опор. Лошадь была неоседлана и даже не прикрыта попоной, но девушка не замедляла скачки, стараясь уйти как можно дальше от пленивших ее призраков...

* * *

— Сколько можно говорить, что повелитель пока не велел никого больше убивать! — Брогану все-таки удалось заставить Дарвиля убрать меч обратно.— Завтра нам все скажут, и тогда мы снова пойдем на боссонцев.

— Ну ладно...— нехотя согласился Дарвиль.— Если повелитель так приказал... Пусть живет... пока! — усмехнулся он, вновь садясь в кресло.

— Подожди...— Броган повернул голову и некоторое время молчал, тупо глядя на пустое помещение.— Где она?

— Ты, наверное, велел своим людям увести ее.

— Нет.— Броган встал и подошел к дверям.— Да тут и нет никого.

— Сбежала? — отозвался Дарвиль.— А ты все свое: не рубить, не рубить! Вот я ее сейчас...— Он вскочил на ноги, но Броган остановил приятеля:

— Может быть, и сбежала, но мы не будем ее искать, потому что немедленно должны отправиться к повелителю. Он ждет нас.

— Как хочешь,— с неожиданным равнодушием согласился Дарвиль.— А все-таки жаль, что ты не дал мне снести ее голову. Великое дело: девкой меньше, девкой больше. А тебе лишь бы спорить... А повелителю мы бы ничего не сказали.— Он вновь уселся в кресло, неподвижным взглядом уставившись в догорающие уголья...

* * *

Лорела скакала весь остаток ночи и часть утра, а потом бросила обессиленную лошадь, которая

едва держалась на ногах. Сама же девушка совершенно не чувствовала ни малейшего признака усталости и дальше продолжила свой путь бегом. Ее движения были легкими и быстрыми, и временами она ловила себя на мысли, что она не нуждалась в лошади, в сущности, она и так бежала, не уступая в скорости хорошему скакуну. Местность ей была знакома, и к вечеру Лорела рассчитывала достичь селения на Охотничьем Холме. Временами, когда лес, по которому бежала девушка, расступался, чтобы дать место широкой поляне или небольшому лугу, она видела за вершинами деревьев одну из скалистых вершин, что близко находились от ее родной крепости.

«Только бы успеть, только бы успеть,— билась в ее голове одна мысль,— ведь в наших родах должны быть и другие маги, кроме Кантенфласа. Не один же он такой во всей Боссонии... Может быть, и другой сумеет воспользоваться Мабионским щитом. Только где этот щит? В каком селении?»

Глава двадцатая

родолжай.— Гимаэль, широко расставив колени, сидел на низкой широкой скамье и угрюмым взглядом сверлил стоявшего перед ним колдуна.— Говоришь, что в твоём распоряжении есть непобедимые рыцари?

— Да,— с достоинством ответил Тиганаса.— Они завтра будут в замке.

— Не верится мне что-то,— протянул Гимаэль, вертя в руках кинжал, который он вытащил из ножен, чтобы полюбоваться гранями блестящего клинка.

Он любил оружие. В его поместье, совсем недалеко от Велитриума, размещалась большая и ценная коллекция самого разнообразного оружия. Генерал привозил его отовсюду, где ему пришлось участвовать в боях или служить военным наместником императора. Мечами, копьями, топорами, палицами, алебардами и кинжалами были увешаны все стены его старинного замка. Гимаэля завораживал блеск клинков, и он целыми днями пе-

ребирал эти великолепные орудия убийства, изготовленные искусными мастерами разных стран. В его коллекции были громадные двуручные мечи, пользоваться которыми могли только очень сильные воины. Такой клинок нуждался в настоящей битве, в чистом поле, где ничто не могло помешать могучему взмаху рыцаря. Были там и короткие, изогнутые наподобие серпа, ятаганы, незаменимые при штурме крепостных стен и замков. Длинные и узкие, напоминавшие своим блеском чешуи водяной змеи, стигийские мечи, при взмахе которых рассекаемый воздух издавал тонкий свист,— они легко перерубали толстый железный гвоздь, после чего на клинке не оставалось ни малейшей зазубринки,— или же подброшенный вверх платок из тончайшего туранского шелка. Гимаэль знал толк в оружии, но то, о чем рассказал ему сейчас колдун... Нет, о таком генерал слышал впервые. Он вновь с недоверием взглянул на колдуна:

— Мабионский меч? Не знаю, не знаю... И что, этот пройдоха Клемансаль поверил тебе?

— Завтра ты сможешь убедиться сам,— почти-тельно склонил голову Тиганаса.— Мы уже разгромили войска одного из боссонских родов всего двумя сотнями воинов.

— Мы? — Гимаэль, оторвавшись наконец от клинка, поднял на колдуна взгляд из-под густых нависающих бровей.— Мы...— повторил он и захохотал хриплым каркающим смехом.

Двое воинов, замершие у дверей, засмеялись вслед за своим командиром, но тот бросил на них колючий взгляд, и смех мгновенно смолк.

Гимаэль в срочном порядке был вызван в Велитриум по повелению императора, дабы занять место командующего северной армией. Прежний военный наместник, заносчивый и грубый Клемансаль, погиб при таинственных обстоятельствах, как раз в тот день, когда ехал к нему, опальному Гимаэлю, в гости. Его карету так и не нашли, а он сам и возница были обнаружены с перерезанными шеями недалеко от берега реки Громовой. Труп одного из стражников, ехавших с ним в повозке, был найден на дороге где-то недалеко от Велитриума. Все это было покрыто мраком тайны, тем более что командир отряда охраны клятвенно заверял, будто командующий якобы велел им вернуться в город и не изменил своих показаний даже после жестоких пыток. Это наводило на мысль, что бедняга на самом деле не врал, но в таком случае все становилось еще более непонятным и запутанным. В тот же день по странному стечению обстоятельств из подвала замка исчезла молодая девушка, то ли боссонка, то ли вообще неизвестно кто, которую Клемансаль зачем-то держал в заточении. Стражник был найден в камере мертвым с переломанными шейными позвонками, а девицы и след простыл. Известно было, что она очень молода, красива, высока, с рыжими волосами. И все. Причем один из офицеров, который мог бы рассказать о ней, сейчас находился с отрядом на границе с боссонцами и за ним только вчера послали гонца.

Непонятного и запутанного было гораздо больше, чем мог переварить мозг Гимаэля, а тут еще

этот колдунишка со своими рассказами — будто бы у него в распоряжении имеются два древних воина, против которых не может устоять целая армия, и что они с отрядом вернутся никак не позже, чем завтра. Все это несколько омрачало радость от того, что император вспомнил о нем, опытном и заслуженном военном, которого выгнал со службы после проваленной немедийской кампании. Гимаэль до сих пор считал себя несправедливо обиженным и совершенно невиновным в разгроме своей армии, и теперь чувствовал немалое удовлетворение от восстановления справедливости. Если бы не эти таинственные обстоятельства...

— Что ж, если не врешь, завтра во всем и разберемся.

«Мабионский меч? Хм-м... кто его знает?»

От размышлений заслуженного военачальника оторвал слуга, доложивший о возвращении гонца.

— Так быстро? — удивился Гимаэль, который не предполагал, что за одну ночь можно добрать-ся до Громовой и успеть вернуться обратно. — Опять чудеса? — пробормотал он и махнул рукой слуге: — Давай его сюда.

С трудом переставляя ноги, в зал вошел солдат в запыленной одежде и с таким усталым и изможденным лицом, что можно было подумать: он провел верхом, не слезая с коня, несколько суток.

— Вот... ответ, — прохрипел он, протягивая генералу запечатанный свиток.

— Какой еще ответ? — рявкнул Гимаэль.

— Командующий Клемансаль... посылал нас к кениде Атлии... — ответил гонец, едва держащийся на ногах. — Где он?

— Где-где... — криво усмехнулся Гимаэль, и по его лицу гонец безошибочно понял, что своего бывшего начальника он больше не увидит никогда. — Давай сюда, — протянул он руку, — теперь я за него.

«Девчонка мне пригодится, если только в этом нет ошибки, — начал читать он про себя. — Привози ее. Согласна на предложенную тобой плату».

— Ничего не понимаю, — развел руками Гимаэль. — Кому, говоришь, он писал?

— Кениде Атлии.

— Кто такая? — нахмурился командующий.

— Она владеет небольшим замком в горах, неподалеку от Офира.

— Офира? Так это же очень далеко отсюда.

— Так точно, — ответил гонец. — Две недели пути.

— Ладно, — махнул рукой генерал. — Иди отдыхай, я разберусь.

Он еще раз перечитал письмо.

«Плату, плату, какую еще плату? Ладно, впрочем, это неважно...»

Он сидел, угрюмо уставившись в пол, и ему все больше переставало нравиться число всевозможных непонятных для него случаев.

«Что-то я не припомню, чтобы этот Клемансаль был большим грамотеем, — подумал Гимаэль, вертя в руках свиток. — Без сомнения, кто-то писал за него. Может быть, как раз этот колдун?»

Он вновь послал за Тиганасой, и тот не стал отрицать, что действительно по поручению Клемансаля писал письмо кениде Атлии. Речь в нем шла о рыжей девчонке, которая, по мнению покойного, могла заинтересовать кениду.

— А что за плата, о которой она говорит?

— Он написал...— наморщил лоб колдун.— Сейчас, сейчас.— Он лихорадочно пытался вспомнить, что именно писал под диктовку Клемансаля.— Вот... Если по-другому не договоримся, то с тебя двести монет.

— А ты эту Атлию знаешь?

— Один раз видел,— ответил Тиганаса.— Роскошная женщина.

— Все ясно,— усмехнулся Гимаэль.— А при чем здесь эта девка?

— Вот уж не знаю,— развел руками колдун.— Об этом генерал не упоминал.

— Кто-нибудь здесь что-нибудь знает?! — окончательно потеряв терпение, заорал на него Гимаэль.

— Мой господин,— испуганно воскликнул Тиганаса,— я припоминаю, что может знать тот офицер, за которым ты послал вчера...

— А... иди! — махнул рукой Гимаэль.— И смотри у меня, если завтра я не увижу твоих хваленых рыцарей...— Он выразительно провел ладонью по шее.— Ступай, ступай... Совсем распустились тут при этом засранце Клемансале!

Глава двадцать первая

Каждый раз они опаздывали совсем немного: либо жители деревни им рассказывали, что отряд, в котором были два всадника в масках на огромных белых лошадях, покинул их селение сегодня утром, либо встретившиеся им охотники говорили, что видели группу верховых где-то совсем недалеко отсюда, но вчера.

— Хватит! — потерял терпение Астамир.— Если мы так и будем все время тащиться по их следам, то в конце концов останемся с носом. Нужно выйти к переправе на Громовой и ждать их там!

— Чего, интересно, ты собираешься ждать? — возразила Соня.— Хочешь напасть, так ведь? Ты, видно, забываешь, что у нас нет ни малейшего шанса справиться с пятью десятками воинов, тем более что среди них эти двое. Мы должны скрытно проникнуть к ним, и тогда, может быть,— неуверенно сказала она,— узнаем, что нам нужно.

— Это ты, конечно, здорово придумала. Только тебе не кажется, что задача эта совершенно не-

выполнима? — поскреб щеку Кантенфлас. — Но Астамир прав: если мы не выйдем на переправу раньше них, все придется начинать сначала. Стало быть, пора выступать. Дорогу мы знаем, свои земли как-никак...

Они двинулись лесом к берегу Громовой, туда, где некоторое время назад аквилонцы учинили расправу с заставой боссонцев и Соня была взята в плен. Лошади выбились из сил, но, когда они подъехали к переправе, Астамир со злостью бросил перчатку оземь:

— Все пропало! Смотрите!

Соня и Кантенфлас горестно вздохнули, они тоже заметили на противоположном берегу цепочку всадников, исчезающую за изгибом холма. Аквилонцы опередили их, и теперь слова голоса в Башне стали бессмысленными, не идти же им в Белитриум, прямо в лапы этих призраков и аквилонских солдат...

— Может быть, мне незаметно пробраться в замок? — предложила Соня. — Я смогу!

— Да уж конечно! — Астамир, несмотря на всю горечь их положения, расхохотался: — Из-за твоих волос тебя узнают в первую же секунду. Да и вообще... Ты, кажется, забыла, что совсем недавно сбежала оттуда.

— Что же делать? — Соня с надеждой смотрела на Кантенфласа, погрузившегося в глубокое раздумье. — Сделай хоть что-нибудь, ты же маг!

— Я, конечно, маг, — угрюмо кивнул Кантенфлас, — только это не означает, что я всесилен. Боюсь, нам придется вернуться в Охотничий Холм.

Во всяком случае сможем подготовиться к нападению... Они явно собираются предпринять еще одну вылазку. У них сейчас, наверное, новый военачальник. Вот с ним и пойдут, — вздохнул он. — Так что давайте поворачивать обратно.

— Придется, — угрюмо согласился Астамир. — Но надо дать отдохнуть коням.

Они разбили лагерь, уйдя чуть поглубже в заросли, чтобы их не было заметно с берега, и утром поспешили к Охотничьему Холму. Дорогой они почти не разговаривали, все тяжело переживали неудачу. К вечеру показались земляные валы и укрепления города.

— Молодец Кемпер, — не удержался Астамир. — Смотрите, они успели починить укрепления!

Действительно, на подсыпанном валу торчали, светясь в заходящих лучах солнца свежеструганной древесиной, заостренные бревна, и даже ворота были видны издалека, выделяясь своей желтизной среди темных стен. На сторожевых башнях их уже заметили и даже узнали, потому что, когда всадники подъехали ближе, ворота стали медленно отворяться. Соня, опустив голову, медленно следовала за своими спутниками, но неожиданно чей-то возглас впереди заставил девушку встрепенуться. В тот же самый момент Астамир, остановив лошадь, схватил ее за рукав:

— Смотри!

Соня всмотрелась и не поверила своим глазам — в группе вышедших им навстречу из ворот людей была Лорела! Девушка помотала головой. Нет сомнений — это она! Веселый взгляд, брошенный

на нее Астамиром, подтвердил, что зрение Соню не подвело.

— Что я говорил! — закричал ей генах. — Нас, боссонцев, так просто не одолеть! Видишь, живая и вроде бы даже здоровая.

— Вижу, вижу. — Соня подхлестнула коня, торопясь встретиться с подругой.

Они обнялись и долго не могли оторваться друг от друга, радуясь тому, что живы после всех бурных событий последнего времени. Потом все собрались в Зале Щитов в Доме Предков, и Лорела рассказала все, что сумела услышать из разговора двух призраков.

— Так ты полагаешь, что Мабионский щит у нас? — уточнил Астамир.

— Поэтому черные всадники и стремились в первую очередь попасть в Дома Предков. Они знали, что где-то у босонцев есть старинный щит. Если он попадет к ним, тогда эти призраки станут непобедимы, и против них не поможет ни сияние твоей брони, ни твоя магия, Кантенфлас! — Соня от волнения даже вскочила на ноги. — Нам не нужно ничего ковать, не нужно искать этот волшебный горн, которого, кстати, как нам сказали, все равно уже нет. Ведь это совершенно меняет дело!

— Кантенфлас, — повернулся к магу Астамир, — ты должен знать, где находится этот щит.

— Должен, — усмехнулся тот в ответ, — но, если признаться, точно не знаю. Собирайтесь! — Он встал со своего места. — Едем в Бакраг. Ты ведь говорил с духом моего предка, старым Кантенном?

— Угу, — кивнул головой генах.

— Вот и я поговорю. Уж он-то должен знать! У нас в запасе есть три, а возможно, и четыре дня. Столько потребуется этим призрачным ублюдкам, чтобы подойти сюда. К этому времени мы должны быть готовы.

— А если щит где-то у лундаков или у фанграсов? Мы можем не успеть... — встревоженно произнесла Соня.

— Может быть, — согласился с ней Астамир. — Кемпер, — повернулся он к вождю харганов, — если мы не придем через три дня, уводи всех в лес, подальше от Громовой. Иначе гибель всему твоему роду. Вы — первые на их пути...

* * *

Путь от харганских земель до Бакрага был недальним, и к вечеру следующего дня они уже были в главном селении генахов. Кантенфлас сразу же отправился в Дом Предков, приготовить свои магические предметы, чтобы вызвать дух Кантена. Астамир коротко рассказал встретившему их Дагоберту о том, что произошло, и направился к своей хижине.

— Пойдем со мной, — кивнул он Соне. — Сможешь переночевать у меня в комнате для гостей.

Выбежавшая им навстречу женщина бросилась на шею Астамиму.

— Ты жив! Какое счастье! Я так ждала тебя! — радостно восклицала она, обнимая Астамира. — А это кто? — вдруг подозрительно спросила, увидев стоявшую чуть поодаль Соню.

— Ее прислал наставник Кантенфласа, чтобы помочь нам,— коротко ответил Астамир.— Проводи ее в комнату гостей, Эльбена.

Женщина, недружелюбно посмотрев на неожиданную гостью, молча провела ее в небольшое строение, стоявшее в углу обширного двора. Соня бросила на нее короткий взгляд. Эльбена была почти такого же роста, как и она сама, гибкая и стройная, с коротко постриженными черными волосами, на руках красовались браслеты: бронзовый на одной и сплетенный из тростника — на другой.

«Этими браслетами она обручена с Астамиром,— подумала Соня.— Но теперь это уже не имеет особого значения,— усмехнулась она про себя.— Что-то было между нами, но ушло, и я теперь точно знаю, что мне не нужен ни один мужчина. Все они одинаковы!»

Больше всего девушку порадовало то, что в маленьком помещении рядом со спальней стояла огромная бочка, наполненная подогретой водой. После стольких дней походной жизни, когда она не могла даже смыть дорожную пыль, эта бочка показалась ей осуществлением самой большой мечты ее жизни.

«Все складывается хорошо для этих боссонцев,— погружившись в воду, приятно расслабившую все ее мускулы, размышляла Соня,— но как же быть со снадобьем для Гуинхея? Учитель ведь послал меня за ним, а не за тем, чтобы помогать им избавиться от опасностей...»

Вымывшись, она легла на меховую подстилку и набросила на себя покрывало. Впервые за мно-

го дней в ее распоряжении была настоящая постель, и хотя Соня отнюдь не была избалованной неженкой, но даже такая мелочь привела ее в самое приятное расположение духа. Однако, даже засыпая, она не переставала думать о лекарстве для своего наставника.

* * *

— Это и есть твоя рысь? — Эльбена, присев на край их ложа, настороженно смотрела на Астамира. Ее губы сжались в предчувствии неприятной правды, глаза потемнели.— Скажи правду, это она?

— Нет! — ответил Астамир, подходя к ней.— Твои опасения совершенно напрасны — она, конечно, красивая девушка, но похоже, мужчины не вызывают у нее никакого интереса.

— Ты заговариваешь мне зубы,— отодвинулась от него Эльбена.— Скажи мне правду! Или убей меня, если ты любишь ее, и я больше не нужна тебе!

— Клянусь прахом наших предков,— успокоил ее муж.— Это не она, клянусь тебе! — повторил он еще раз.— Как бы там ни было, мы обручены с тобой. К тому же я уже сказал: мне показалось, что ее больше влечет к женщинам,— усмехнулся Астамир.

— Не обманываешь? — прошептала женщина, встав с ложа и припадая головой к его груди.

— Мне так показалось...

Он взял руками ее голову и провел ладонями по волосам и щекам Эльбены. Она прикрыла глаза и, повернув голову, дотронулась языком до ла-

доней мужа. Его руки скользнули по ее шее к плечам, пальцы расстегнули одну за другой пряжки. Одевание задержалось на груди, и Эльбена встряхнула плечами, позволив ему соскользнуть к талии. Астамир расстегнул ремень и отбросил его. Затем провел руками по бедрам женщины, и платье мягко опустилось на пол у ее ног. Глаза Эльбены были устремлены на мужа и словно пронизывали его насквозь.

Астамир подхватил ее на руки и бережно уложил на мех.

— Подожди,— прошептала женщина и, наклонившись над ним, распахнула полы его длинного кафтана.

Ее грудь была около его лица, и Астамир хотел было ухватить губами ее сосок, но она быстро спрятала голову в его ладонях:

— Здесь сила,— сказала Эльбена.

Ее язык заскользил от края его волос, вниз к шее и груди, к животу, эти горячие прикосновения заставили дыхание мужчины стать тяжелым и прерывистым. Она поднялась на колени и обняла его бедра. В неярком желтоватом свете маленькой медной лампы ее тело казалось изваянным из мрамора рукой искусного мастера. Эльбена положила голову на его живот и замерла так. Астамир обхватил голову женщины обеими руками и нежно гладил ее короткие волосы, чувствуя пальцами их шелковистую мягкость. Он приподнялся и легко подхватил ее. Потом положил на спину, и она, обняв его за шею, приникла к губам мужа долгим и страстным поцелуем...

* * *

— Куда ты? — Астамир перевернулся в полусне, почувствовав, что Эльбена приподнимается с ложа.

— Спи,— тихо сказала она,— я хочу выйти подышать воздухом.

— Смотри не простудись.— Он подложил руку под голову, его язык почти не повиновался ему,— Ночи сейчас холодные...

Женщина накинула плащ и, убедившись, что муж снова заснул, тихонько скользнула во двор.

* * *

Соне вновь снился тот же самый сон: большая птица несет ее над пробегающими внизу перелесками и нитями рек к далеким скалам на горизонте, скалам. Состояние парения было удивительно приятным и успокаивающим, но вдруг девушка почувствовала, что когти птицы разжались, и она, кружась в воздухе, падает стремительно вниз, и земля приближается к ней со страшной скоростью. Перелески уже не кажутся шелковистыми стеблями на зеленой поверхности, и вершины деревьев угрожающе протянулись к ней и торчат, словно копья, готовые проткнуть ее тело, вдруг ставшее таким тяжелым. Еще один миг, и она неминуемо разобьется о твердую почву, расплющится, как улитка, брошенная на камень. Соня закричала в ужасе, но вдруг почувствовала, как снизу потянуло ветром, который становился все сильнее и сильнее, и вот уже струи воздуха стали такими плотными и густыми, что держат ее в своих объ-

тиях и мягко опускают на поляну рядом с большим гранитным монолитом, изборозженным глубокими трещинами, в которых на зеленой подушке лишайников покачиваются на тонких стеблях головки мелких цветов с черно-желтыми лепестками. Их так много, что они расцвечивают серовато-красную поверхность, словно нарисованные полосы, и в сочетании этих полос она вдруг начинает различать голову большой кошки с изумрудно-зелеными глазами и торчащими вверх небольшими ушами. Рысь! Ее черты все явственней и резче проступают сквозь поверхность камня, и Соня не может оторвать взгляд от немигающих глаз! Откуда-то вновь возникает голос, но не такой безжизненный и размеренный, как в Хрустальной Башне, а горячий, сбивчивый и как будто взволнованный:

— Ищи, ты обязательно найдешь это. У Брогана! Запомни — Броган!

Морда рыси как будто подернулась рябью, раздулись мохнатые щеки, и кошачье шипение заглушило таинственный голос...

Соня проснулась от легкого шороха и сразу же почувствовала, что в комнате находится кто-то чужой. Она на мгновение затаила дыхание, окончательно просыпаясь, и успела мгновенно перевернуться, прежде чем человек, не видимый в темноте, бросился на нее. Тяжелое тело упало совсем рядом, и девушка даже почувствовала над своим плечом чье-то дыхание, но она уже успела схватить лежащие рядом с постелью ножны и плашмя ударила по тому месту, где только что была ее

собственная голова. Раздался тихий вскрик, и все смолкло. Соня, вскочив, подбежала к стене и рукой нащупала нишу, где была лампа. Она высекла огонь, и неровный свет разгорающегося фитиля осветил ее постель и лежащую на ней ничком женщину с неловко вывернутой рукой, которая все еще продолжала сжимать длинный кофский кинжал.

— Боги! — вскрикнула Соня, ей показалось, что она узнала жену Астамира Эльбену. — Только этого мне и не хватало!

Она наклонилась над женщиной и перевернула ее на спину. Точно! Жена Астамира... Эльбена издала тихий стон, и голова ее бессильно опрокинулась в сторону.

— Неужели убила? — Соня, наклонившись над женщиной, разорвала на ней тунику и приникла ухом к груди. Ее опасения оказались излишними: сердце женщины билось.

Девушка облегченно вздохнула, осторожно расцепив пальцы Эльбены, она вынула из них кинжал и отбросила его подальше в сторону, после чего взяла чашу с водой и брызнула женщине в лицо. Та снова застонала и пошевелила рукой. Соня подобрала с пола лежащий там плащ и закуталась в него. Присев на ложе, она ждала, когда жена Астамира очнется. Прошло некоторое время, и Соня, потеряв терпение, плеснула еще раз в ее лицо водой. Эльбена хлопнула веками и внезапно села, глядя на девушку ничего не понимающими глазами. Она тоже была очень молодой, чуть постарше самой Сони, и ее тело тоже было краси-

вым и стройным, правда чуть более полным, зато в ней не было той силы, которая чувствовалась в сидевшей напротив рыжеволосой девушке.

— Очухалась? — сурово спросила ее Соня. — Знаешь, что я могла бы сейчас с тобой сделать, и, между прочим, была бы абсолютно права!

Эльбена наконец окончательно пришла в себя, и пунцовая краска стыда залила ее лицо. Она покраснела так, что даже в слабом свете лампы было видно, как пылают ее щеки и даже шея и плечи. Посмотрев на себя, Эльбена сообразила, что разорванная туника совсем не прикрывает ее тела, и зарделась еще пуще, будто бы сидела голой не перед девушкой, а по крайней мере посреди толпы на главной площади селения. Видимо, мысль, что ее соперница видит ее такой, заставила Эльбену вновь почувствовать жгучий стыд, смешанный с яростной досадой на себя, на Астамира и вообще на весь мир.

— Жаль, что мне не удалось убить тебя... Ненавижу! — бросила она Соне, сжимая кулаки.

— За что же это? — усмехнулась Соня. — В чем я перед тобой провинилась?

Она поправила свой пятнистый плащ, так напоминавший рысью шкуру.

— А в том, — горячо продолжала Эльбена, — что Астамир просто бредит тобой...

— Мной? — перебила ее Соня. — Ты так в этом уверена?

— Его мысли постоянно заняты какой-то рысью, которая должна прийти за ним, иногда даже во сне он говорит о ней...

— О рыси? — переспросила девушка. — Но я-то — вовсе не рысь. Меня зовут Соня, и я приехала сюда из Турана. При чем тут какая-то рысь?

— А твой плащ? — протянула руку женщина.

— Этот? Хочешь, я тебе его подарю, и тогда ты сама будешь этой рысью. Тоже мне вопрос! И если кто-то имеет глупость бредить разными там рысями, это вовсе не доказательство, что он должен вызывать у меня хоть какой-то интерес!

— В самом деле? — На глаза Эльбены помимо ее воли навернулись слезы. — Я просто обезумела... Ты простишь меня, Соня?

— Только ради Астамира, — жестко ответила девушка, небрежным движением скидывая плащ. — А это можешь взять, тряпка теперь твоя!

Теперь она тоже сидела перед женщиной совершенно обнаженной, но, в отличие от нее, не чувствовала хотя бы малейшей неловкости.

— Ах, вот как?! — брови Эльбены снова сошлись в одну линию. — Значит, ради него? — Было видно, что в женщине вновь начинает закипать злость.

— Ты не так меня поняла... — махнула рукой Соня. — Он мне совсем не нужен, как, впрочем, и любой другой.

— Не нужен? — усмехнулась теперь Эльбена. — Тогда Астамир прав... — начала было она, но осеклась, понимая, что, пожалуй, сейчас была готова сказать лишнее.

— В чем это он прав? — насторожилась девушка. — Говори! — потребовала она, видя нерешительность своей собеседницы.

— Он сказал...

— Ну же!

— Он сказал, что тебя больше интересуют...— Жена Астамира никак не решалась продолжать.

— Говори! — Соня поднялась и, сделав два шага к Эльбене, отвесила ей оплеуху, не сильную, но вполне чувствительную.— Пожалуй, я сейчас вспомню, как ты хотела со мной поступить...

— Он сказал, что тебя интересуют женщины! — почти крикнула Эльбена, испуганная резкими действиями этой стремительной, как змея, девушки.

— Астамир так сказал? — Соня едва не расхохоталась.— Меня не интересует никто — ни женщины, ни мужчины. В этом только грязь и похоть. Какое удовольствие уподобляться зверям...— добавила она.

— Ты не права,— настороженно ожидая очередного шквала чувств своей собеседницы, проговорила Эльбена.— Это оттого, что ты, наверное, никогда не была с мужчиной... Я угадала?

— Да,— подтвердила девушка,— не была и не буду. Мне это совершенно не нужно. Насмотрелась я в своей жизни на этих самцов... Всем им нужно одно и то же. Как свиньи...

— Бывает и так,— снисходительно согласилась с ней Эльбена, вдруг почувствовавшая определенное превосходство перед Соней.— Но, знаешь ли, часто бывает и совсем по-другому, и ты многое теряешь, если незнакома с этим. Тебе сколько лет?

— Семнадцать,— резко ответила Соня.— Будет...— поправила она и спросила в свою очередь: — Не понимаю, какая разница?

— А мне двадцать,— усмехнулась женщина.— Когда тебе будет столько, сколько мне, ты, если повезет, конечно, узнаешь эту разницу...

* * *

Астамир, проснувшись и не обнаружив рядом с собой жены, вышел во двор и, не найдя ее там, предпринял дальнейшие поиски. Услышав женские голоса в комнате гостей, он растворил дверь и остолбенел: две женщины мирно беседовали между собой, сидя на меховом ложе, причем на плечи Эльбены был накинут Сонин роскошный плащ, и она что-то втолковывала внимательно слушавшей ее совершенно обнаженной девушке. Заметив Астамира, Эльбена улыбнулась и тоже сбросила одежду.

— Что это вы? — только спросил он.

— Уйди! — не поворачиваясь к нему, раздраженно махнула рукой Соня.— Мешаешь только...

* * *

— Кто бы мог подумать? — Астамир, наверное, в десятый раз рассказывал историю о том, как нашелся волшебный Мабионский щит.— Понимаешь, он был прибит к двери конюшни!

На этот раз ему внимал впечатлительный Кемпер — вождь генахов даже не предполагал, какая дрожь пронизывает его слушателя от одного осознания, что из драгоценного и спасительного для всех них доспеха, какой-нибудь ни о чем не подзревающий остопоп мог нарезать заготовок для пряжек или конской сбруи.

— Прибит? — дрожа от возбуждения, переспросил харган. — Действительно, невероятно! Но вы уверены, что это тот самый?

— Кантенфлас говорил со своими предками. И посмотри сам! — Астамир развязал кожаный мешок и вытащил продолговатый округлый щит.

Очищенный от многовековой грязи, он сверкал небольшими гранями по краям, а золотисто-красные знаки, разбросанные по полю, светились сами.

— Да! — Кемпер потряс головой, и его вновь бросило в жар. — Мабионский щит! Вот что делает с нами время... Но как он оказался в Бакраге?

— Кто его знает? — усмехнулся Астамир. — Он сделан в те времена, когда никаких боссонцев еще и не было. Хорошо еще, что он оказался у нас, а не у лундаков.

— Да-а-а! — протянул Кемпер, и это было все, что вождь харганов был в состоянии сейчас произнести.

Он махнул рукой и направился к своим войнам, уже готовым выступить из ворот Охотничьего Холма. В войске царило оживление, воины перебрасывались шутками и весело подначивали друг друга. Еще бы! Находка волшебного щита, весть о которой мгновенно разлетелась по всему городу, вселяла в них надежду на победу.

Соня, однако, пребывала в задумчивости. Но не битва с аквилонцами была тому причиной, а ночной разговор с Эльбеной. Девушке было трудно понять, а тем более принять все то, что рассказывала ей женщина, но ее слова сильно отличались от тех разговоров, которые вели ее подруги,

когда Соня жила в столице у Джергеца. Лорела оторвала ее от размышлений, подскакав на тонконогом вороном жеребце. Ее глаза светились торжеством.

— Сейчас мы покажем этим ублюдкам! — крикнула она, размахивая мечом и поглядывая на Соню влюбленными глазами.

— Время покажет, — охладила ее пыл девушка. — Будь осторожна, подруга. Это не игра, как ты понимаешь.

Лорела, во вздохе которой слышалось легкое разочарование, направила своего коня в сторону.

* * *

— Сейчас ты увидишь его в деле, мой повелитель! — Тиганаса, ехавший рядом с Гимаэлем, был крайне доволен собой.

Вчера он показал на дюжине боссонских пленников, на что способен Дарвиль со своим Мабионским мечом. Гимаэль не смог сдержать изумления, когда черный рыцарь одним взмахом обезглавил шестерых стоявших перед ним человек, а потом, махнув в обратную сторону, так же ловко снес еще несколько голов. Немало повидавший на своем веку Гимаэль только присвистнул и тут же велел казначею выдать Тиганасе увесистый мешочек с монетами, пообещав осыпать золотом после окончания похода на этих болотных дикарей. Он не стал вести в поход на тот берег Громовой реки всю свою армию, решив, что достаточно будет и пяти сотен солдат, да и то больше из-за того, что не пристало ему командовать сотней.

— В тот раз нам не удалось очистить всю крепость на Охотничьем Холме,— продолжал разглагольствовать Тиганаса,— но теперь мы покончим с ними в два счета.

Трескотня колдуна успела порядком надоесть Гимаэлю, но без этих рыцарей, подвластных Тиганасе, ему не совсем ясно представлялось, как он покончит с боссонцами, поэтому приходилось терпеть его самодовольную болтовню. Да и следовало пока держать Тиганасу поближе к себе. Кто знает, что у того на уме? А если вздумает переметнуться к врагу со своими призраками? Гимаэль даже бросило в жар от такой мысли, и он, с трудом проглотив слюну, внезапно заполнившую рот, благосклонно кивнул колдуну, не особенно, впрочем, вслушиваясь в то, что тот говорит.

«Как покончим с этими ублюдками,— думал Гимаэль,— сразу же отрублю ему голову. Неожиданно. В знак благодарности, можно сказать,— хихикнул он про себя.— А вдруг он читает мои мысли? — внезапно ожгла его опасливая мысль, и озноб страха прошиб вояку от макушки до пяток, он опасливо покосился на колдуна.— Нет вроде бы, не заметно...»

— Они вышли нам навстречу! — К ним подскакал один из офицеров.

— Как? — Гимаэль приподнялся на стременах и посмотрел в ту сторону, куда указывал офицер.— Спят или, что ли? Скажи, чтобы развернули всех в линию! А ты,— он повернулся к Тиганасе,— давай сюда своих призраков! Сейчас мы им покажем, кто здесь хозяин!

Заревели трубы, и колонна всадников в черной аквилонской форме утратила свой четкий порядок, но через некоторое время вновь восстановила его, и теперь уже двойная цепь воинов разворачивалась по полю подковой, охватывая фланги двигавшейся им навстречу боссонской конницы.

Гимаэль, находясь в центре войск, удовлетворенно поглядывал на солдат, любясь выучкой своих войск.

«Все-таки аквилонская армия непобедима,— с гордостью подумал он.— А теперь и подавно».

— Они готовы к бою! — Тиганаса остановил коня рядом с командующим, заставив расступиться свиту.

Гимаэль повернулся на его голос и увидел, что два рыцаря в золотой и черной масках прямо и неподвижно сидят в седлах огромных белых коней. Ему на миг стало как-то неуютно и зябко от одного только вида призраков, а подкравшуюся было опять мысль о возможном переходе их на вражескую сторону он отогнал с таким трудом, что на его лбу даже выступили капли пота.

— Хорошо! — хрипло сказал Гимаэль, но овладел собой и крикнул уже более звонко: — Вперед!

Сразу вырвавшись на пару корпусов вперед, он чуть осадил своего коня и дальше сосредоточенно и хмуро скакал в окружении двоих офицеров. Чуть правее с тяжелым топотом неслись белые кони черных рыцарей и Тиганаса, а слева от него развевалось королевское знамя с двумя покрашенными в красный цвет конскими хвостами.

тами на древке — знак того, что сам командующий вместе с войском идет в бой.

Это не осталось незамеченным на противоположной стороне широкого и ровного поля, которое Астамир и Кемпер выбрали для битвы с аквилонцами.

— Смотри! Сам командующий! — крикнул Кантенфлас, указывая мечом в сторону облака пыли, сопровождавшего устремившуюся к ним лавину всадников.

— Вижу! — кивнул генах. — У аквилонцев всего несколько сотен воинов! Достаточно опрометчиво с их стороны, — зло усмехнулся он.

— Рассчитывают на Мабионский меч, — заметила Соня, выдергивая из ножен клинок. — Ну что ж, черные суки, на этот раз вам пощады не будет!

Она пришпорила коня и вырвалась вперед из цепи боссонских всадников.

Астамир и Кемпер, в свою очередь выхватив мечи, поднялись на стремянах и помчались следом за девушкой.

— Вперед! — Генах обернулся, отдавая команду воинам. — Окружай их с флангов.

Две подковы сходились вместе, но цепь боссонцев была гораздо длиннее, и если бы не Мабионский меч, на силу которого так рассчитывал Гимаэль, затею аквилонцев можно было бы назвать безумной: по численности они почти в три раза уступали соперникам.

— Вот они. — Астамир вырвался вперед и, обернувшись к Соне, указал рукой на группу всадни-

ков в центре войск противника. — Только не суйся передо мной! Ради всех богов! Сначала вступаю я!

Он перекинул на левую руку щит, который до этого был за спиной, и пришпорил коня. Два всадника на белых лошадях высились уже в ста шагах от него, так что можно было различить их маски: черную и золотую.

— Черный — мой! — оскалив зубы, крикнул Астамир и поднял свой меч.

Он распахнул плащ, и блестящая чешуя его кольчуги засверкала, словно серебряный водопад. В ответ со стороны аквилонских войск раздался громopodobный, леденящий душу хохот, и, словно осколок солнца, невероятной яркостью блеснул волшебный меч.

Всадник в черной маске с ревом бросился на Астамира, который с почти нечеловеческим проворством успел закрыться щитом. Раздался звон, уступавший по силе грохоту после удара молнии. Огненные искры полетели во все стороны, шипя в воздухе. Дарвиль, развернув своего коня, вновь бросился на генаха и ударил еще раз. Тщетно! Щит с легкостью отразил удар меча, и грозное оружие потеряло часть своей длины.

Соня, бросившая своего коня прямо на то место, где аквилонские знаменосцы и трубачи и свита командующего стали кругом, заслоняя Гимаэля, краем глаза увидела чье-то растерянное худое продолговатое лицо.

«Колдун! — вспомнила она. — Наверняка понял, гад ползучий, в чем дело!»

Она бросилась на него с поднятым мечом, но откуда-то сбоку вырос Кантенфлас с искаженным от гнева лицом.

— Колдун! — крикнул он Соне на скаку. — Один я могу с ним сладить! Оставь его мне, для тебя здесь еще найдется достаточно работы!

Еще один удар грома заставил содрогнуться всех. И тут же рев сотен людских глоток пронесся над полем битвы: торжествующий и победный крик боссонцев и вопль отчаяния и горечи со стороны аквилонской цепи. Меч черного рыцаря укоротился настолько, что стал длиной не больше кинжала.

— Все пропало, Дарвиль! — услышала Соня горестный крик. — Они нашли его!

Прямо на нее мчался всадник в золотой маске. Оскаленный рот мертвеца был сведен судорогой горькой усмешки, предчувствием окончательной гибели, а может быть, еще чего-то более худшего и неведомого.

Девушка рванула коня и сшиблась с рыцарем в отчаянной схватке. Призрак оказался хорошим воином, даже не имея в руках такого меча, каким обладал Дарвиль. Его клинок обрушился на Соню, но она, отбив удар и уведя своего коня в сторону, сама напала на всадника, не успевшего развернуть огромную лошадь. В быстроте с Соней могла поспорить лишь змея, и молниеносный удар клинка располосовал сверху донизу руку противника. Однако из страшной раны не пролилось ни капли крови, а рыцарь, оскалив под золотой маской страшные острые зубы, поднял своего коня на дыбы, намереваясь нанести удар сверху.

Огромные копыта нависли над ней, как скала, и девушка, поняв в одно мгновение, что сейчас это гигантское животное просто-напросто раздавит ее, успела соскользнуть с седла и в тот момент, когда раздался страшный хруст ломаемого лошадиного хребта, успела рубануть по ноге белой лошади. Конь дернулся под всадником, и клинок Брогана просвистел на расстоянии двух пальцев от ее плеча. Белый конь, опустившись обрубком ноги на землю, припал вниз, и черный рыцарь полетел вперед через его голову. Сонин клинок взвился вверх. Голова в золотой маске покатилась по полю, а тело рухнуло прямо под ноги девушки, еще дергаясь в конвульсиях, но уже не представляя никакой опасности.

Соня смахнула со лба капли пота и огляделась по сторонам.

Боссонцы теснили аквилонскую конницу, и момент, когда та, не выдержав превосходящих сил, обратится в бегство или позволит изрубить себя на куски, был только вопросом времени. Как раз в этот момент заканчивался самый главный поединок: Астамир двумя ударами покончил с совершенно беспомощным всадником в черной маске, вооруженным жалким обрубком волшебного меча. Генах поднял вверх Мабионский щит, и по полю разнесся громогласный победный клич. В нескольких шагах от девушки Кантенфлас и Тиганаса, со звоном скрестившие свои мечи, пытались превзойти друг друга в искусстве магии, их окутывало голубое прозрачное пламя. Чуть подальше человек в форме военачальника теснил Кемпера, ко-

торый был ранен в грудь чьим-то дротиком и отбивался из последних сил.

«Коня! — Соня оглянулась по сторонам и вдруг вспомнила о Лореле. — А где она?»

Несколько коней, потерявших своих всадников, носились по полю недалеко от нее, и в одном из них Соня узнала вороного жеребца своей подруги.

«Неужели?» — Мысль о гибели Лорелы обожгла девушку, но времени для раздумий не оставалось, следовало как можно скорее помочь Кемперу.

Соне удалось схватить за уздечку одного из обезумевших от схватки коней и впрыгнуть в седло. Она сжала изо всей силы бока животного и жестко рванула поводья. Конь заржал и взвился на дыбы, но, почувствовав умелую и твердую руку всадника, повиновался, и девушка направила его к месту схватки Кемпера и командующего аквилонцами. Она пролетела мимо Тиганасы и Кантенфласа и на ходу метнула нож в аквилонского колдуна. Лезвие попало ему в плечо, не причинив, однако, особого вреда, но на мгновение он потерял равновесие, и Кантенфлас вонзил свой меч в живот противника.

— Маги тоже люди! — успела крикнуть на скаку Соня, не оборачиваясь к Кантенфласу.

Кемпер тем временем пытался выбраться из-под рухнувшей лошади, одновременно отбиваясь от ударов меча Гимаэля.

— Кемпер, держись! Я здесь! — крикнула Соня, налетая на командующего сбоку. — Аквилонская собака, получай!

Гимаэль, ловко повернувшись, попытался отразить ее удар, но девушка была быстрее: ее кли-

нок разрубил его от плеча наискось до середины спины, и Гимаэль, или, вернее, что от него осталось, рухнул, заливая круп своего коня потоками крови.

— Второй! — Соня вытащила кинжал и сделала надрез на кожаных ножнах своего меча.

— Что значит «второй»? — услышав ее слова, спросил оказавшийся рядом в этот момент Астамир.

— Командующий второй. — Впервые за целый день некое подобие улыбки появилось на губах девушки.

— Если ты так начала, то у аквилонцев скоро не хватит военачальников! — захохотал Астамир.

— Ну, желающих на это место всегда достаточно, — усмехнулась Соня, наблюдая, как боссонцы гонят остатки аквилонского войска по полю, добывая врага, — так что без дела я не останусь. У меня к ним, знаешь ли, большой счет.

— Мы победили. — Кемпер, опираясь на меч, подошел к ним, его доспехи были залиты своей и вражеской кровью, но в глазах воина сверкали триумф и торжество.

— Да, пока это так, — согласился с ним генах. — Но никто не знает, что ждет нас впереди. — Он махнул рукой и отъехал в сторону, и тут же его громкий голос повис над полем, отдавая команды: надо было позаботиться о раненых, собрать трофеи, подсчитать свои потери.

— Но Лорела! — Теперь, когда слынула горячка боя, Соня снова вспомнила о подруге. — Мы ее все же не уберегли...

— Не беспокойся,— услышала она голос Кантенфласа,— она ранена, но не тяжело, как и в прошлый раз. Спасибо за помощь, Соня! Этот колдун оказался крепким бойцом, и если бы не ты...

— Я же говорила тебе, что маги тоже люди,— повторила Соня сказанную на скаку фразу,— хоть некоторые из них и способны управлять призраками... О боги!

Она вскочила на коня и, хлестнув его плетью, погнала куда-то в сторону.

— Что это с ней? — недоуменно спросил Кемпер.

— Не знаю.— Кантенфлас проводил глазами удаляющуюся всадницу.— Спрыгнула с коня, что-то ищет...

Соня спохватилась, что, спеша помочь своим товарищам, не обыскала тело Брогана. Вот оно, длинное худое тело в черных доспехах... Девушка усмехнулась, поискав глазами голову, но не увидела ее поблизости. Она торопливо обшарила карманы, манжеты рукавов, заметила небольшой мешочек, висевший на поясе... Есть! Соня с торжествующим воплем достала темный флакон, наполненный густой жидкостью. Ее охватила невероятная радость. Теперь не стыдно поглядеть в глаза учителю!

«Если он еще жив,— внезапная остро кольнула ее тревожная мысль.— Ведь прошло столько времени! Хотя, может быть, и нет,— успокоилась она, на мгновение задумавшись и считая проведенные в этих краях дни.— Я не опоздала. Это событий тьма, а времени прошло не так уж и много. Однако поторопиться, пожалуй, следует».

Эпилог

В тылое осеннее утро с моросящим нескончаемым дождем не особенно располагало к путешествию, но в этих местах хорошей погоды можно было прождать, причем совершенно безуспешно, хоть целую луну. Друзья вышли проводить Соню за стены Охотничьего Холма.

Кемпер крепко стиснул на прощание ее руку и пожелал девушке удачной дороги.

— Спасибо,— засмеялась Соня.— Это ни для кого не будет лишним. А тебе я желаю крепости твоих стен, вождь!

Кантенфлас, все еще пребывавший в радостном возбуждении после вчерашней победы, сказал:

— Передай мой привет наставнику... только не говори, что у меня были такие серьезные промахи, а то он расстроится, что зря тратил время на мое обучение!

— Ты зря так переживаешь,— возразила Соня.— Твои магические способности ослабли толь-

ко на время, а теперь ты снова вернул свою мощь. Зато твое умение владеть оружием,— похлопала она его по плечу,— не заставило бы покраснеть нашего учителя!

Лорела с рукой на перевязи неловко прижалась к ее плечу, и Соня увидела, как глаза подруги увлажнились.

— Не грусти, милая! Ты смелая и нежная девушка, и я уверена, что у тебя все будет хорошо. Нам с тобой не так уж много лет, и настоящая дорога у нас еще впереди, как часто говорил мой наставник. Мы сделали большое дело, и боги не оставили нас, чего же еще желать?

— Мне хотелось бы быть такой же, как ты! — вырвалось у Лорелы, глядящей на Соню восторженными глазами.

— А вот этого, наверное, и не надо. Будь такой, какая есть,— обняла ее девушка.

— Только не останавливайся ни в Велитриуме, ни в Танасуле,— предусмотрительно наставлял ее Астамир.— Я был бы счастлив, если бы мог поехать с тобой, Соня, но...

— Не учи ученого,— усмехнулась девушка.— Кто будет интересоваться скромным юношей в сером плаще. Да, собственно, мне и не впервой!

Ее действительно можно было принять за молодого человека в просторном шерстяном плаще с глубоким капюшоном, который подарила ей Эльбена.

Меч Соня прикрепила на перевязи за спиной, чтобы не слишком бросался в глаза, а кинжал, как всегда, был у нее под рукой.

— Мы с тобой оба приняли друг друга не за тех,— понизив голос, чтобы не слышали другие, добавила девушка.— Не всем пророчествам можно верить, особенно если они исходят от родителей. Они часто принимают желаемое для своих детей за действительное... Оставь бесплодные думы о рыси и живи спокойно. Эльбена любит тебя, и уже завтра ты вернешься к ней. Боги сами подскажут, как поступить, когда им это представится нужным, а я...— Она запнулась на мгновение.— У меня другой путь!

— Но я всегда буду помнить, как мы встретились с тобой,— с грустью в голосе ответил Астамир.

— У ледяной реки? — засмеялась Соня.— Если ты это имеешь в виду, то я совсем не против! Вспоминай!

Она вскочила в седло и взмахнула рукой в прощальном жесте.

— Оставайтесь с миром, и да не покинет вас всех удача!

Девушка тронула поводья коня и, не оглядываясь, спустилась с холма. Провожаемая взглядами друзей, Соня через некоторое время исчезла в густых зарослях ближайшего леса.

* * *

— Да, древние свитки не обманули меня.— Гунинхей выглядел совсем не похожим на человека, который пару лун назад собрался отправляться в иной мир.— Понюхай.— Он протянул Соне принесенный ею флакон.

Девушка послушно поднесла к лицу склянку и втянула носом воздух. Запах был густым и тяжелым, в его многообразной пряности чувствительное обоняние было способно уловить десятки, а может быть, и сотни оттенков: ароматы весны, осени и лета смешались в сложной и непонятной гамме, и даже свежесть морозного зимнего утра пробивалась сквозь терпкость солнечного полдня.

— Запомнила? — усмехнулся старик.

Соня неуверенно кивнула:

— Да...

— А теперь вот этот.— Гуинхей взял с поверхности старинного столика пузатый граненый пузырек.

Тот же плотный и слегка удушливый аромат или почти тот же, как могла определить Соня. Она в недоумении взглянула на старика.

— Ты сделал это, пока меня не было здесь?

— Нет,— усмехнулся Гуинхей.— Это было сделано еще моим прадедом. Он вычитал в древнем свитке об этом снадобье, которое называли Духом Полей...

— Дух Полей? — воскликнула Соня.— Но так звали того...

— Я знаю,— кивнул старик.— Так получилось когда-то, что прозвище человеку дали по сделанному им снадобью... Ты убила его.— Гуинхей не спросил, а просто отметил этот факт и, глядя на изумленное лицо девушки, ответил на ее невысказанный вопрос: — Мало ли слухов бродит по миру, некоторые и сюда долетают. Вот и об этом мы узнали...

— Но тогда зачем...

— Зачем я тебя посылал за лекарством, если оно у меня уже было? — Гуинхей посмотрел на нее долгим лукавым взглядом.— Ты об этом хочешь спросить?

— Да, учитель,— твердо ответила Соня, в которой помимо ее воли поднималась обида.

— Как можно проверить человека, способен ли он быть причисленным к избранным богами? — развел руками старик.— Они повелели так, и я выполнил их волю. Ты выдержала первое испытание, и, положив руку на сердце, разве ты не узнала многого для себя, того, о чем даже и не подозревала раньше?

— Да...— протянула Соня, не в силах прийти в себя от изумления и внезапно нахлынувшего на нее состояния чего-то, похожего на счастье.— Но... ты ведь мог просто рассказать мне о подобном, и я узнала бы об этом, не покидая стен обители...

— Услышать от других не значит почувствовать,— ласково глядя на нее, ответил старик.— Вкус яблока можно узнать, только съев его. Ты прошла первый круг, девочка, но ответы на самые главные вопросы еще впереди...

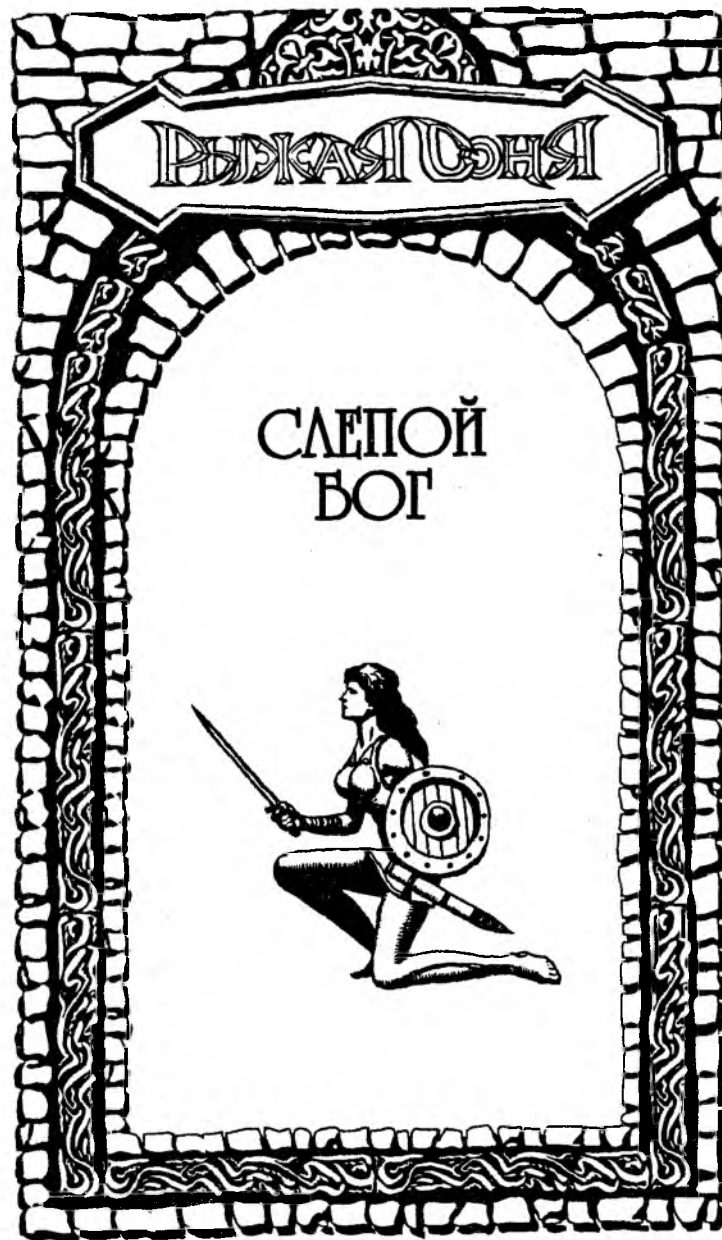
Соня слушала неспешную речь Гуинхея, и перед ее глазами мысленно проходили бесконечная череда зеленых холмов, лица Астамира и боссонского мага, удивленно распахнутые глаза Лорелы, пронзительный взгляд призрака из-за узких прорезей золотой маски, сверкание огненного меча, громада Хрустальной Башни и еще многое из того, что встречал ее взор и ощущало ее тело...

— Ответы на самые главные вопросы еще впереди,— словно эхо, повторила девушка слова старика.

Впереди!..

Пока ей неизвестно было даже, что это окажутся за вопросы... Но при одной мысли о том, что готовит ей грядущее, Соню вновь охватило ощущение какого-то необъятного и смутного, но светлого и радостного ожидания.

Мруднодоступны горы Киммерии — легендарной дикой страны, родины суровых синеглазых воинов и светловолосых женщин, отвагой часто не уступающих мужьям. Здесь когда-то родился великий воитель и король Конан-киммериец...

С тех пор минули века. Изменилось лицо мира. Сами боги не остались со времен Конана-киммерийца неизменными. И только окруженная горами Киммерия, казалось, застыла во времени: все те же отвесные скалы, те же застывшие в безмолвии просторы под низко нависшими серыми тучами...

Только здесь, под защитой неприступных гор, царапающих остроконечными вершинами само небо, сохранилась еще магия.

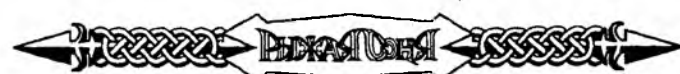
На западе Хайбории издревле не жаловали колдунов — быть может, не без оснований. Встретить настоящего чародея где-нибудь в Немедии или Аквилонии давно уже было немыслимо: любого

заподозренного в творении чар сожгли бы на костре, полагая, что земля таким образом делается чище.

Магия научилась таиться — от сильных мира сего, от алчных и от глупцов, от ретивых ревнителей праведности и от взыскующих надмирной премудрости. Магия замкнулась в себе, свернулась в кольцо, уподобившись змее, кусающей собственный хвост. Магия умирала. От клинков и костров Запада, безжалостного и развращенного, чья слепая, не знающая сомнений вера готова была смолоть все чуждое, подобно мельничным жерновам, чернокнижники и некроманты, прорицатели и адепты тайных учений устремлялись на Восток, в Туран и Замору, где еще почиталось их искусство, в Коринфию и Коф, где сребролюбивые владыки готовы были дать беглецам убежище в обмен на запретные услуги, в загадочную Вендию и Кхитай, тщаь отыскать искры забытого Знания; иные бежали на юг, в Стигию, в надежде припасть к первоисточкам древней мудрости, или обретали пристанище в храмах грозных зверобогов, чей гневный рык все громче звучал над застывшим в перво-данном ужасе миром.

Сероглазой девушке с пышной гривой рыжих волос, острым кинжалом в простых деревянных ножнах и коротким гирканским луком за спиной, не было дела ни до земных владык, ни до богов. Волею рока оказавшись на западе, в краях, что казались ей куда более враждебными и незнакомыми, чем самые дикие джунгли Черных Королевств, она искала чародея.

В просвещенной Аквилонии, однако, даже самые невинные расспросы об этом вызывали подозрения. Собеседники отшатывались от дерзкой красавицы, опасливо оглядываясь через плечо, стремясь побыстрее завершить разговор. Девушка была близка к отчаянию — пока однажды ярмарочный гадалщик, торопливо пряча серебряную монету, что вложила ему в дрожащую ладонь настойчивая незнакомка, не прошептал, так тихо, что едва мог расслышать сам себя: «Ищи в Киммерии».

Едва ли он сам верил, что она последует совету и всерьез вознамерится отправиться в эту северную страну, навстречу ледяным ветрам заснеженных перевалов, лишениям и опасностям трудного пути — невозможного для девушки, которой не исполнилось еще и двадцати лет. Однако, когда незнакомка развернулась, лишь чуть заметным кивком дав гадалщику понять, что слышала его слова, и двинулась прочь упругой, стремительной походкой не ведающего сомнений воина, ему показалось, будто ледяная длань царапнула его по спине. Лишенный истинного Дара, он все же обладал начатками провидческого таланта. На миг гадалщику захотелось броситься за девушкой, остановить, предупредить... о чем — он и сам не знал...

Но она уже скрылась в толпе. Перед его глазами вновь встало невозмутимое лицо с серыми, точно кордавская сталь, глазами и сурово сжатыми губами.

Лицо охотника. Или хищника. Напряженный взор одиночки, что не ищет ни помощи, ни дру-

жеского участия, ни сострадания. Этой девушке вряд ли нужны были его советы...

Со вздохом гадалщик поднялся и рассеянно принялся увязывать в потрепанную подстилку нехитрые орудия своего ремесла.

* * *

Перевал остался позади. Соня готовилась уже заночевать в снегу, заготовив побольше хвороста для костра, чтобы отпугивать двух самых опасных врагов для одинокого путника в киммерийских горах, — волков и ледяной, пронизывающий холод, — когда заметила впереди огонек.

Почти не веря собственным глазам, Соня пошла на свет. Не может быть, чтобы здесь кто-то жил! И тем не менее вскоре впереди показался бревенчатый дом. В подслеповатом окошке весело горел желтый огонь жарко натопленного очага.

Помедлив, Соня решила и постучала в дверь. Ей тотчас открыли и буквально втащили путешественницу в дом, ворча, чтобы не топталась на пороге и входила поскорее, не впускала внутрь стужу.

У Сони отлегло от сердца. Ворчали добродушно, почти весело. Похоже, что нрав у обитателя хижины гостеприимный и дружелюбный и вряд ли обидит гостью.

— Проходи, проходи, — торопил хозяин, крепкий еще старик с седеющей бородой, одетый в меховую безрукавку и теплые штаны, сшитые из оленьей шкуры. — Намерзся, небось, парень... И что дома не сидится? Все бы вам, молодым, по

горам бродить... Ни покою, ни роздыху не знаете, прости меня Кром!

Соня расстегнула онемевшими от холода пальцами застежку тяжелого от снега мехового плаща, купленного ею в Галпаране, последнем большом городе на подходах к Киммерийским горам. Капюшон упал на спину, открыв обветренное лицо молодой девушки.

Хозяин одинокой хижины ахнул.

— Владыка Кром! Это же надо, чудеса какие — девчонка! Да как же тебя занесло сюда на ночь глядя? Заблудилась — или обидел кто? Соня с улыбкой покачала головой. Заулыбался и старик, поняв, что кем бы ни оказалась таинственная ночная гостья, но никакое зло не шло за ней по пятам. Он обрадовано развел руками: — Да ты проходи, что стоишь? Гости в наших краях всегда в радость! Садись, садись же к огню. Выпей горячего вина, согрейся хорошенько. Ты, должно быть, голодна, как зверь? Давай-ка я тебе мяса отрежу. — На миг он задумался, потом продолжил с виноватой усмешкой. — Вот хлеба только предложить не смогу, ты уж не взыщи. Потому как сам не землепашествую, недосуг... Я охотник, а звать меня Химьяр.

Болтая, старик не переставал суетиться, устраивая свою неожиданную гостью поближе к очагу и готовя для нее простой, но сытный ужин.

Сидя в тепле, окруженная такой искренней дружеской заботой, Соня почувствовала, как слезы — редкий гость! — подступают к глазам. Она сердито отвернулась от своего гостеприимного хо-

зяина и смотрела в огонь, пока слезы не высохли окончательно. Еще не хватало — расплакаться при чужом человеке!

При «чужом»! Как будто у нее остались родные!

Между тем старый охотник, довольный тем, что заполучил собеседника, подсел к Соне, налил себе горячего вина и начал расспрашивать девушку о ее жите-быте. Соня знала, что рано или поздно ей придется выложить Химьяру какую-нибудь более или менее правдоподобную историю о своей жизни. Обычно для таких случаев у нее была наготове вполне складная сказка, которую ей уже не раз приходилось повторять незнакомцам. Однако Химьяру почему-то лгать не хотелось. К тому же кто, как не этот отшельник, мог помочь ей отыскать тех, ради кого Соня, собственно и пришла в эти дикие края. Однако она вовсе не собиралась выкладывать старому отшельнику всей правды. Подумав немного, девушка поведала Химьяру, что она сирота, скитается по свету. А последний год ее чуть не каждую ночь преследуют зловещие видения. И потому ей необходимо встретиться с каким-нибудь настоящим колдуном. Химьяр посмотрел на нее с неожиданной пронизательностью. От простодушного болтливового одинокого охотника не осталось и следа. Встретившись взглядом с его глазами — ясными, немного поблекшими от возраста, но глядящими, казалось, в самую душу, — Соня немного смутилась.

— Горе у тебя, стало быть, — задумчиво проговорил старый охотник, — большое горе. Не хо-

чешь рассказывать? Ну, твое дело. Не стану я лезть к тебе в душу, девочка, не бойся.

— Откуда ты знаешь, что у меня случилось большое горе? — сдалась Соня. Лгать и что-либо отрицать под этим всепроникающим взглядом было бесполезно. Химьяр махнул рукой.

— Какая разница! У тебя все на лице написано. Ожесточилась ты, как я погляжу, сильно ожесточилась. Горечь в тебе большая против людей... — Старый охотник допил вино, отставил глиняную кружку и неожиданно сказал: — А может, замуж тебя выдать? Подыскать тебе хорошего мужа, доброго, работающего, да и с оружием чтобы в ладу... У нас, в Киммерии, еще остались такие...

Соня даже поперхнулась вином от неожиданности. Пока она кашляла, Химьяр с удовольствием хлопал ее по спине, а потом не без удовлетворения сделал вывод:

— Замуж, стало быть, не хочешь... Ну и не надо. Что там хорошего, замужем-то? Скучно... А вот скажи мне лучше, что это у тебя за видения такие таинственные? Подумать только, настоящий колдун ей понадобился... И сильно, должно быть, он тебе нужен, если не побоялась в наши края забраться...

Соня молчала. Она уже почти жалела о том, что поддалась слабости и постучала в эту гостеприимную дверь. Не пришлось бы теперь расплачиваться за свое малодушие. Старый Химьяр как будто читал ее мысли. Он накрыл ладонь Сони своей крепкой узловатой рукой и ободряюще подмигнул.

— Ничего, дочка. Ты меня не бойся.

— Я не боюсь! — вспыхнула Соня. — Да, я искала колдуна. Ты угадал, у меня большое горе. И я надеялась, что, может быть, какой-нибудь чародей, ясновидящий сумеет подсказать мне, где искать... — Она вовремя прикусила губу.

— Где искать убийц твоих близких, — спокойно заключил Химьяр.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Соня.

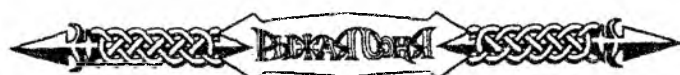
— Угадал. — Химьяр пожал плечами. — Ничего особенного. Сейчас такое происходит сплошь и рядом. Совсем озверели люди, убивают друг друга...

Соня, разморенная в тепле, неожиданно зевнула. Химьяр показал ей на ворох мягких оленьих шкур на полу хижины.

— Ложись да поспи, — посоветовал он. — Не стоит на ночь глядя о таком толковать. Утром поговорим... И ничего не бойся, только за порог не ходи. В этом доме тебе опасаться нечего.

* * *

Странно, но Соня, несмотря на всю свою настороженность, спокойно проспала почти всю ночь. Такого с ней давно не случалось. Уж не подмешал ли Химьяр сонного зелья в ее питье? Впрочем, ничего дурного с нею во время сна не случилось, как и обещал старый охотник. Внезапно пробудившись, словно от толчка, Соня полежала некоторое время в темноте, прислушиваясь. Огонь в очаге уже догорел. В окне стояла полная луна — круглый, холодный белый глаз какого-то древнего бога. Химьяра в доме не было. В этом не могло быть сомнений: Соня оставалась в доме одна. Это по-

казалось ей подозрительным. Куда мог подеваться хозяин среди ночи? Она тихо взяла свой меховой плащ, обулась и вышла из хижины.

Ее окружали заснеженные горы. Ночь уже перевалила за свою половину и шла на убыль. Соня колебалась в нерешительности. Благоразумие подсказывало ей, что лучше бы уйти, не дожидаясь хозяина. Его таинственная отлучка не выглядела добрым знаком. Возможно, он связан с какими-нибудь местными разбойниками, и тогда доверчиво спящая в его доме девушка может стать легкой добычей негодяев. Кто знает! Поговаривали о торговцах юными девушками, которые поставляют наложниц в тайные гаремы развращенных аквилонских аристократов. При одной только мысли о том, что ей может быть уготована подобная участь, Соня ощутила непреодолимые спазмы в горле. Нет, лучше смерть!

Она немного помедлила. И наконец решилась. Пора уходить. Если ее поступок обидит Химьяра — что ж... Времена нынче и в самом деле зверские. Как-нибудь поймет и простит ее старый охотник.

Но не успела Соня пройти и десятка шагов, как впереди выросла гигантская белая фигура какого-то огромного косматого зверя. Увидев Соню, он громко зарычал, обнажая длинные желтоватые клыки, и поднялся на задние лапы.

Зверь напоминал медведя, только непомерно большого. Соня инстинктивно схватилась за рукоять кинжала, но тотчас же оставила всякую мысль о неравной схватке с чудовищем. Сражаться один на один с подобным монстром, будучи вооружен-

ной только кинжалом, означало верную гибель. А Соня не могла позволить себе такую роскошь — умереть, не дознавшись причин гибели своей семьи и не поквитавшись с убийцами.

Поэтому она повернулась и бросилась бежать к хижине. К счастью, она не успела уйти далеко. Когда зверь гигантским прыжком одолел расстояние до дома Химьяра, Соня успела скрыться за дверью. Тяжело дыша, она прислонилась к стене, слушая, как зверь тяжеломерно бродит под окном. Снег громко хрустел под его могучими лапами.

Затем в окне показалась страшная оскаленная морда. Зверь испустил жалобный душераздирающий вой и исчез.

Соня без сил опустилась на пол...

* * *

— Я спала? — спросила она Химьяра.

Старый охотник стоял над ней и тихо покачивал головой. Соня бросила взгляд в окошко хижины — оно было синим, день давно уже наступил. Ночное приключение казалось теперь Соне нереальным, как тяжелый сон, что рассеивается с лучами утреннего солнца. И тем не менее что-то упорно говорило ей о том, что то был не сон. Да и Химьяр выглядел смущенным, словно знал что-то, неизвестное девушке.

— Я спала? — повторила Соня, пристально глядя на хозяина одинокой хижины.

— Думаю, нет, — отозвался он спокойно. — И напрасно, кстати. Лучше бы тебе было спать, как я и советовал, и не выходить из дома. Но раз уж

так вышло... — Он пожевал губами, поглядывая на Соню с некоторой укоризной. — Ладно уж, дочка. Видать, на роду тебе написано узнавать то, чему лучше бы оставаться сокрытым.

— Меня учили, что лишних знаний не бывает, — заметила Соня не без яда в голосе.

— Еще как бывает! — Химьяр вздохнул и безнадёжно махнул рукой. — Ладно, садись-ка к столу. Будем завтракать, а за завтраком, кстати, и поговорим...

Он неторопливо накрыл на стол, поставив кувшин молока, головку сыра и нарезал толстыми ломтями мясо.

— Садись, — пригласил он Соню.

Она уселась, недоверчиво поглядывая на своего гостеприимного хозяина.

Соня ожидала, что Химьяр начнет сейчас ходить вокруг да около, придумывая разные более или менее правдоподобные объяснения ее странному ночному приключению — а то и вовсе попытается убедить в том, что гигантский белый зверь, похожий на медведя, Соне пригрезился. Но Химьяр сразу приступил к делу.

— Я оборотень, — сказал он просто. — Такие вот дела, девочка. Вчера была моя ночь, ночь полнолуния...

— И едва не загрыз меня — в эту «свою» ночь! — рассерженно бросила Соня. Химьяр только пожал плечами:

— Я ведь хищник, мне природой положено охотиться. Так уж судили боги — и не тебе меня судить!

Хмыкнув, Соня отпила молока — судя по вкусу, козьего.

— Необычный ты оборотень, Химьяр. Держишь коз, привечаешь путников, охотишься на оленей — а по ночам бродишь в облики жуткой твари, готовый загрызть кого ни попадя...

— Ну и что с того? — Химьяра, казалось, забавляло Сонино недоумение. — Зло и добро с легкостью уживаются в душе одного и того же человека. Более того, они могут мирно сосуществовать, не мешая друг другу. А иной раз невозможно сказать, где зло, а где добро — так они похожи между собой... Знаешь ли ты, почему так случилось?

— Но это вовсе не так! — возмутилась Соня. — Когда я вижу добро, я могу распознать его, вот и все. У зла свой вкус, у добра — свой.

— Они родные братья, Соня, — вполне серьезно заявил Химьяр. — Мы, оборотни, знаем это лучше, чем кто бы то ни было. Как-то творец мира, Великое Время, которое было в начале начал, задумал породить себе сына... Это истинное предание! — В голосе Химьяра слышались эпические нотки. Так, наверное, рассказывали эту легенду его отец и дед, передавая ее из поколения в поколение. — Но Творец Время не был уверен в собственных силах. В последний миг он усомнился в том, что сын его может быть столь совершенен, как то задумывалось. И потому Творец Время породил сына ущербного, и стал он Темной Стороной Сущего. И когда посмотрел Творец Время на порождение души своей, то понял, что он способен и на более совершенные творения. И тогда исторг

он из себя второго сына, который был поистине совершенен и стал Светлой Стороной Сущего. Эти два брата и создавали, противоборствуя между собой, тот мир, в котором мы живем с тобой, Соня. Старший лепил все темное и злое, младший — все доброе и светлое...

— А в тебе живут, стало быть, оба начала? — спросила Соня не без насмешки. — И мирно уживаются?

Торжественный тон старого охотника, выпренность его повествования показались девушке неуместными. Она привыкла с большой долей недоверия относиться к легендам. Их рассказчики были уверены, что способны все объяснить путем иносказаний... однако чаще всего вместо этого лишь нагоняли туману. Химьяр пожал плечами.

— Думай, что хочешь. Однако вот он я перед тобой — зверь и человек. Столь же жесток и беспощаден в личине чудовища, сколь прямодушен и добр в облике человека. Что ты скажешь на это?

Говорить Соне ничего не хотелось — разве только что это мало интересует ее. Собственные страдания ожесточили душу девушки, порою делая ее глухой к чужим бедам. Соня решила, что ей пора уходить. Путь ей предстоял неблизкий, а старик, похоже, готов болтать несколько дней напролет, лишь бы задержать у себя гостью. Наверняка, соскучился без человеческого общества. Переселиться же поближе к людям он, по понятной теперь причине, не решался.

Однако Химьяр властно велел Соне сесть на место и дослушать его до конца.

— Рано засобиравалась в дорогу, дочка,— объявил старый охотник.— Торопиться тебе некуда. Успеется. Запомни: в пути никакими новостями, никакими слухами не пренебрегай. Ты сказала вчера, что ищешь кого-нибудь, кто был бы наделен истинной магической силой. Это действительно так? Ты ничего не придумала?

— Да,— хмуро отозвалась Соня,— мне действительно очень нужен настоящий колдун.

— Я могу указать тебе место, где одна из жриц владеет могучими колдовскими чарами.

— Жрица? — переспросила Соня.— Стало быть, это какой-то храм? Какого божества?

— Несколько божеств,— объяснил охотник.— Аквилонцы именуют их зверобогам, но это не совсем правильно... Хотя внешне многие из этих богов являются в облике животных. Под видом зверей чтут их люди. Эти боги чем-то сходны с нами, оборотнями.— Он потрянул головой, отгоняя какие-то мысли, судя по всему, не слишком приятные.— Слушай, Соня. Храм этот находится в двух днях пути отсюда. Иди на северо-восток, к долине, однако в саму долину не спускайся. Там отыщешь пещеры Фатагара. В их недрах и расположен храм. Спросишь жрицу по имени Хутаоса. Она... она моя родная сестра.

— Тоже оборотень? — спросила Соня. Химьяр поморщился.

— Хутаоса — чародейка. Ей открыты многие тайны из прошлого и будущего. Правда, люди страшатся ее, ведь она не жалуется тех, кто приходит к ней из праздного любопытства. Спрашивают о

видах на урожай, о том, стоит ли продавать скот... Глупцы! Таких она способна жестоко покарать — так что теперь редкий храбрец отваживается тревожить Хутаосу вопросами. Но у тебя дело серьезное, по глазам вижу. А чтобы моя сестра на тебя не прогневалась — сошлись на меня. Скажи: мол, Химьяр направил. Глядишь, она тебе и поможет. Но будь осторожна с ней, Соня!

— Спасибо,— с искренней благодарностью произнесла Соня, поднимаясь из-за стола и пожимая руку охотнику-оборотню.

— Не стоит,— отмахнулся он. И когда Соня уже вышла из хижины, добавил ей в спину: — Кстати, девушка, остерегайся людей. Здесь бродит шайка Сабарата. Он торговец рабами.

* * *

Барон Римальдо небрежно поигрывал маленьким веером на костяной резной рукояти. Тонкие, покрытые морщинками руки барона тонули в пышных кружевных манжетах. Весь облик аквилонца, его манера поведения, окружающая обстановка — все несло на себе неистребимый отпечаток растленной роскоши.

Барон принимал у себя в гостях человека, который был ему полной противоположностью. Гибкий, загорелый гирканец с небольшой черной бородкой, окаймляющей его хищное лицо с острыми чертами, был одет в походную одежду из мягкой замши и высокие сапоги. За широкий пояс, охватывающий узкую талию разбойника, был заткнут длинный нож.

Казалось, невозможно найти двух человек, менее похожих друг на друга, чем барон Римальдо и разбойник Сабарат. И тем не менее эти двое превосходно понимали друг друга.

— Садитесь, друг мой,— лениво растягивая слова, произнес Римальдо.— Немного вина?

— Не откажусь.— Сабарат плюхнулся в роскошное бархатное кресло и положил свои длинные ноги в дорожных пыльных сапогах на хрупкий столик, инкрустированный перламутром и слоновой костью.

Столик опасно хрустнул.

— Э-э...— протянул барон, слегка похлопывая своего гостя веером по сгибу локтя.— Друг мой... нельзя ли поаккуратнее... Вещица старинная, весьма ценная... Теперь такой не достать. А я, знаете ли, привязан к своим... э-э... вещицам...

Гирканец широко ухмыльнулся, блеснув в черной бороде белыми зубами, и снял ноги со стола.

— Проклятье! Но тогда я, с вашего позволения, сниму сапоги! — заявил он.— У меня чертовски утомляются и затекают ноги от всей этой беготни.

Барон Римальдо поморщился, но возражать не стал. Гирканец невозмутимо снял сапоги и принял из рук аристократа серебряный кубок, до краев наполненный вином.

— Отменное у вас вино, дружище,— развязно молвил Сабарат.— Ну так как наши дела?

— Дела в полном порядке,— заверил барон и тоже глотнул вина. С видом знатока он зажмурился и мечтательно проговорил: — Да, вино и

впрямь отменное. Еще из старых запасов. Скоро оно кончится, и тогда всех развлечений останется у меня только мои пташечки, мои любезные девочки...

— Ну, это-то добро, положим, не переведется,— захохотал Сабарат.— Как моя последняя птичка, кстати? Она и в самом деле оказалась невинной, как утверждал ее папаша? Сговорчивый оказался, подлец!

Барон Римальдо заметно омрачился.

— Ужасно. Да, ее отец продал вам девственницу. Свеженькую и сочную, как молодой персик. И вот, вообразите, после того, как я надкусил этот персик... Ах, она совершенно... э-э... невыносима. Все время плачет. Это невозможно терпеть. Я ей так и сказал: «После того, как я избавил тебя от груза девственности, моя милая, ты годишься только на то, чтобы чистить котлы на кухне».

Сабарат выслушал эту историю, старательно удерживая сочувственное выражение лица. Только в глубине его темных глаз затаилась насмешка. Невзгоды пресыщенного старого вельможи, которому разбойник поставлял молоденьких наложниц, откровенно веселили работоторговца.

— Что ж, значит, больше никаких девственниц не будет,— заключил Сабарат.

Барон Римальдо обмахнулся веером и капризно вздохнул.

— Вы уж, друг мой, постарайтесь...

— Постараться мы всегда готовы — особенно за неплохой куш,— усмехнулся Сабарат.— Вот послу-

шайте-ка что я вам расскажу, барон. Мы тут с приятелями наметили небольшую экспедицию в горы. Поставим вам сразу целую ораву девиц...

— Стайку,— умоляюще поправил барон Римальдо.— Стайку пташек, очаровательных пташек. Так звучит гораздо изящнее.

Сабарат расхохотался.

— Пусть будет стайку. Я знаю, где они чирикают. Свежие, неиспорченные, очаровательные... И почти все хорошего происхождения. С гладкими пухлыми ручками.

Барон Римальдо прикрыл морщинистые веки и мечтательно причмокнул губами.

— Сколько вы за них хотите?

— Ну...— Разбойник откровенно ухмыльнулся.— Дайте пока задатку... Скажем, в сотню полновесных золотых... Чтобы подогреть моих парней, понимаете? А там уж сговоримся. Может, вам какая-нибудь из этих девчонок и не понравится, взять не захотите — так я ее на сторону продам...

Барон Римальдо широко раскрыл глаза.

— Сотня золотых? Я не слышался?

— Нет.— Сабарат был теперь совершенно серьезен.— Вы не ослышались, старина. Сотня.

— Но ведь это грабеж!

— Конечно.— Улыбка Сабарата становилась все шире.— А сам-то я, по-вашему, кто?

— Ладно.— Барон был готов сдаться.— Но я не понимаю... Королевских дочерей вы мне приведете, что ли?

— Дело того стоит, поверьте,— обнадеживающе заявил разбойник.— Девицы отборные. Не по-

жалеете. Наоборот — вспоминать меня будете добрым словом.

Барон Римальдо вздохнул и вызвал к себе казначея, чтобы отдать необходимые распоряжения насчет денег.

* * *

Ежегодно молодые девушки из самых старых и почтенных семей Киммерии отправлялись в пещерный храм Фатагар, чтобы принести богам жертвы и произнести обеты. Из числа этих юных паломниц боги, вещая через своих жриц, иногда избирали себе новую служительницу. Для ее семьи это было большой честью.

Богиню, которую чтили жрецы Фатагара, местные жители и младшие служители именовали Гаривой и поклонялись ей в обличии самки сокола. В таком виде ее почитали в храме, воздвигнув статую, перед которой оставляли подношения.

Но какую силу воплощала Гарива на самом деле и была ли она и впрямь птицей, как верили многие простодушные горцы? Обыкновенные люди над этим не задумывались, а верховные жрецы предпочитали не касаться этой темы даже в мыслях.

История возникновения храма и почитания богини Гаривы и нескольких подвластных ей божеств — Наэ, Сароэ и Лонис — была никому неизвестна. Культ пещеры Фатагар возник словно бы из ничего. Новым богиням, воплощениям воинственной женственности, не смог противостоять даже сумрачный воитель, киммерийский бог Кром.

* * *

Привратница была очень стара. Казалось, сама вечность смотрит из ее выцветших глаз. Она неподвижно сидела у входа в пещеру, согреваясь у горячего очага, пылавшего за ее спиной, в пещере, и смотрела на дорогу. Вокруг были только лед и скалы. Синее небо над головой — и то сверкало ледяным холодом. Но эта суровая картина никогда не надоедала старой женщине. В этих скалах прошла вся ее жизнь.

Совсем молодой девушкой пришла она в этот пещерный храм и была избрана богиней для служения. С тех пор она и сидела у входа, прикованная цепью к своду пещеры, созерцала камни, изредка разговаривала с редкими путниками, предостерегала любопытствующих и неосторожных, давала напутствия спрашивающим, встречала паломников.

Ей нравилось такое существование. Старая привратница не знала другой жизни и не хотела ее знать. Люди, которые приходили неизвестно откуда и уходили обратно, в чужой, неведомый мир, казались ей безумцами.

Поэтому привратница с сочувствием смотрела на рыжеволосую девушку в теплом меховом плаще, которая приблизилась к храму усталым шагом путника, проделавшего немало лиг трудного пути.

— Мир тебе, странница,— приветствовала ее старая привратница.

— И тебе мир, почтенная,— вежливо отозвалась девушка.

— Вижу, ты идешь издалека,— неторопливо проговорила жрица.

— Ты угадала, почтенная.— Девушка тяжело перевела дыхание.— Но если это пещерный храм Фатагар, то я наконец у цели.

— Да,— сказала привратница с величайшим достоинством,— ты у цели. Это Фатагар — самое священное место на земле.

Она пошевелилась, и цепь, которой привратница была навечно прикована к скале, глухо звякнула.

Соня невольно ахнула от ужаса.

— Великие боги! Госпожа моя, за что же тебя посадили на цепь? Я могу освободить тебя!

— Молчи! Ты не знаешь, о чем говоришь! — рассердилась привратница.— Великая честь — сидеть на пороге этого храма и охранять его. А цепь — лишь знак нерушимой связи между Фатагаром и мной.

— Охранять храм лучше не старой женщине, а десятку хорошо вооруженных, крепких воинов,— возразила Соня.— Что до цепи... По-моему, для «знака» она слишком уж нерушима...

Однако Соня, несмотря на всю свою молодую горячность, была достаточно наблюдательна, чтобы понять: ее необузданная вспышка не на шутку обидела исполненную достоинства старую привратницу.

Она попыталась исправить свою ошибку.

— Прости, госпожа! Я молода и мало что повидала, а в ваш храм пришла поклониться богиням и получить необходимые мне наставления.

Привратница, казалось, немного смягчилась и была уже готова сменить гнев на милость.

— Да уж, моя хорошая, немного поучиться тебе бы не помешало.

— Я могу войти? — спросила Соня.

Привратница поманила Соню пальцем.

— Сядь рядом. Сначала ты должна выслушать кое-что...

Соня послушно уселась. Кроме всего прочего, она понимала, что без необходимых разъяснений со стороны привратницы ей не удастся найти в пещерах Фатагара жрицу Хутаосу и переговорить с ней наедине.

— Ты пришла сюда в священный десятиднев, — неторопливо начала привратница, — когда семь самых красивых и знатных девушек Киммерии остаются в пещерах для совершения жертвоприношений богине соколице, чье имя — Гарива, и ее сестрам, пернатым хищницам, которых люди называют Наэ, Сароз и Лонис. И возможно, что одна из этих красавиц будет избрана богинями для служения... Ты — девушка и можешь быть допущена в пещерные храмы. Мужчинам же вход туда воспрещен. Избери себе цель поклонения и приходи к богиням с открытым сердцем. И тогда тебе, возможно, откроются свет, путь и истина.

Соня понимала, что старой привратнице доставляют неслыханное наслаждение эти нравоучительные речи. Впрочем, девушке действительно не помешало бы узнать об обычаях и порядках, заведенных в святилище Гаривы, чтобы не попасть впросак из-за своего невежества.

Поэтому рыжеволосая странница выслушала привратницу терпеливо, не перебивая.

Закончив наставление, привратница ударила в серебряный гонг, висевший в пещере. На этот сигнал из пещеры вышла жрица лет сорока, одетая в черное. Соня слыхала о том, что в некоторых киммерийских племенах женщины носят траур черного цвета по пять зим кряду, поминая таким образом умершего родственника. Иные женщины из этих племен всю жизнь не расстаются с черной одеждой, так как семьи у них большие, нрав у людей воинственный, и раз в пять зим кто-нибудь из близких непременно погибает.

Жрица назвала свое имя — Кера — и хмуро оглядела Соню с головы до ног.

— Зачем ты пришла?

— В поисках ответов.

— Тебя мучает любопытство? — почти презрительно осведомилась Кера.

— Хотела бы я, чтобы меня мучило простое любопытство! — невольно вырвалось у Сони. Однако девушка быстро взяла себя в руки и ответила более спокойно: — Нет, моя госпожа, но я нуждаюсь в ответе на один вопрос.

— В таком случае, ты ошиблась дверьми, — холодно отрезала Кера. — Тебе потребна гадалка. Здесь — священное место поклонения богиням, где нет места суевериям глупых девчонок, истосковавшихся по любви.

— Я слыхала, что в этом храме живет одна мудрая женщина, — начала Соня. — Она жрица. Ее имя — Хутаоса.

— Хутаоса? Безумная девушка! — вскричала Кера. Теперь от ее холодности не осталось и следа. — Ты погибнешь, едва лишь она увидит тебя, несчастная.

— Но она — ясновидящая!

— Что с того?

— Я должна поговорить с настоящей чародейкой, — настаивала Соня. — Сжальтесь надо мной! Я проделала такой длинный путь по горам, чтобы только встретиться с Хутаосой... Дозвольте мне попытаться. Может быть, я и останусь в живых после того, как переговорю с нею.

— Невозможно, — отрезала Кера. Она переглянулась с привратницей, и Соня заметила неподдельный страх, промелькнувший на их лицах.

— Но я могу, по крайней мере, войти в ваш храм? — спросила Соня, устав от всех этих недоумков.

— Да, — неожиданно позволила Кера. — Я отведу тебя к остальным девушкам, и ты присоединишься к ним. И кто знает? Может быть, богиня изберет для служения тебя.

* * *

Во внутренней пещере таинственно мерцал огонь, отражаясь на золотых и серебряных сосудах с благовонными маслами, заставляя сверкать волшебным пламенем драгоценности, которыми был выложен причудливый узор на полу пещерного храма перед изваянием гигантской птицы с расправленными крыльями и хищно раскрытым острым клювом. Справа и слева от статуи Гаривы

находились изваяния поменьше. Это были хищные птицы — «сестры Гаривы». Перед каждой стоял медный треножник с горящим светильником.

Семь девушек в синих с золотом одеяниях медленно двигались от статуи к статуе, тихо и мелодично распевая священные гимны. Их окружали жрицы, ритмично ударяющие в маленькие бубны с колокольчиками.

Восьмая девушка, также облаченная в длинную голубую тунуку и сандалии из позолоченной кожи, высокая и рыжеволосая, стояла чуть поодаль, наблюдая за церемонией. Соне было досадно. Она проделала такой трудный путь, избежала стольких опасностей... Неужели только для того, чтобы потерпеть поражение у самой цели?

Хутаоса находилась где-то здесь, в храме... Она была совсем рядом... Узнать бы, где. Но жрицы не сводили с новой паломницы глаз, и сбегать из-под их надзора, чтобы обшарить лабиринты пещер Фатагара и отыскать в подземном жилище ясновидящую, было невозможно.

Поэтому Соня терпеливо выслушивала бесконечные гимны Гариве и ее хищницам-сестрам. Благоговения она не испытывала, как ни пыталась настроить себя на благочестивый лад — хотя, надо сказать, все в пещерном храме этому, казалось, способствовало: и торжественное убранство, и полумрак, и величественные статуи самих богинь. И тем не менее для Сони это были чуждые божества.

Однако пение девушек, игра жриц на музыкальных инструментах, таинственная роскошь под-

земного храма, ароматный дым благовоний — все это постепенно делало свое дело и завораживало даже Соню, затягивало ее как в водоворот, поневоле превращало в участницу торжественного ритуала.

Наконец пение смолкло. По знаку жрицы, девушки опустили на колени перед богиней. Они смиренно опустили головы.

Соня не последовала их примеру. У рыжеволосой девушки всегда были весьма сложные, противоречивые отношения с богами. До сих пор Соня и в голову не приходило посвятить себя одному из них. А лицемерие было противно самой ее природе.

Послышался тихий шорох — паломницы поднялись и медленно направились к выходу из святилища. Их возглавляла жрица Кера с пылающим факелом в руке. Соня присоединилась к шествию. Эту ночь она проведет среди самых красивых и родовитых девушек Киммерии.

* * *

Среди ночи Соня неожиданно проснулась. Ей показалось, что она слышит какой-то странный звук... Словно кто-то бил тараном в ворота... Странно. Ведь сейчас в Киммерии, кажется, никто не воет. Откуда же эти звуки, напоминающие о настоящей осаде?

Донесся треск, словно ворота подались, и сразу вслед за тем — хриплый торжествующий вопль. Кричали явно мужчины, но сколько их было, Соня затруднилась определить. Их вопль заглу-

шил тихий стон. Однако каким бы тихим ни был этот стон, Соня его расслышала.

На соседнем ложе заворочалась другая девушка. Соня знала ее имя — Итарра. С другой стороны спальни донеслось сонное бормотание.

— Что это за шум? — тихо вскрикнула одна из паломниц, дочь богатого землевладельца Йори.— Что там за звуки?

Соня прислушивалась с напряженным вниманием. Теперь она отчетливо различала мужские голоса, грохот, треск дерева, звон оружия. Все предостережения Химьяра разом ожили в памяти.

— Разбойники! — громко крикнула она.— Работоторговцы!

В спальне девушек началась паника.

Тем временем до их слуха донесся пронзительный женский вскрик. Хриплый мужской голос изрыгал проклятия. Похоже, захватчики нашли жриц и теперь развлекаются, наслаждаясь мучениями немолодых женщин.

Что ж. Кроме всего дурного, что несет в себе эта весть, есть в ней и кое-что хорошее — как ни кощунственно это звучит: пока работоторговцы терзают служительниц богини, у девушек-паломниц есть время, чтобы спастись бегством.

Нужно только знать, в каком направлении бежать, чтобы не заблудиться в этих пещерных лабиринтах...

Соня схватила за руку одну из паломниц, в страхе метавшихся по спальне, прикрывая наготу скомканными ритуальными одеяниями.

— Как тебя зовут? — крикнула она.

— Что?! — Девушка замерла, уставившись на рыжеволосую чужестранку. Из ее широко раскрытых голубых глаз глядел почти животный ужас.

— Имя! — властно повторила Соня. — Ну!..

— Данелла, — машинально ответила девушка.

— Так, Данелла. А теперь возьми себя в руки. Когда я переступила порог этого храма, мне сообщили, что ты — дочь старинного киммерийского рода. Значит, в твоих жилах течет кровь верных жен и отважных воинов. — Соня возвысила голос и обвела глазами всех девушек, которые собрались теперь вокруг нее. — Я говорю это не для одной только Данеллы. Я говорю это для вас всех! Ваша страна дала миру великого государя и воина — киммерийца Конана! Вам не пристало трусить и метаться взад-вперед, подобно переполошенным курицам.

— Но что же нам делать? — в отчаянии воскликнула другая девушка, Ализа. — Разбойники уже здесь! Они хозяйничают в храме! Нас никому защитить!

— Бежать, — кратко ответила Соня. — Мы вряд ли сумеем одолеть в бою хорошо вооруженных и обученных бою мужчин. К тому же, я не знаю, сколько их.

— А жрицы... — жалобно простонала Ализа. — Они ведь погибли!

— Они почти наверняка уже погибли, — мрачно отозвалась Соня. — И та же участь, если не худшая, ожидает всех нас, если мы не найдем способа незаметно выбраться отсюда. Тут должен быть еще один выход!

— Откуда ты знаешь? — прохныкала Ализа. — Ведь ты здесь впервые!

— В таких пещерах никогда не бывает по одному выходу, — сказала Соня. Она мучительно сожалела о том, что оставила свое оружие у жриц, как ей было велено. Теперь без кинжала и верного лука она чувствовала себя совершенно голой. А какую засаду можно было бы устроить! Соня перестреляла бы негодяев, как кроликов, будь у нее лук и стрелы. В этом у нее не было никаких сомнений.

Несмотря на острое напряжение, охватившее ее, Соня пыталась определить по звукам, что же происходит снаружи и насколько глубоко в пещеру продвинулись захватчики. Она поняла, что разбойники могут ворваться в девичью спальню в любое мгновение.

— Быстрее! — торопила Соня. — Кто знает проход?

Бесполезно. Вокруг только заплаканные лица, молящие, полные страха глаза.

— Значит, мы умрем, — заявила Соня и уселась на свое ложе. — Хорошо. Это был ваш выбор, не мой.

Теперь доносились только подавленные всхлипывания девушек, в то время как снаружи гремел мужской хохот. Затем послышалось, как будто кто-то прошел, волоча за собой по полу что-то тяжелое.

Дверь спальни с треском распахнулась. Над белыми стенами девичьей опочивальни яростно запылал зловеющий багровый свет факелов.

Девушки с испуганными криками бросились в самый дальний угол и сбились там в кучу, куたаясь в покрывала.

Соня решила, что пока ей лучше не привлекать к себе особого внимания и, подавив свою гордость, быстро присоединилась к подругам. Да и что сейчас могла противопоставить Рыжая Соня вооруженным негодяям? Нет уж, пусть они думают, будто она перепугана до полусмерти, как и остальные. А там посмотрим... Что-то подсказывало Соне, что она найдет выход даже из этой, казалось бы, безвыходной ситуации.

— А, так вот что здесь прятали эти старые ведьмы! — крикнул один из ворвавшихся разбойников. — А я-то думал, тут у них сокровищница!

— Это кое-что получше, — проговорил второй голос, хриплый и низкий. В нем звучали жестокость и неприкрытая жадность. — Так вот они где, сладкие киммерийские девочки для нашего дорогого барона!

В дверь ворвались еще двое. Оба волоком тащили по полу жрицу Керу. Ее одежда была в крови. Соня поняла, что Кера без сознания. Разбойники тяжело ранили ее.

Другие жрицы, по-видимому, были уже мертвы. Разбойники не оставили бы у себя за спиной противников, пусть даже это слабые женщины. Ведь они — жрицы. А каждая жрица в этих горах может оказаться опасной колдуньей. И уж кто-кто, а местные грабители наверняка это знают.

Когда разбойники выпустили Керу, она тяжело упала на пол и ударилась головой о камень.

Это привело ее в сознание. Кера слегка приподнялась, опираясь на локоть. В ее глазах вспыхнул огонь звериной ярости.

— Будьте вы прокляты! — вскричала она. — Вы осквернили святыню! Вы нанесли оскорбление богине! Она покарат вас! Вы будете страшно наказаны, нечестивцы!

— Конечно, — не скрывая насмешки, проговорил один из разбойников. Он распустил завязки своих широких штанов, сшитых в подражание туранским, и непринужденно помочился у самой головы поверженной жрицы.

— Покарат!.. — захохотал второй. — Да что она может, эта твоя богиня!

Кера смотрела на них глазами, полными ненависти.

— Вы убили привратницу и певчих! Вы подняли руку на служительниц Гаривы! — обвиняюще произнесла она. — Их кровь вечно будет стучать у вас в ушах, покуда вы не испустите дух. Но если вы посмеете тронуть этих благородных девственниц, которые припали к стопам богини и были избраны ею...

Грубый хохот прервал страстную речь Керы.

— Ну, хватит! Заткнись, старая ворона! Можешь не трястись за свою никому не нужную невинность — стану я смотреть на такую каргу, когда вокруг столько сладких крошек!

Говоривший поднял факел повыше, и пламя озарило кровавым блеском бледные лица и полные ужаса глаза молодых девушек. При виде их гибких стройных тел, едва прикрытых одеждой,

разбойник плотоядно облизнул кончиком языка внезапно пересохшие губы.

Робкая Итарра тихо заплакала, натягивая покрывало себе на голову. При этом ее белые ноги открылись до колен. Грабитель впился жадным взглядом в ее круглые колени.

— Все здесь? Сколько вас? — Отрывистый вопрос заставил Соню вздрогнуть. Несомненно, говорил предводитель.

Этот человек держался уверенно и властно. Он был вооружен лучше, чем остальные. На нем была плотная кожаная куртка со стальными накладками, заменявшая тяжелый доспех. Всмотревшись в его смуглое лицо с беспощадными, чуть раскосыми черными глазами, Соня поняла, что предводитель — гирканец. От такого не стоит ждать снисхождения. Отчасти Соня — и в этом ей виделась особенно изощренная насмешка судьбы — знала это по себе.

Гирканец окинул опочивальню быстрым оценивающим взглядом.

— Так. Восемь. Отборные девочки, как и сулил перед смертью этот старый болван.

«Какой старый болван? — удивленно подумала Рыжая Соня. — Разве в этом храме служили мужчины?»

Впрочем, времени на раздумья у нее теперь не оставалось. Нужно было ориентироваться в быстро меняющейся ситуации — и при этом не мешкать.

— Благородные девственницы, — хмыкнул хриплоголосый разбойник. — А ведь нам, кажется за-

казывали... как, Сабарат, он выразился, твой барон?

— Барон, положим, не мой, — возразил гирканец, — а заказывал он «надкушенные персики».

Двое остальных грабителей разразились грубым хохотом.

— Вот этим мы сейчас и займемся! Надкусим его сладкие персики, чтобы благородному месьюру не пришлось себя чрезмерно утруждать и мараить свои кружева! — Они снова и снова повторяли эту грубую шутку, смысл которой был, к сожалению, слишком ясен несчастным жертвам...

Четвертый грабитель, одетый в меховую куртку и теплую волчью шапку — на манер местных жителей — тряхнул головой.

— А вы обратили внимание, какие здесь крепкие ворота? Какие лабиринты и ловушки? Клянусь Кромом! Наверняка у этих зверопоклонниц припрятаны тут немалые сокровища!

Он поклонялся Крому, этот разбойник-киммериец. Нет сомнений, он чтит старого сурового бога, который не требовал ни подношений, ни сложных ритуалов поклонения. Для киммерийца вовсе не являлся священным храм, где чтут богиню в облике хищной, готовой к атаке птицы.

— Не покушайся, нечестивец, на то, что принадлежит богине! — прошипела Кера.

Киммериец повернулся к простертой на полу жрице и пренебрежительно пнул ее ногой.

— Заткнись, стервятница! Ты ползаешь на брюхе перед истуканом, изображающим вонючего грифа, — что ж, таков твой выбор! Что до меня...—

Он зловеще усмехнулся.— Я презираю тех, кто предал исконного бога Киммерии!

Против своей воли Соня ощутила нечто вроде сочувствия к этому человеку, который оставался верен Крому — богу-покровителю самого Конана. Она сердито тряхнула головой. Что за неуместные мысли!

Острые меча, который держал один из разбойников,— рослый человек со шрамом на лице — уперлось в горло Керы. Жрица упрямо сжала губы.

— Нет! Не трогайте ее! — неожиданно закричала Данелла.— Разве вы уже не натешились вволю ее страданиями? Умоляю вас, оставьте ее в покое!

Сверкающее лезвие медленно поднялось и прижалось к груди Данеллы. Девушка застыла, как зачарованная, тяжело дыша широко раскрытым ртом.

— Эй, стервятница! — холодно прозвучал голос Сабарата. Его взгляд был обращен к поверженной жрице.— Говори, где спрятаны сокровища? Иначе нам придется настругать ломтями мясо с костей этой перепуганной птички!

Кера с трудом сглотнула.

— Поклянитесь... поклянитесь мне, что пощадите девочек...

— Они останутся *живы*,— охотно заверил жрицу Сабарат.— В *этом* я клянусь тебе, ведьма!

Остальные трое его сообщников рассмеялись.

— В скрытой твердыне хранятся золото и драгоценные камни,— глухо проговорила жрица.— Но любого из вас ждет, если вы осмелитесь вторг-

нуться в запретные залы Фатагара, ждет смерть. Там Белая Тень — страшитесь ее гнева!..

На мгновение воцарилась тишина, вызванная этими зловещими словами. Потом Сабарат хлопнул себя по бедру ладонью.

— Ладно, мы все поняли,— бросил он пренебрежительно, словно желая приободрить своих подельников, смущенных грозным тоном умирающей жрицы.— Полагаю, не помешает осмотреться здесь как следует. Асар, ты пойдешь со мной,— обратился он к киммерийцу.— Ни ты, ни я не чтим эту курицу Гариву или как там ее,— так что ее проклятия для нас пустой звук. А не прибрать к рукам золотишко, коль скоро уж мы сюда добрались, было бы настоящей глупостью.

— Согласен,— кивнул киммериец.

— Вот и хорошо.— Предводитель разбойников усмехнулся.— А Награн и Абахи останутся стеречь девочек. И заодно избавят нашего высокородного заказчика от лишних хлопот...

Награн и Абахи радостно осклабились.

— Только берите их по очереди, и пока один... *трудится*, другой пусть охраняет остальных,— добавил Асар.

— Иди, иди! Будет он тут еще советовать! — возмутился Награн.

— Оставьте мне хотя бы одну нетронутую, ладно? — попросил Асар.

— А это уж как получится! — фыркнул Абахи.

Асар и Сабарат скрылись за дверью. В опочивальне воцарилась тишина. Оба оставшихся разбойника разглядывали девушек, точно лисицы,

ворвавшиеся в курятник. Их ухмылки становились все шире.

Жрица впала в беспамятство, лишь изредка испуская жалобные стоны. Йори наклонилась над ней, пытаясь перевязать ее раны.

— Начали! — воскликнул Абахи и схватил за плечо Данеллу. Он сдернул с нее покрывало, в которое куталась девушка. Данелла отшатнулась. Абахи выругался и хлопнул ладонью по своему кинжалу.

— Эй ты, не будь дурочкой! Ты же не хочешь, кроме девственности, лишиться еще и красоты?

Данелла медленно выпрямилась. Одним рывком Абахи сорвал с нее тунику и громко застонал, увидев совершенство ее острых грудей и упругих бедер.

Притянув к себе Данеллу, разбойник жадно впился поцелуем в ее пышные губы.

При виде этой сцены Итарра — ближайшая подруга Данеллы — завопила от ужаса и отвращения.

Абахи с недовольным видом выпустил свою жертву и ударил Итарру по лицу.

— Заткнись! Что, не терпится и самой попробовать? Потерпи, настанет и твой черед! Смотрите у меня — вы все! — обратился он к остальным. — Учтите, ни одна не останется нетронутой. Но от вас зависит, будет ли вам при этом больно... Награн, займись пока этим стадом, а я отдаю мою красотку в соседнюю комнату. А потом я вернусь... Следующая — твоя. Выбирай пока... — Он грубо расхохотался.

Рыдания Данеллы оборвались, когда за ней захопнулась дверь. Соня прикусила губу. Нет, от этих девчонок нечего и ждать, что они окажут сопротивление двум негодяям. Восемь девушек — крепких, здоровых! И все пойдут на убой, покорные, как овечки...

И они еще смеют поклоняться богине в обличье хищной птицы! Жалкие курицы... Рыжеволосая воительница одновременно и жалела, и презирала перепуганных подруг. Но при мысли, что из-за их трусости ей, возможно, придется разделить общую участь, Соня охватывала ярость. Нет уж! Она непременно что-нибудь придумает!..

Итарра безутешно рыдала, оплакивая участь Данеллы.

— Она собиралась выйти замуж! — сквозь слезы шептала она. — За ней давали хорошее приданое, а ее жених — наследник богатого рода... Кто же теперь возьмет Данеллу в жены после того, как ее осквернит этот грязный негодяй?

Соня присела на пол рядом с безутешной девушкой.

— Боюсь, ни одна из вас никогда теперь не выйдет замуж... — заметила она безжалостно.

Слезы блеснули на длинных ресницах Итарры, когда она подняла голову и удивленно посмотрела на Соню.

— О чем ты говоришь? Тебе что-то известно?

— Этот человек, Сабарат... Он работоторговец. Он продаст вас своему заказчику, который отправил его на охоту за наложницами и наверняка уже неплохо оплатил его грязные услуги.

Итарра подавилась новым рыданием.

— Почему ты говоришь «вас»? — неприязненно спросила Рыжую Соню Саренна. — Разве тебя не ждет та же участь, что и всех нас?

— Может быть, и ждет, — согласилась Соня, — но в отличие от вас, я не намерена покоряться!

— Потихе, вы там! — прикрикнул на девушек Награн. — Ишь, раскудахтались! Сидите-ка лучше смирно. Скоро вы у нас по-другому запоете.

Он обнажил в отвратительной ухмылке гнилые зубы.

Приглушенные мольбы Данеллы, доносившиеся из-за стены, сменились пронзительными криками. Соне было и жаль девушку, и в то же время она не могла подавить в себе раздражения при мысли о ее покорности.

Соня рассматривала своих подруг по несчастью. Итарра закрыла лицо руками, Ализа заткнула уши, Йори и Кима скорчились на полу, Саренна взирает на разбойника, как зачарованная...

А Награн разглядывает их одну за другой, ощупывает глазами, как торговец на ярмарке, и откровенно наслаждается их испугом.

Из соседнего помещения послышались шаги. Дверь распахнулась. Данелла, шатаясь, показалась на пороге. Абахи сильным толчком в спину швырнул ее в опочивальню.

Девушка упала бы и сильно расшиблась, если бы Итарра не поддержала ее. Ноги Данеллы были в крови.

Данелла со стоном натянула на себя покрывало и скорчилась на полу, вся дрожа.

Абахи с довольной улыбкой уселся на место Нагрانا. Тот быстро приблизился к девушкам и схватил за руку Саренну. Девушка смертельно побледнела, но позволила себя увести без сопротивления.

Соня попыталась остаться глухой к тому, что происходило в соседней комнате. «Теперь или никогда! — думала она. — Проклятье на этих легендарных киммерийцев! Их дочери превратились в настоящих коз! Но по крайней мере теперь у меня появился шанс. Этот Абахи ворвался в святыню Гаривы после долгого перехода по горам — уж я-то знаю, что переход был трудным! Он помогал другим головорезам вышибать дверь. Теперь, когда он только что овладел женщиной, он чувствует себя расслабленным... А его товарищ слишком занят, чтобы прислушиваться к тому, что творится в опочивальне. Именно теперь этого ублюдка можно захватить врасплох. Только бы безмозглые девицы помогли мне и не начали визжать!»

Словно подтверждая мысли Сони, Абахи зевнул во весь рот.

Рыжеволосая воительница повернулась к девушкам.

— Я попытаюсь сейчас одолеть этого парня, — прошептала она. — Если у меня получится — наваливайтесь все разом. Вы должны связать его.

— Ты сошла с ума! — заявила Ализа.

— А ты, кажется, хочешь, чтобы тебя изнасиловал грязный разбойник, а после продал в рабство растленному аквилонскому барону для гнусных утех? — резко возразила Соня. — По мне, так

лучше умереть. Впрочем, я рассчитываю бежать отсюда. Кто со мной?

Девушки смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Соня глубоко вздохнула и стала незаметно продвигаться все ближе к Абахи. Вот уже ее отделяют от разбойника каких-то два шага... Один...

Неожиданно Абахи очнулся от приятной полудремы и уставился на Соню. Он оценивающе смерил взглядом ее фигуру, а затем молниеносным движением схватил свой меч, лежавший рядом с ним на скамье, и рассек им воздух.

— Ну что, моя красавица? Не ожидала? — произнес он с внезапной улыбкой. — Неужели холодная сталь милее тебе... *другого* оружия мужчины? — Он еще раз окинул ее с головы до ног взглядом рыночного торговца. — Ты, правда, лошадка тощая и жилистая, но для доброй скачки, может быть, и не так уж дурна... Ну, будь умницей, девочка, дожись своей очереди — и я не заставлю тебя долго ждать.

Он улыбался все шире, довольный своим остроумием. Соня почувствовала, что краснеет, и рассердилась на саму себя.

Как же ей теперь выполнить задуманное, когда она упустила возможность захватить негодяя врасплох? Может быть, если девушкам удастся отвлечь его внимание... Часть из них могла бы с криком побежать к двери, а часть — наброситься на разбойника со спины...

Но одного короткого взгляда, брошенного искоса, хватило, чтобы увидеть: киммерийки зас-

тыли, как громом пораженные. Они видели кровь Данеллы, но их ужас перед оружием грабителя был куда сильнее.

Соня перевела взгляд на меч в руке разбойника. В мерцающем свете факела клинок казался сгустком чистого пламени. Как только разбойнику с большой дороги удалось заполучить во владение такое прекрасное, благородное оружие? Соня не сомневалась в том, что подобный меч, наделенный собственной душой, способен выйти из-под власти недостойного владельца.

Меч завораживал Соню. Великолепный клинок, достойный выдающегося бойца. Острие, которое оставляет чистые раны... Боль заставляет на миг содрогнуться угасающее сознание... Боль, светлая, как горный поток, как раскаленный металл... А потом — объятия смерти, свет, ничто...

Соня тряхнула головой. Мысль о смерти, как всегда, таила для рыжеволосой воительницы что-то чарующее. Словно существовала незримая связь между Соней и клинком, который нес с собой чистую смерть.

Нет, эта благородная сталь не может иметь ничего общего с таким подонком, как Абахи. Отсветы огня волнами пробегали по клинку. Соня понимала, как опасно в такую минуту отдаваться на волю воображения, и все же не удержалась от соблазна: ей пригрезилось, что она зовет меч, и оружие отвечает ей.

Жаль, что она не владеет магическими способностями! Ну ладно, все это — бесполезные фантазии... Разбойника необходимо сбить с толку.

— Так ты меня убьешь? — спокойно спросила Соня. — А почему заплатит вам аквилонский барон за каждую новую наложницу?

— Откуда ты знаешь про аквилонского барона и его гарем? — удивился Абахи.

Соня с деланным равнодушием пожала плечами.

— Да мало ли что я знаю! Вот и хозяин этого меча... *истинный хозяин*... Ведь ты убил его ударом в спину, предательски, а?

Последняя стрела была выпущена Соней наугад, но оказалось, что она попала в самую точку. Абахи побагровел от ярости.

— А какое тебе до этого дело, девка?

— А! Вот ты как теперь заговорил! Правда глаза колет, не так ли, Абахи?

Соня сделала шаг к разбойнику. Он взмахнул мечом, и она отступила. И снова приблизилась, и вновь отступила. Ритм. Ему нужно навязать определенный ритм. А если она, Соня, собьется с ритма... Что же, боль, чистая, как свет, и разгадка вечной тайны смерти.

Но в глубине души Соня знала, что тайну смерти разгадывать ей еще рано. Она прислушалась к своему сердцу, стучащему, как молот, и усилием воли заставила его биться медленнее. Выровняла дыхание. Танец. Это просто танец.

Ваниры, предки Сони, вступая в смертельный поединок, пели — так они поступали в древности. Соня мысленно возвала к ванирской крови, текущей в ее жилах, — наследию матери, — и запела. Это была быстрая танцевальная мелодия, которая

захватывала тело помимо сознания и заставляла двигаться в определенном ритме.

Меч и его добыча превратились в партнеров в смертельном танце. Почти замороженный, следил Абахи за движениями Сони, которая вертелась, перескакивала с ноги на ногу, приседала и подпрыгивала, ни на мгновение не прекращая пения. Смертельная игра танцовщицы с клинком становилась все увереннее, и теперь видно было, что Соня в этом танце неоспоримо ведет. В душе Сони царил покой.

Внезапно сломав нить пения, она добилась того, чего добивались этим приемом ее далекие предки-ваниры: погруженный в определенный ритм соперник смешался. Замешательство Абахи длилось всего лишь долю мгновения, но для Сони этого оказалось достаточно: с громким криком она проскочила под занесенным мечом и изо всех сил ударила о грудь противника всем телом, так что он потерял равновесие.

— Йори, Кима! — закричала Соня, обращаясь к самым решительным из девушек-киммериек. — Вперед!

Соня впилась зубами в правое запястье Абахи. Разбойник взвыл нечеловеческим голосом и начал бить девушку кулаком левой руки по голове. Йори бросилась Абахи под ноги. Разбойник потерял равновесие и рухнул на пол. Кима набросила на его ноги свой пояс и с неожиданной ловкостью связала негодяю щиколотки.

Соня ткнула растопыренные пальцы врагу в глаза. Он отшатнулся, и тотчас подскочившая на

помощь подругам Ализа затянула петлю на правой руке разбойника. Йори ударила ногой по левой руке Абахи. Навалившись втроем, девушки связали врага. Соня, тяжело дыша, сунула ему в рот кляп из обрывков своей ритуальной голубой туники.

Только сейчас Соня поняла, что она, безоружная девушка, одолела вооруженного мужчину! Она победила! Вся кровь вскипела в ней при этой мысли.

Абахи извивался на полу, тщетно пытаясь освободиться. Соня, долго не раздумывая, перерезала ему горло его же собственным мечом. Послышался булькающий звук; Абахи захлебнулся кровью.

Девушки застыли, глядя на Соню с нескрываемым ужасом.

— Ну, что уставились? — резко спросила их Соня. — Если бы не я, вас потащили бы на убой, а вы бы и не пикнули. А теперь вот что: вы будете молчать и беспрекословно повиноваться мне. Ясно? Для начала уберите эту падаля в угол, чтобы не бросалась в глаза.

Казалось, Награн исчез со своей жертвой вечность назад. Хорошо бы Саренна сумела завладеть кинжалом и вонзить клинок своему мучителю в спину, пока он возится с ней... Но Саренна была вылеплена из иного теста, нежели Рыжая Соня. Оставалось только благодарить судьбу хотя бы за то, что Награн так долго терзает свою жертву.

Но вот у двери послышалось приглушенное рыдание Саренны и радостный смех Нагрانا.

Дверь со скрипом отворилась. Награн втолкнул Саренну в спальню и остановился на пороге с победным видом.

В то же мгновение Соня обрушила меч ему на голову. Голова разбойника раскололась, точно спелая дыня, и негодая рухнул на пол, не издав ни единого звука.

Саренна пронзительно закричала от страха и, повернувшись, бросилась бежать прочь от Сони, зло скалившей зубы и поигрывавшей окровавленным мечом.

— Догнать! — рявкнула Соня.

Но девушки, сбившись в кучу, не двигались с места. Нападение шайки, насилие над подругами, угроза быть проданными в рабство и навечно превратиться в игрушку, в забаву для низменных страстей какого-то аквилонского выроodka и, наконец, хладнокровная расправа с разбойниками Рыжей Сони — по виду такой же юной, невинной, беззащитной девушки, как любая из киммериек, — все это привело молодых паломниц в состояние, близкое к невменяемому.

Соня, несмотря на свою молодость и неопытность, тем не менее знала, как поступать в подобных случаях.

— Ты! — яростно выкрикнула она, направив окровавленное лезвие в сторону Йори. Дочь землевладельца, привыкшая распоряжаться в большом доме своего отца, Йори казалась более смелой и решительной, чем все остальные. — Догони ее! Не хватало еще, чтобы Сабарат узнал обо всем раньше времени.

К великому облегчению Сони, Йори действительно быстрее всех взяла себя в руки. Толковая и расторопная, девушка бросилась бежать следом за Саренной, и вскоре обе вернулись в спальню. Йори обнимала Саренну за плечи. Обе всхлипывали.

Саренна дрожала всем телом. Проходя мимо трупа Награна, она тихо вскрикнула и, отвернувшись, уткнулась Йори в плечо.

— Отлично,— заявила Рыжая Соня, обтирая меч об одежду убитого.— Теперь, девушки, будем решать, как нам поступать дальше. По-моему, пора уносить отсюда ноги.

Конечно, покидать пещерный храм, не повидавшись с Хутаосой, Соне не хотелось. Ее душила обида на злую судьбу: проделать такой длинный путь, преодолеть столько преград — и уйти ни с чем из-за каких-то ублюдков...

Но, с другой стороны, кто сказал, что Соня непременно уйдет отсюда не солоно хлебавши? Она может переждать напасть, спрятавшись где-нибудь поблизости, в горах, а потом вернуться и без помех завершить свое дело.

Однако совершенно необходимо убрать отсюда девушек — и чем скорее, тем лучше. Соня не хотела, чтобы еще с одной из них случилась беда. Насилие может искалечить их на всю жизнь, сделать негодными для семейного счастья, внушить отвращение и ненависть ко всем мужчинам без исключения.

Да и кроме всего прочего — если отвлечься от сострадания к бедным девушкам — перепуганные,

путающиеся под ногами подружки очень мешали Соне.

— Здесь должен быть еще один выход,— обратилась Соня к раненой жрице, лежавшей на полу.

Кера открыла мутные от боли глаза.

— Сколько осталось негодяев? — спросила она еле слышно.

— Двое.

— Путь девушки уходят через главный выход...— Жрица говорила с трудом, делая долгие паузы между фразами. Казалось, силы покидают ее с каждым словом.— Там безопаснее всего... укроются... в горах... Много убежищ...

Кера замолчала, не в силах совладать с новым приступом боли, от которого она на время потеряла сознание.

Соня опустилась возле Керы на колени. Мгновение рыжеволосая воительница вглядывалась в посеревшее, с темными губами и почерневшими тяжелыми веками лицо верной служительницы богини Гаривы. Та, несомненно, умирала.

Соня осторожно похлопала ее по щеке. Безжалостно так тревожить умирающую, не позволять ей остаться наедине со смертью... Но Соне необходимо было услышать еще кое-что от жрицы. Возможно, это спасет жизни остальных.

— Кера... Очнись, Кера! Ты еще не все мне сказала...

Кера медленно открыла глаза. Губы ее шевельнулись. Соня наклонилась над умирающей, боясь пропустить хотя бы одно ее слово.

— Возьми мое кольцо... — прошептала Кера. — Когда все закончится... выброси его в пропасть... с любой скалы... Не забудь! Это очень важно, очень! Мое жреческое кольцо... — Она с трудом перевела дыхание. На ее губах выступила розоватая пена. Совладав с собой, жрица продолжала шептать: — Девочки... пусть уходят... А ты, Соня... ты останься... Я вижу... вижу... Богиня избрала тебя!

— Нет! — Соня непроизвольно отшатнулась. — Нет! Я не должна служить вашей богине! Это ошибка, Кера... У меня свой путь, своя цель!

— Богиня избрала тебя! — повторила умирающая. — *Богиня избрала тебя!* — В ее мутнеющих черных глазах вспыхнул огонь. В последний раз пальцы Керы с неожиданной силой стиснули руку Сони.

— Говорю тебе, нет! — проговорила Соня чуть мягче, чем в первый раз. — Я оказалась здесь случайно... Я ничего не знаю о Гариве, а она ничего не знает обо мне.

— Не существует случайностей там, где речь идет о воле богини, — шепнула Кера. — Не лги себе, Соня... не бывает... случайностей...

На мгновение Соня усомнилась в своей правоте — так тверда и непреклонна была вера жрицы, в которой медленно угасала жизнь.

Но лишь на мгновение. Отказаться от мести? Никогда не узнать, почему погибли ее родные, кому нужно было уничтожить их дом, их поместье, перебить слуг, искалечить жизнь самой Рыжей Сони? Не покарать негодяев? Обрести сонный покой здесь, в пещерах Фатагара, под ними-

гающим птичьим взором чужого божества? Приковать себя к киммерийским скалам тяжелой цепью, как эта несчастная старая привратница?

Все в душе Сони восставало против такой участи.

— Нет! — твердо произнесла она. — Я выброшу твое жреческое кольцо в пропасть, как ты просишь, Кера, но никогда не надену его себе на палец.

— Защити... защити от поругания святыню... — Язык Керы уже заплетался. — Гнев Гаривы может быть ужасен... — Казалось, она видела какие-то страшные картины, встающие перед ее мысленным взором. — Поля, на которых гниет урожай.. Стервятники над павшим скотом... Реки в красных потоках крови... О, боги бывают очень жестоки!.. Их ярость неукротима... Спаси Киммерию, Соня, защити святыню!

— Разбойников осталось двое, — сказала Соня. — И я намерена оборвать их земной путь. Неважно, что за цели движут мною — я поклялась, и я сделаю это! Тебя успокоит, если я дам тебе слово, что Сабарат и его сообщник не уйдут отсюда живыми?

— Да... Благословение Гаривы да пребудет с тобой...

Это были последние слова Керы. На губах жрицы выступила кровавая пена. Глаза ее закатились, по телу пробежала судорога... Верная служительница богини Гаривы замолчала навеки.

Соня выпрямилась.

— Кера мертва, — обратилась она к девушкам. — Нам остается только одно: выполнить ее после-

днюю волю. Йори, ты возьмешь остальных и выведешь их из пещеры через главный вход. Там нет разбойников, они ушли в глубины пещер. Там, боюсь, только трупы... Далеко ли отсюда поместье твоего отца?

— День пути,— ответила Йори.

— Отлично. Девушки, вам придется пережить этот день. Вы пойдете с Йори, и она отведет вас в дом своего отца. Надеюсь, он хорошо примет вас и поможет, насколько это будет в его силах. Данелла, Саренна... Мне очень жаль, что вы... Но раны телесные, как и душевные, рано или поздно заживают.

Соня помолчала, думая не о претерпевших насилие подругах, а о себе самой. Да, раны рано или поздно заживают... Но рана самой Сони до сих пор жестоко кровоточила.

Она тряхнула головой, отгоняя лишние мысли.

— Вам придется идти голодными,— продолжала Соня.— Потому что нет времени искать пищу. В пещерах осталось еще двое негодяев, и им не обязательно знать, что их сообщники уже нежатся в объятиях Крома...— Соня хмыкнула. Мрачный бог Кром вряд ли имел обыкновение заключать кого-либо в объятия! Соня и сама не знала, почему имя древнего киммерийского бога сорвалось с ее губ. Однако оно натолкнуло ее на новую мысль, оказавшуюся весьма удачной.— Вы — потомки древних киммерийцев, народа, давшего миру великого Конана! Вспоминайте об этом почаще, когда будете пробираться заснеженными горными тропами, когда усталость будет валить вас с ног, мо-

роз — пробираться до костей, голод — сводить желудок судорогой! Ваши предки презирали лишения там, где речь шла о величайшем даре богов человеку — о свободе!

Эта речь сделала свое дело. Глаза робких киммерийских девушек заблестели, на их бледные лица вернулся румянец.

— А ты, Соня? — спросила Данелла.

— Я остаюсь. Мне нужно закончить здесь кое-какие дела и выполнить последнюю волю Керы.

— Будь осторожна! — воскликнула Йори, обнимая Соню.

— Береги себя!

Девушки обступили свою спасительницу, наперебой целуя ее и пожимая руки.

— Идите, идите же! — отбивалась Соня.— У меня еще много дел. Торопитесь! Сабарат может вернуться в любой момент!

* * *

Когда последняя из киммериек, кутаясь в покрывало, выскользнула из опочивальни и побежала вслед за Йори и остальными по темным переходам пещер Фатагара к выходу, Соня вернулась к телу Керы.

Она закрыла жрице глаза и, бережно взяв ее мертвую руку в свою, сняла с указательного пальца Керы серебряное кольцо с большим сердоликом, в котором было искусно вырезано изображение соколицы.

Затем она выпрямилась и огляделась по сторонам. Так, подумала Соня. Три трупа. Меч. И эта

ужасная длинная ритуальная туника, в которой невозможно сражаться!

Соня оборвала подол покороче и поморщилась: теперь у нее был вид настоящей бродяжки. Не хватает только торбы для милостыни через плечо. А Соня, несмотря на то, что уже несколько лет вела суровую, бездомную жизнь, никогда не позволяла себе опускаться и одеваться как попало. Она всегда помнила о том, кем она является. Единственное, что утешало ее сейчас — этим лохмотьям недолго украшать ее. Нужно только покончить с Сабаратом...

Соня тряхнула головой. Какие только мысли не лезут в голову! Сейчас ей нужно отыскать в этих лабиринтах внутри скалы двух крепких, хорошо вооруженных мужчин и убить их. Всего-навсего. Задача как раз по плечу восемнадцатилетней девушке, которая не выспалась, устала и очень голодна.

* * *

Соня осторожно пробиралась по темным лабиринтам Фатагара. Это был настоящий подземный город. Ходы в скалах, частью естественного происхождения, частью прорубленные или расширенные людьми, выводили в более просторные пещерные залы. Одни были дикими, ничем не украшенными; в других Соня видела высеченные на стенах надписи и рельефные изображения: богов в облики людей или полулюдей-полуживотных; демонов, сражающихся с богами и людьми; жрецов, взывающих к богам; танцующих девушек,

над которыми парит, широко раскинув крылья, сокол.

Соню удивило, когда при слабом свете маленькой масляной лампы, которую она захватила с собой, она разглядела, что иные изображения выглядели очень древними. Казалось, минули тысячелетия с тех пор, как рука неведомого древнего мастера, вооруженная резцом и зубилом, прикасалась к этим стенам. Даже облик людей, населяющих эту страну, с тех пор изменился, стал иным: те, на наскальных рельефах, выглядели низкорослыми, с покатыми лбами и непомерно длинными руками.

Неужели поклонение Гариве имеет такие древние корни? При одной только попытке измерить в мыслях бесконечное расстояние, отделяющее день сегодняшний от тех веков, когда люди впервые пришли в пещеры Фатагара, Соня почувствовала сильное головокружение и вынуждена была прислониться к стене, чтобы не упасть.

Неожиданно ей показалось, что из глубины пещеры на нее устремлен чей-то пристальный взгляд. Соня поправила фитиль лампы, взяла поудобнее меч и, стараясь ступать бесшумно, направилась туда, где, как ей чудилось, таилась какая-то неведомая опасность.

Вскоре она замерла и прислушалась. Так и есть! До ее слуха донеслось чье-то прерывистое дыхание. В темноте скрывался кто-то живой.

Кто? Одна из жриц, насмерть перепуганных вторжением разбойников? Еще одна прикованная к скале цепью служительница Гаривы? Или кто-

то из двух оставшихся в живых разбойников? Затаился и подстерегает... Но почему он дышит так шумно и хрипло?

Ответ на все эти вопросы Соня получила через несколько мгновений.

— Кто здесь? — тихо, со стоном, проговорил из темноты мужской голос. — Это ты, Награн?

Соня молчала.

— Награн! — неуверенно повторил мужчина. — Ведь это ты? Ради всех богов, помоги мне...

Стало быть, здесь один из разбойников. Судя по всему, он ранен... может быть, тяжело... Кем, почему?

Соня осторожно приблизилась к нему и поднесла лампу к его лицу. Разбойник, находившийся, видимо, в полубессознательном состоянии, слабо пошевелился и застонал, инстинктивно отворачиваясь от света, — пусть это был даже слабый огонек лампы.

— Асар! — окликнула его Соня, вспомнив имя грабителя.

Он открыл глаза и встретился взглядом с Соней. На лице разбойника появилось недоуменное выражение, вскоре сменившееся паническим ужасом.

— Кто ты? — прошептал он. — Я тебя не знаю! Ты жрица?

— Зови меня Соней, — холодно проговорила девушка.

— Соня... — тихо проговорил разбойник. — Как все странно...

Он снова впал в забытие.

Соня внимательно осмотрела простертого перед ней на каменном полу человека. Несмотря на всю ее ненависть к насильникам, пытавшимся похитить девушек, несмотря на жгучее отвращение, которое Соня питала к цели этого похищения, — добро бы ради выкупа! — при виде ужасных рваных ран на груди и животе бандита девушка ощутила глубокое сострадание.

— Асар, — позвала она умирающего. — Где Сабарат?

— Там... — пробормотал Асар. — Скажи ему, Соня... Пусть не ходит... туда...

— Куда? — в отчаянии спрашивала Соня умирающего вновь и вновь.

То теряя сознание, то вновь на миг приходя в себя, Асар бормотал:

— Белая Тень... когти и клыки... встает из темноты... внезапно... боль... нестерпимая боль... жжет в груди... пить... дай мне пить... пусть он не ходит туда... бежать, бежать... сокровища... смерть...

Дыхание Асара прервалось.

Он судорожно вздохнул, и кровь потоком хлынула из его горла. Спустя миг разбойник был уже мертв.

Соня поднялась, чувствуя, как мурашки бегут у нее по спине. «Белая Тень», вооруженная клыками и зубами, которая внезапно встает из тьмы, чтобы загрызть очередного святотатца, осмелившегося посягнуть на сокровища Гаривы, могла быть только монстром, древним, как эти пещеры. Иного объяснения случившемуся Соня найти не могла.

А это, в свою очередь, означает, что следующей жертвой монстра, притаившегося во мраке, вполне может стать она сама, Рыжая Соня.

Соня погасила лампу и прислушалась. В пещере царила теперь мертвая тишина. Однако звериный инстинкт, унаследованный Соней от предков-гирканцев и никогда ее не подводивший, подсказывал настороженной девушке: смертельная опасность таится впереди, в следующем пещерном зале, куда ведет широкий ход, вырубленный в скале и украшенный у входа орнаментом в виде виноградных листьев. С другой стороны, там же мог находиться и Сабарат. Соня не собиралась нарушать слово, данное умирающей жрице; Сабарат, последний из негодяев, осквернивших храм Гаривы, должен умереть. И если монстр действительно охраняет святыню, то Соне нечего опасаться. Если же это просто чудовище, яростное и безмозглое, то Соня вооружена и предупреждена. Зверю не удастся захватить ее врасплох.

Крадучись, точно она сама превратилась в охотящегося хищника, Соня двинулась по коридору.

Здесь было темно. В воздухе застоялся запах пыли и еще чего-то затхлого. Несколько раз летучие мыши срывались со своих невидимых гнезд у Сони над головой и беззвучными тенями пролетали мимо, задевая ее по лицу кожистыми крыльями. Всякий раз Соня от неожиданности на миг замирала, но потом вновь начинала двигаться вперед.

Наконец потянуло сквозняком, и Соня оказалась в большом пещерном зале. Здесь царила кро-

мешная тьма. Стараясь не отрывать рук от каменных стен, Соня осторожно двинулась вдоль стены. Да, здесь любое животное, любое чудовище, способное видеть в темноте, может напасть на нее.

Соня остановилась, чтобы зажечь лампу. Что толку таиться в темноте, если тварь, скорее всего, хорошо видит в любом мраке?

— Тебе нужен свет? — послышался чей-то спокойный голос. — Хорошо... Я и забыла, что на свету люди чувствуют себя увереннее. Мне-то он ни к чему...

Голос явно принадлежал женщине. Он был довольно высокий, мелодичный, даже приятный.

В темноте что-то щелкнуло, словно кремнем высекли искру, и вдруг пещера озарилась мягким светом. Соня изумленно оглядывалась по сторонам. Горели мириады маленьких глиняных ламп, таких же, какая была у самой Сони. Они были расставлены по выступам и нишам, высеченным в стенах огромной пещеры. Понадобилось бы не менее двух десятков слуг, чтобы зажечь их все, да и то, на это ушло бы немало времени.

Каким образом они вспыхнули все одновременно?

Ответ мог быть только один, и именно он сразу пришел Соне в голову: магия.

В этой пещере находился *настоящий маг!*

Соня с трудом совладала с охватившим ее волнением. Итак, она у цели!

— Подойди, не бойся, — позвал ее тот же женский голос. — Ведь ты Кера?

В голосе однако послышалась нотка сомнения.

— Нет, госпожа, я Соня,— ответила Рыжая Соня.— Кера мертва.

Соня была по-настоящему удивлена: как ее могли перепутать с суровой жрицей Гаривы? Если даже забыть про разницу в возрасте — разве не сразу бросаются в глаза рыжие волосы и высокий рост Сони, позволяющие безошибочно, с первого взгляда, отличить ее от Керы, невысокой и черноволосой?

— Ты... *излучаешь свет*... как Кера,— пояснила женщина, чувствуя недоумение Сони.— Не понимаю...

— У меня ее жреческое кольцо, госпожа,— вспомнила Соня.— Кера отдала мне его перед смертью. Может быть, в этом дело?

Только теперь Соня поняла, в чем причина ошибки: говорившая была слепа. Она, наделенная магической силой, воспринимала окружающее по совершенно иным приметам, нежели зрячие.

Соня подошла ближе. Теперь она ясно различала старую женщину с очень бледным лицом, огромными, совершенно белыми глазами и длинными, распущенными, белыми волосами. Она лежала на большом ложе, вырубленном прямо в скале и застеленном мягкими шкурами. Рядом с ложем находилась выдолбленная в полу пещеры большая круглая чаша — скорее, не чаша, а маленький водоем! — наполненная прозрачной водой.

— Соня...— повторила странная белоглазая женщина.— Здесь были какие-то мужчины... Что случилось с ними?

— Моя госпожа,— проговорила Соня,— я не знаю, как обратиться к тебе...

— Госпожа...— Голос незнакомки звучал теперь чуть насмешливо.— Обращайся ко мне так, если хочешь... Или зови меня «сестра»... Как тебе больше нравится? Мне все равно.

— Хутаоса! — воскликнула Соня.

Женщина нахмурилась.

— Откуда тебе известно мое имя? — Вопрос прозвучал резко, как удар хлыста.

— Меня направил сюда, в пещеры Фатагара, твой брат Химьяр,— поспешно пояснила Соня.

— А! — Издав это короткое восклицание, Хутаоса замолчала. После паузы, длившейся, казалось, вечность, прорицательница пещерного храма сказала: — Так что же случилось с теми мужчинами, которые проникли в святыню Гаривы и осквернили ее грязными делами и кощунственными намерениями?

— Их было четверо, госпожа. Двоих я убила собственными руками. Третьего я нашла умирающим у входа в эту пещеру. У него был вспорот живот — не ножом, а чьими-то чудовищными когтями. Перед смертью он говорил что-то о «Белой Тени», о монстре, таящемся в темноте... Разбойник был очень напуган... Никогда не видела ничего подобного...

— Так он умер? — перебила Хутаоса.

— Конечно, госпожа. Никто не выжил бы, с такими ужасными ранами. Четвертый негодяй бродит где-то близко... Госпожа! Я дала слово умирающей Кере, что настигну его и оборву его жизнь...

ненный путь, полный злодейств и гнусных дел. Но вам следует остерегаться...

Хутаоса негромко рассмеялась. От этого смеха у Сони мурашки пробежали между лопаток.

— Остерегаться, говоришь ты, девочка? Пусть остерегаются те, кто посмел войти сюда с нечистыми помыслами, ибо богиня всегда найдет себе защитников! Ступай вон туда, где начинается новый переход. Ты должна его видеть.

— Да, я вижу...

— За этим скальным коридором начинается новая большая пещера. Войди туда. Узнай там часть того, что не может тебя не интересовать. А потом возвращайся ко мне. Я покажу тебе... кое-что.

Соня взяла свой меч и направилась к подземному переходу, который указала ей Хутаоса. Несколько раз она останавливалась и оборачивалась к слепой жрице. Та все еще неподвижно лежала на своем ложе, обратив в сторону Сони бледное тонкое лицо с огромными белыми глазами.

* * *

Солнечный свет, изливающийся сквозь колодец, пробитый в потолке пещеры, в первое мгновение ослепил Соню. Затем, когда глаза немного привыкли к необычному освещению, она заметила в пещере нечто, от чего кровь застыла у нее в жилах.

Посреди пещеры, в столбе солнечного света, на остром деревянном колу корчился человек. Его рот был заткнут кляпом, но глаза, широко раскрытые в немом крике, казалось, вопили от боли и ужаса.

Соня не сразу узнала в нем Сабарата, самоуверенного и гордого гирканца. Она осторожно приблизилась к несчастному. Сейчас даже мысль о бедных девушках, чьи судьбы искалечил этот алчный работороговец, не могла заставить Соню подавить в себе чувство глубочайшей жалости.

Она вынула кляп из его рта.

— Белая Тень... — прохрипел Сабарат.

— Это она сделала с тобой такое? — спросила Соня.

— Где... Награн?.. Асар?.. Абахи?.. — с трудом выговорил разбойник. — И кто ты... такая?..

— Я — Соня, одна из несчастных жертв, которых ты намеревался продать в рабство, — ответила девушка и показала гирканцу меч, который держала в руке. — Я убила двух твоих сообщников, Сабарат! Я убила их собственными руками! Они были никчемными воинами, так что не стоит о них и жалеть...

— А у этой крошки... были, оказывается, клыки и когти... — Сабарат криво усмехнулся. — А эти недоумки... повернулись спиной... к врагу... пусть и покоренному...

И вновь Соня, против своей воли, ощутила нечто родственное между собой и Сабаратом.

— Мертв и Асар, — добавила Соня. — Перед тем, как навсегда закрыть глаза, он тоже говорил мне о Белой Тени.

Лицо гирканца мучительно исказилось:

— Она непобедима. Она схватила меня, выскочив из-за угла, сжала мне горло... Я видел ее огромные когти... Ее лицо, ее кошмарное лицо —

женское, с клыками, с бельмами вместо глаз... Против нее все мы как малые дети... Она не знает пощады! Она притащила меня сюда... и... О, прошу тебя, девушка, прекрати... прекрати мои страдания! Я вижу у тебя меч...

— Ты умрешь быстро и чисто, не позорной смертью от деревянного кола, но почетной — от благородной стали, — отозвалась Соня. — Но ответь мне сперва на один вопрос: кто заплатил тебе за девушек-киммериек, которых обесчестили и пытались украсть твои головорезы?

— Барон... Римальдо... аквилонец... — простонал Сабарат. — Я умираю... Помоги мне...

— Нет, — холодно проговорила Соня. — Ты еще проживешь какое-то время. Тебе предстоит терпеть невыносимые муки, если я не помогу тебе уйти с этого света. Итак, отвечай! Где он живет, этот аквилонец, — она покривила губы, — этот твой барон Римальдо?

— Город Шамар... на реке Тайбор... Богатый дом... Недалеко от центральной площади... В Шамаре его всякий знает, сможет указать, если спросишь... У него есть поместье... на Тайборе... Охотничий домик, собаки, ловчие... там же, в глубине сада, гарем. Сотни девушек... прошли через его руки... Он продавал наложниц, когда те надоедали ему... Он постоянно требовал все новых и новых... Я покупал и воровал для него... рабынь... Прошу тебя, Соня! Сжался!

— Прощай, Сабарат! — Она приблизилась к гирканцу и мгновение смотрела прямо в его обезумевшие от боли глаза. Затем наклонилась и поце-

ловала его в пересохшие губы. А после одним быстрым сильным взмахом меча перерубила ему горло. Голова гирканца упала на пол пещеры и откатилась на несколько шагов. Фонтан крови брызнул из обезглавленного тела. Несколько теплых капель попало Соне на обнаженные плечи, и девушка содрогнулась.

— Прощай, Сабарат, — повторила она тихо. — Ты забыл о том, что боги всегда изыщут себе защитников. С этими словами она повернулась спиной к изувеченному трупу и выбежала из пещеры.

* * *

Хутаоса ждала ее.

— Вернулась? — спросила жрица чуть насмешливо. — Ну что, получила ответ на один из своих вопросов?

— Да, госпожа. Теперь я кое-что выяснила. Но это не те ответы, ради которых я пришла в пещеры Фатагара!

— Я слушаю тебя, — сказала Хутаоса. — Ведь мой брат не случайно направил тебя ко мне.

— Химьяр был очень добр ко мне, — сказала Соня.

— Расскажи о нем, — попросила жрица. — Мы не виделись с ним много лет...

— Он оборотень, госпожа. Он превращается в огромного белого медведя каждое полнолуние.

— Да, Химьяр так и не научился управлять той силой, которой наделили нас боги, — задумчиво сказала Хутаоса. — Это сила владеет им, а не он — силой. Поэтому он живет вдали от людей. Я же

обитаю здесь, в храме, и богиня помогает мне сдерживать магию, что кипит в моих жилах, и направлять эту силу в нужное русло.

Помолчав, слепая прорицательница добавила:

— Но сейчас это уже не имеет никакого значения для Химьяра... Они убили его...

— Кто? — Соня не верила своим ушам. Что хочет сказать эта странная слепая женщина, эта загадочная белоглазая колдунья? — Неужели Химьяр...

— Мой брат Химьяр. Он мертв, — спокойно подтвердила Хутаоса. — Эти люди, которые явились в храм, побывали у него в хижине. Они спрашивали его о паломниках, о времени священного десятидневия... О том, как найти Фатагарские пещеры в Киммерийских горах... Он не хотел ничего им говорить, но они принялись его пытаться...

— Откуда ты все это знаешь, Хутаоса? — не выдержала Соня.

— Откуда я знаю? — Жрица горько усмехнулась. — Я знаю все. В этом мое главное и вечное проклятие. Ты ведь искала меня именно потому, что я — ясновидящая! Они убили моего брата, говорю тебе! Но перед смертью, надеясь на пощаду, Химьяр рассказал им о паломниках все...

— Не могу поверить в то, что Химьяра нет в живых! — воскликнула Соня.

Хутаоса пожала плечами.

— Прошлое, настоящее, будущее... Для меня это одно и то же. Я могу бродить по времени назад и вперед, как мне вздумается. Нет никакой разницы между живым и мертвым. Я могу уйти

во вчерашний день, когда брат мой был еще жив, и встретиться с ним там...

Она замолчала. На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием горящих глиняных ламп.

— Это ты разорвала живот Асару? — решилась спросить наконец Соня.

— Да, — спокойно ответила жрица. — Я приняла обличие огромного белого медведя...

— Белая Тень... — прошептала Соня, содрогаясь. — Хутаоса! Я умоляю тебя о помощи! Мне действительно говорили, что тебе ведомо все. Я хочу знать: что, на самом деле, случилось с моей семьей?

— А что тебе известно об этом?

— Мои родители и два брата погибли в одну ужасную ночь. Аквилонские наемники... Их войска в тот год уходили из Заморы. Наше поместье находилось как раз на границе Хаурана и Заморы. Они пришли туда. Сожгли дом. Убили всех, кто там был. Они схватили и меня, но мне лишь чудом удалось бежать...

— Для меня все эти слова — «Хауран», «Замора», «Аквилония» — пустой звук, — оборвала Соню Хутаоса. — Я слепа от рождения. Нигде, кроме киммерийских гор, я не бывала. «Замора»... Звук каплюющей воды, что наполняет мою чашу, исполнен большего смысла, чем все эти непонятные для меня названия. Однако если ты сама была там, если ты видела их лица — чего же ты хочешь от меня?

Соня помолчала, собираясь с духом. Эту, главную свою тайну, она не доверяла почти никому. Но сейчас... Сейчас она должна была сказать.

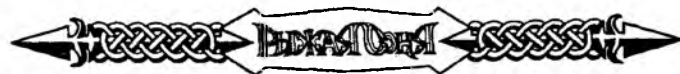
— Да, я видела некоторых из них. И некоторым даже успела отомстить. О, месть моя сожгла их огнем — и оставила мне на губах вкус пепла, я чувствую его всегда. Он преследует меня... Но прежде я считала, что вкус свершившейся мести всегда таков. Я лишь удивлялась, почему покой не возвращается в мою душу. Почему чужие лица продолжают являться мне во сне, а кровь родных все также взывает к отмщению.

— И тогда ты поняла, что месть твоя не завершена, — перебила девушку слепая жрица, и та с трепетом воззрилась на прорицательницу. Хутаосе, воистину, было ведомо все. — Ты осознала, что в тот страшный день тебе открылась лишь видимость вещей, заставившая тебя броситься потом в погоню за призраками?

— О, да! — не сдержалась Соня. — Я была уверена, что кенида Атлия — главная среди них. Она была... она была так омерзительна. — Девушка содрогнулась, вспоминая похотливую предводительницу наемников. — Я была уверена, что ими двигала жажда наживы, обычная жестокость — или, может быть, она сводила с отцом какие-то старые счеты. Ведь он сам был одно время разбойником.

— Но теперь ты узнала, что все гораздо сложнее. Девушка кивнула.

— Именно так. Я не могу сказать тебе, откуда узнала это, да и неважно... Однако там был еще один человек. Его я не видела. Но именно он травил кениду на мой дом, как травит зверя в норе охотник. Он... — Соня всхлипнула, вспоминая распятые, изувеченные тела родных, отданную на

поругание мать. — Хутаоса! Мои родные погибли страшной смертью! Кто убил их, зачем, почему? У любого злодеяния должна быть какая-то цель! Люди, осквернившие сегодня храм Гаривы, искали легкой поживы. Я должна знать, чего искали те, кто уничтожил мою семью.

— Хорошо, хорошо. Успокойся.

На миг все стихло. В пещере было слышно лишь прерывистое дыхание Сони. Неожиданно погасли горевшие по стенам обиталища Хутаосы лампы. Воцарилась кромешная тьма.

— Смотри, — прозвучал во мраке голос Хутаосы.

Соня не понимала. Куда смотреть? Куда ни глянь — везде непроглядная темень. Внезапно на полу пещеры загорелось яркое пятно. Соня невольно склонилась над ним.

В чаше с водой появилось изображение.

Соня прикусила губу, чтобы не закричать: она вновь увидела свой родной дом, таким, каким он был до того рокового дня, когда все поместье было уничтожено огнем.

Затем появились солдаты. Рослые аквилонцы в плотно сидящих на голове кожаных шлемах, в куртках из плотной вываренной кожи с нашитыми медными или стальными пластинками, а с ними кенида — рослая, одетая с вызывающей роскошью. Они приближались к дому.

— Смотри, смотри, — безжалостно звучал голос Хутаосы. — Ведь ты пришла ко мне для того, чтобы увидеть их лица, все лица, запомнить их до мельчайших подробностей. Теперь не плачь, не проси пощады, не отворачивайся...

Соня не ответила. Все ее тело покрыла испарина. Соню сотрясала крупная дрожь. Она изо всех сил стиснула зубы, чтобы они не стучали. В ушах шумела кровь. Соня поднесла руки к вискам. Она не ожидала, что воскресить в памяти те страшные мгновения, окажется так невероятно тяжело. Она видела, как падают под ударами аквилонских мечей верные слуги, как хохочущий дюжий аквилонец хватает юную Аксум, служанку матери, и, зажав ей рот грязной ладонью, перебрасывает девушку поперек седла... Вот рослый аквилонец в шлеме и черном плаще с вышитым золотом леопардом врывается в дом... Отец Сони, гирканец Келемет, не утративший с годами гибкости и ловкости прирожденного воина, берется за меч и бежит врагам навстречу...

Соня тихо вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Не поддавайся слабости,— прозвучал суровый голос слепой жрицы. Хутаоса, хоть и не могла видеть Соню, безошибочно угадывала ее реакцию на все, что та разглядела в волшебной чаше ясновидения.— Ты знала, на что идешь, Соня! Я покажу тебе лица, которые ты должна запомнить. Ради этого горького знания ты преодолела множество преград, пролила кровь и сама подверглась смертельному риску. Не допускай же в свое сердце малодушия и страха! Не позволяй чувствам увести себя в сторону как раз в тот миг, когда ты — у цели!

Соня понимала, что слепая прорицательница пещерного храма совершенно права. Она должна смотреть на убийц своих родителей, запоминая

каждую ненавистную черту их лиц. А душа ее должна быть закрыта для любых переживаний. Теперь тот страшный день предстал перед Сониным взором совсем иначе, чем когда ее саму, неосторожно вернувшуюся из столицы в родное поместье, схватили грубые руки наемников, поставив перед хищным взором той, кого она приняла за их предводительницу. Но теперь Соня понимала, что Атлия и ее люди были лишь ширмой для того, что действительно произошло тогда в Салафре. Ибо она видела теперь людей, которые распоряжались этим бесчеловечным действием с самого начала. Видела, как они пытали ее отца, раз за разом о чем-то вопрошая его... Жаль лишь, что магическое зеркало не могло донести до Сони их речей. Но теперь она видела все.

Она попыталась взять себя в руки. Снова и снова показывала ей Хутаоса тех, кого Соне надлежало запечатлеть в своей памяти. Теперь слезы на глазах Рыжей Сони высохли и не туманили больше ее зрения. Трезво и холодно изучала она ужасные картины, раз за разом встающие на гладкой водной поверхности магической чаши-зеркала.

Рослый аквилонец с леопардом на плаще на груди... Вот он улыбается, скаля зубы, вытирает руки, замаранные кровью ее отца... Озирается по сторонам... Видит бегущего к нему юношу с мечом в руке — это Хункар, старший брат Сони. Но аквилонец куда искуснее во владении клинком. Один ловкий выпад — и юноша валится наземь, зажимая страшную рану на животе. Наемник перешагивает через него, небрежно махнув рукой

своим подельником, те бросаются к раненому, намереваясь подвергнуть его пыткам, пока он еще может говорить. А аквилонец направляясь к женщине... К красивой ванирке с пышными светлыми волосами... Еще двое аквилонских солдат торопливо поджигают дом... Труп старого конюха... Из конюшни выводят лошадей, в том числе и гнедого Ватара, любимца Сони... Кони испуганно ржут, прижимая уши...

Пушистый белый пес со стрелой в боку повизгивает от боли... Проходящий мимо аквилонский головорез бьет издыхающую собаку ногой... Где-то вдали бесчинствует с остатками отряда Атлия, перерывает сундуки в поисках золота — но она явно не главная здесь. Она вжимает голову в плечи, когда аквилонец с леопардом бросает на нее взгляд. И лишь когда он, свистнув за собой половину отряда, отбывает прочь — вот почему Соня не видела его! — кенида преображается, берет власть в свои руки. Такой ее и застала девушка, явившись на порог отчего дома. И была уверена, что за спиной Атлии никто не стоит.

А теперь смотри, Соня, смотри! Запоминай их лица!

Неожиданно живая картина в чаше погасла. Соня с облегчением опустила на пол пещеры и не в силах ни о чем не думать. Ей необходима была передышка. Слишком больших усилий стоило ей всматриваться в ненавистные лица, возникавшие перед ней в магической чаше.

Наконец она пришла в себя и окликнула слепую прорицательницу:

— Хутаоса!

Та не отозвалась. Соне это показалось подозрительным. Она зажгла одну из маленьких глиняных ламп — не магией, а обычным кресалом — и принялась осматриваться.

Хутаоса лежала, вытянувшись на своем каменном ложе, неподвижная и молчаливая. Соня с ужасом подумала о том, что жрица умерла — не перенесла чрезмерных усилий, которые вынуждена была приложить, вызывая видения страшных злодейств.

Соня осторожно коснулась лба жрицы и тотчас отдернула руку. Хутаоса была холодна, как камень. Она лежала, вытянувшись и слегка запрокинув назад голову. Когда Соня осмелилась второй раз прикоснуться к этой неподвижно застывшей фигуре, девушка вдруг поняла: жрица не мертва — она обратилась в изваяние, такое же ледяное и бездушное, как скалы, из которых высечено ее ложе.

Теплится ли в этой каменной глыбе жизнь? Скрывается ли за окаменевшей оболочкой живая душа? Оживет ли когда-нибудь Хутаоса, прорицательница пещерного храма?

У Сони не находилось ответа на эти вопросы. Она знала одно: теперь, когда она достигла цели, ей нужно уходить из разоренного пещерного святилища. Не Сонины вина в том, что храм Гаривы подвергся осквернению — Соня и сама едва не сделалась одной из жертв разбойников. И все же девушка почему-то чувствовала себя виноватой. Словно бросала кого-то в беде...

Она покинула зал с окаменевшей прорицательницей и по знакомому уже пути вернулась в девичью опочивальню. Там никого не было, кроме трех трупов: двух разбойников, зарубленных Соней, и Керы. Соня бережно накрыла тело Керы одеялом, сняв его с кровати. Большого она сделать для погибшей не могла.

В одной из кладовых Соня отыскиала для себя одежду: плотные брюки, удобные теплые сапоги, плащ, подбитый мехом, гораздо более теплый, нежели тот, что был на ней в тот день, когда она впервые перешагнула порог храма.

Кроме того, Соня запаслась лепешками, головкой сыра и флягой довольно неплохого вина. Уложив все это в дорожный мешок, она почувствовала себя совершенно готовой к путешествию.

Оставалось выполнить последнюю волю Керы...

* * *

Когда храм Гаривы остался позади, Соня остановилась. Кругом были только безмолвные горы. Их заснеженные вершины ослепительно сверкали на солнце. В ярко-синем небе над головой не было ни облачка.

Соня глубоко вдыхала разреженный горный воздух. «Это пьянящий запах свободы,— думала Соня,— этим воздухом с рождения дышал великий Конан!»

Эта мысль наполнила ее радостью. Соня нащупала в дорожном мешке кольцо, которое дала ей Кера, и некоторое время рассматривала его. Тогда, в мрачном полумраке залитой кровью спаль-

ни, у Сони не было возможности разглядеть его хорошенько. Теперь она впервые увидела жреческое кольцо Керы при ярком солнечном свете и не могла не поразиться великолепной работе искусного мастера, создавшего этот шедевр. Тончайший серебряный ободок, изящная резьба по камню, прозрачный многоцветный сердолик...

Соня залюбовалась игрой света, заставившего вспыхнуть самоцвет множеством огней. На миг ей стало жаль выбрасывать такое совершенство. Но тотчас же она устыдилась. Предсмертную волю Керы следовало выполнить в точности.

Больше не колеблясь, Соня размахнулась и бросила перстень в пропасть. В тот же миг огромная птица со сверкающими на солнце крыльями взмыла в воздух и, блеснув разноцветным опереньем, сделала несколько кругов у Сони над головой. Затем, испустив ликующий крик, она унеслась прочь — куда-то в сторону долины.

* * *

Барон Римальдо скучал. Вот уже неделя, как он ждал утешительных вестей от Сабарата. Разбойник забрал у него сотню золотых — и до сих пор еще не появился. Не говоря уж об обещанных и столь желанных девушках!

При мысли о пополнении, которое ожидает его гарем, барон приходил в неопишемое волнение. Он принимался бегать по комнате, теревить свои кружевные манжеты, обрывая с них позолоту и жемчуг, кусать губы, едва не плача от досады и нетерпения.

Поэтому слуга, доложивший о том, что «явился какой-то молодец подозрительного вида и говорит, будто бы от какого-то Сабарата прислан», получил серебряную монету — за добрую весть — и услышал радостный крик своего господина:

— Немедленно веди его ко мне!

Старый слуга давно привык к причудам своего хозяина. Не позволив себе даже измениться в лице, он тут же отправился за посетителем.

Тот и впрямь выглядел подозрительно. Настоящий разбойник. Не сняв плаща с капюшоном, мужчина вошел в будуар барона, оставляя грязные следы на украшенном искусной инкрустацией полу.

— Ах, мой друг!... — вскричал барон Римальдо. — Сапоги...

Разбойник устоял на свои ноги.

— А что такого тебе не нравится в моих сапогах? — дерзко осведомился он. Голос у разбойника оказался молодой, высокий. Небось, юнец только недавно начал брить бороду.

— Э-э... Пол — с узорами... Лучший во всем Шамаре... Видишь ли, мой друг... Мастера из Ианты — я их специально выписывал... заплатил кучу денег... Э-э... Сапоги...

Барон махнул рукой, видя, что молодой разбойник упорно не желает понимать просьбы снять грязную обувь и не пачкать драгоценные полы, которые могут непоправимо попортиться от такого бесцеремонного обращения.

— У меня весть от Сабарата, — заявил молодой разбойник, ничтоже сумняшеся опускаясь прямо

в пропыленном дорожном наряде на разобранное ложе барона. Тонкие, надушенные батистовые простыни, атласные покрывала с вышивкой шелками и серебряной нитью, мягкие подушки с кружевными рюшами — словом, все уютное «гнездышко» барона было смято и перемазано дорожной грязью.

Барон еле слышно застонал и поднес к носу платок, надушенный сильнопахнущими офирскими благовониями.

— Распорядись, чтобы меня накормили, — велел бесцеремонный посланник Сабарата. — Я голоден, как собака! И пусть готовят паланкин, или что там у тебя. Поедем в твоё имение за городом.

— Куда?

— Ну, где там у тебя стойло для молоденьких кобылок? — небрежно пояснил разбойник. — Сабарат пригнал туда небольшой, но очень аппетитный табунчик...

У барона Римальдо потекли слюнки. Он мгновенно забыл свое раздражение на этого дерзкого молодца. Теперь старого аквилонского придворного занимало только одно: новые игрушки для его тайного гарема. Драгоценные, дорогостоящие игрушки.

— Какие они? — жадно спросил он. Пальцы барона нервно теребили платок. — Ну скажи, умоляю, какие они... мои девочки?

— Скоро сам увидишь. Их восемь, — добавил разбойник. — Свеженькие, как бутончики. Испуганные... Трепетные... Я голоден, — напомнил он, — пусть мне принесут рыбы под шафранным соусом,

к рыбе — белого вина и, пожалуй, немного фруктов.

Такие изысканные вкусы у обыкновенного годовореза немного удивили Римальдо. Однако он вызвал слуг, отдал все необходимые распоряжения и, сгорая от нетерпения, отправился на конюшню — проследить за тем, как закладывают карету для путешествия в имение.

* * *

Несколько евнухов, вооруженных короткими мечами, имевшими, скорее, декоративное назначение, нежели являвшимися настоящим боевым оружием, могли оказать лишь слабое сопротивление неожиданному свирепому нападению. Двое из них пали от стрел, стремительно выпущенных одна за другой невидимым лучником. Третий, обнажив меч, бросился в атаку и был заколот кинжалом. После этого молодой разбойник одним ударом ноги распахнул дверь изящного одноэтажного домика с резными деревянными колоннами, покрытыми позолотой и расписанными синими и красными цветами. Этот домик — барон Римальдо поэтически именовал его «Садом Наслаждений» — находился в самом уединенном месте обширного поместья, в глубине густого тенистого сада, полного прекрасных редких растений. Это была одна из причин, по которой никто из слуг и стражников не видел нападения на «Сад Наслаждений» и не пришел на помощь евнухам. Никем не замеченный, разбойник вошел в тайный гарем барона Римальдо. Лицо молодого человека, хоть

и полускрытое капюшоном, болезненно морщилось, словно он наблюдал что-то глубоко отвратительное.

Внутри помещение казалось более просторным, чем можно было подумать, глядя на домик снаружи. В центре помещался большой зал с фонтаном. В одном углу находился изящный обеденный стол из орехового дерева, инкрустированный перламутром, слоновой костью и эбеновым деревом, и два стула с высокими резными спинками. Посуды на столе сейчас не было, но белоснежная скатерть с пышными бантами по углам так и манила к себе проголодавшегося гостя.

В другом углу зала имелась большая кровать под тяжелым балдахином, украшенная всевозможными резными деревянными розочками, бутонами и целующимися голубками. Вся эта роскошь была щедро позолочена и украшена росписью, а кое-где и драгоценными камнями. Две искусно вырезанные из слоновой кости обнаженные женские фигурки держали большое зеркало в позолоченной раме.

Тяжелые бархатные кисти свисали по углам балдахина. На шелковом покрывале, кроме того, лежала маленькая плетка с костяной рукояткой, украшенной геометрическим орнаментом, а в головах кровати имелись позолоченные наручни и тонкая цепочка, приковывающая их к стене.

Удостоив эту изысканно убранную комнату самого беглого осмотра — непрошеного гостя «Сада Наслаждений» интересовало лишь одно: не скрывается ли здесь кто-нибудь из случайно уцелев-

ших охранников — молодой разбойник бесшумно двинулся дальше.

В небольших, тщательно запертых на засов комнатах, похожих на кельи, разбойник обнаружил девушек — наложниц барона Римальдо. Здесь были девушки из Офира и Аргоса, из Немедии, Куша и даже Кхитая.

Все они дрожали от страха, когда неизвестно откуда взявшийся незнакомый им человек в плаще с низко надвинутым капюшоном, вооруженный луком, двумя кинжалами и длинным острым мечом, приказал им выходить и собираться в зале у фонтана.

Наложниц оказалось чуть больше двадцати. Барон часто менял в гареме девушек. Тех, которые ему надоедали или чем-либо не угодили, он продавал через подставных лиц и никогда потом не интересовался их дальнейшей судьбой. Чаще всего такие девушки попадали в другие гаремы или в дома свиданий. Римальдо был чрезвычайно осторожен в подобных вопросах и не позволял себе рисковать своей репутацией.

Девушки в испуге жались друг к другу. Кто этот человек? Какие новые испытания суждены им?

Молодой разбойник не спеша снял наконец свой меховой плащ. Огненно-рыжие волосы потоком обрушились ему на плечи, словно языки пламени. Рабыни Римальдо тихо вздохнули от изумления: перед ними стояла совсем молодая девушка!

— Мое имя — Рыжая Соня, — объявила она. — Я убила трех охранников, стороживших дверь снаружи. Будем надеяться, охрана дома не скоро за-

метит мое вторжение. Но все же не следует слишком уповать на то, что все аквилонцы — безмозглые болваны. — Она вздохнула: — Есть ли среди вас такая, которая любила бы барона Римальдо всем сердцем, всей душой и хотела бы остаться с ним навсегда?

Девушки боязливо переглядывались. Соня нетерпеливо хлопнула себя ладонью по бедру.

— Да или нет? Говорите прямо и не бойтесь! Вам нечего страшиться. У нас мало времени.

Одна из девушек, чернокожая рабыня с татуировкой на левой щеке — странно, но это ее вовсе не уродовало — осмелилась ответить от лица всех остальных:

— Нет, госпожа. Все мы ненавидим барона Римальдо. Он держит нас взаперти, а когда берет одну из нас развлекаться, то... Он жестокий, грязный человек, госпожа! — Она выразительно посмотрела в сторону плетки и наручней.

— Вот и хорошо, — оборвала ее Соня. — Итак, ни одна из вас не желает здесь оставаться. Меня это устраивает. Я выведу вас отсюда. Мы доберемся до леса в карете господина Римальдо. Затем обсудим наши дальнейшие действия. У меня имеются кое-какие соображения на этот счет... Но хватит болтовни. Уходим, и чем скорее — тем лучше.

Вместе с девушками Соня внесла в дом трупы убитых евнухов и выбралась из сада. Беглянкам удалось добраться до кареты незамеченными. Девушки набились туда так тесно, как только могли. Они сидели друг у друга на коленях, три устроились прямо на полу, а чернокожая рабыня села

на козлы рядом с Соней. — Как тебя зовут? — спросила Соня, взяв в руки вожжи.

— Хайманот, госпожа, — тихо сказала девушка.

— Я не госпожа, — проворчала Соня.

Карета покатила к воротам поместья.

* * *

Возвращение в храм Гаривы оказалось тягостным. Рабыни барона Римальдо не смели плакать и жаловаться на трудности путешествия. Но когда пришлось бросить карету и идти пешком по горным тропам, многие от непривычки сбили себе ноги в кровь и плелись еле-еле. Соня безжалостно подгоняла их.

К концу второго дня мучительного путешествия к перевалу к Соне, возившейся у костра, тихо приблизилась Хайманот. Уроженка далекого Куша, чернокожая невольница больше остальных страдала от жестокого холода безжалостной Киммерии. Соня чуть подвинулась, давая ей место у огня.

— Госпожа, — заговорила Хайманот и тут же поправилась: — Соня... Путь слишком труден для нас. Мы долгое время жили взаперти, это правда. Такое житье — не сахар, и поверь мне: я знаю по крайней мере трех наложниц проклятого Римальдо, которые покончили с собой в этих золоченых клетках... Одна из них была моей младшей сестрой! Да, мы безмерно страдали от неволи, от издевательств нашего господина, от его извращенных фантазий и злых капризов. Но ты... ты убиваешь нас, Соня. Мы не привыкли терпеть такие ужасные лишения.

— Я спросила вас с самого начала — не желает ли кто-нибудь остаться во власти барона, — напомнила Соня, пожалуй, чуть-чуть резковато. — Ни одна, помнится мне, не выразила горячего желания не покидать объятий Римальдо. Так что придется вам терпеть и холод, и лишения. Свобода того стоит, Хайманот, поверь мне.

— Куда ты ведешь нас? — спросила чернокожая рабыня.

— В храм. Там вы найдете и кров, и убежище, и пищу, и одежду. А многие из вас, возможно, захотят остаться там навсегда.

— Примут ли нас жрицы этого храма? — Хайманот покачала головой в явном сомнении. — Ах, Соня! Ведь жрецы любых богов с большим предубеждением относятся к бывшим наложницам, считая их запятнанными развратом... Да и к беглым рабам — тоже. Вряд ли храм захочет приютить нас. Я слышала уже о подобных вещах... И всегда такие истории заканчивались весьма плачевно для тех несчастных рабынь, которые пытались найти себе убежище у ног какого-нибудь бога или богини.

Соня слегка улыбнулась и обняла чернокожую девушку за плечи.

— Спроси лучше: захочет ли принять вас сама богиня!

Хайманот с недоумением посмотрела на свою собеседницу, и Соня пояснила:

— Там нет жрецов. Все служители богини Гаривы погибли... Их уничтожили разбойники. Вам предстоит похоронить мертвых и восстановить ритуалы поклонения Гариве. Это я и имела в виду,

когда говорила, что многие из вас останутся в храме навсегда.

Хайманот, казалось, не верила собственным ушам.

— Так ты хочешь... Ты хочешь, чтобы мы... Обыкновенные рабыни, наложницы... Чтобы мы сделали жрицами? Но это же невозможно!

Соня пожала плечами.

— А почему, собственно говоря, невозможно? Вы не по своей воле жили той гнусной жизнью, от которой я вас избавила. Я не принадлежу к числу тех, кто поклоняется богиням этого храма, но мне кажется, что не следует оставлять это святилище оскверненным, лишенным служительниц. Пусть я не понимаю многого из того, что там происходило... но я уверена, жрицы Гаривы творили немало доброго.

— Но кто научит нас ритуалам? — все еще сомневалась Хайманот. — Кто передаст нам традиции, священные гимны, кто откроет нам смысл обрядов? Кто расскажет, наконец, все сакральные тайны самой Гаривы? Как мы сможем служить богине, не понимая ее сокровенной сущности? Ни одна из нас не готовилась для служения богам!

Это было правдой. Соня уже знала историю каждой девушки, пусть даже в самых кратких чертах. Одни были похищены из родного дома — этим предстоит, отдохнув и набравшись сил в пещерах Фатагара, отправиться в далекий путь, к родным, которые уже наверняка выплакали все глаза в тщетных попытках отыскать пропавшую дочь. Других купили на рабском торгу — эти девушки

не знали ни родного дома, ни отца с матерью, они были рождены в рабстве и им с самого начала жизни была уготована жалкая участь. И таких в гареме барона Римальдо оказалось большинство. Вот для них, как полагала Соня, пещеры Фатагара должны стать настоящим домом.

Из всех освобожденных наложниц барона Римальдо больше всех пришлось Соне по душе чернокожая Хайманот с ее забавной татуировкой на щеке — синяя бабочка над листом какого-то экзотического растения. Когда девушка улыбалась, эта бабочка слегка шевелилась.

Несмотря на свою молодость, чернокожая рабыня уже перенесла немало испытаний, но сохранила добрую душу и ясный взгляд больших черных глаз.

— Я надеюсь только на одно, — сказала ей Рыжая Соня. — Богиня Гарива увидит ваши старания. Она оценит ваше искреннее желание восстановить святилище. Она найдет способ передать вам все необходимые знания. Не бойтесь ничего. Я верю, что все дурное у вас уже позади.

* * *

Пещеры Фатагара встретили уставших, измученных путниц стайей стервятников. Тело привратницы, обглоданное птицами, все еще лежало на пороге, по-прежнему прикованное цепью к скале. При виде этого пугающего зрелища несколько девушек вскрикнуло. Соня горько усмехнулась.

— Вы найдете здесь тела жриц и их убийц. Всех мертвых необходимо похоронить. Это грязная, не-

приятная работа, но ее придется выполнить именно вам. Теперь Фатагар — ваш дом, не забывайте об этом.

— О да! Отныне пещеры Фатагара станут истинным домом для большинства из вас,— прозвучал чей-то голос из глубины пещеры.

Все повернулись в сторону говорившего — вернее, говорившей, так как голос был женским.

Из пещеры медленно вышла высокая женщина с длинными белыми волосами и огромными, совершенно белыми, незрячими глазами.

— Хутаоса! — Соня бросилась навстречу слепой жрице.

Слепая прорицательница усмехнулась.

— Я видела *все*, что ты сделала, Соня. *Все*.

Соня слегка покраснела.

— Я привела сюда новых служительниц, Хутаоса. Научи их всему, что необходимо. Они нуждаются в мудрой наставнице, которая исцелила бы их от страха и неуверенности и передала им сакральное знание.

Белоглазая женщина вытянула вперед руку, и вдруг откуда-то с неба, оглушительно хлопая крыльями, опустилась большая птица с ярким радужным оперением. Она уселась на руку прорицательницы, впившись в нее когтями, и испустила громкий торжествующий крик. Хутаоса улыбнулась, пригладила взъерошенные перья и произнесла несколько слов на неизвестном Соне языке.

Спустя мгновение птица исчезла. На ладони Хутаосы лежал перстень с резным камнем.

— Хайманот,— позвала Хутаоса.

Хайманот вздрогнула и оглянулась на Соню.

— Откуда эта госпожа знает мое имя?

— Она ясновидящая,— прошептала Соня.— Подчиняйся, иди же к ней. Не медли!

Хайманот приблизилась к слепой жрице и опустилась перед ней на колени. Взяв чернокожую девушку за руку, Хутаоса надела жреческий перстень на ее тонкий палец.

— Отныне тебе будут подчиняться остальные. Тебе же надлежит решать их судьбы и отвечать за их жизни. Ты — верховная жрица храма Гаривы!

— Но я не умею... Всю жизнь я была лишь жалкой рабыней...— пролепетала Хайманот и коснулась лбом пола.

— Забудь об этом. Ты — верховная жрица пещер Фатагара! Встань и распорядись насчет отдыха и пищи для твоих девушек.

— А Соня? — спросила Хайманот растерянно.

— Вы привыкли полагаться на Рыжую Соню,— улыбнулась Хутаоса.— Но это время безвозвратно прошло, Хайманот. Соня — ваша гостья. Она отдохнет, наберется сил и уйдет отсюда. У нее — свой путь, свои цели.

Хайманот поднялась на ноги и обернулась к своим подругам.

— Вы слышали? Не время раскисать! Впереди у нас много работы!

* * *

С некоторых пор барон Римальдо продал свой роскошный дом в Шамаре и жил безвыездно в своем загородном имении. Он не принимал у себя

гостей, отказался от привычки ездить к друзьям. Перестал он и посещать столицу. Его не видели во дворцах правителей. Он игнорировал даже большие ежегодные балы, где прежде блистал изящными манерами и пышностью одежд. Из всех развлечений Римальдо оставил себе только охоту, а из слуг — лишь десяток рабов; прочие были уволены или проданы.

Многих в Шамаре удивляла такая резкая перемена в характере и образе жизни барона. Досужие сплетники гадали, что могло бы послужить тому причиной и наконец сошлись на мнении, что барон получил некое злое предзнаменование и с тех пор, смертельно испугавшись предсказания, ведет затворническую жизнь.

Только один человек знал истинные причины всех этих странных перемен. Более того, этот человек и был их подлинным виновником. Но он находился далеко от Шамара и не мог удовлетворить любопытства тамошних сплетников, если бы даже и захотел это сделать.

Человеком этим была Рыжая Соня.

С тех пор, как она обманом заманила барона в глухой уголок сада в его поместье, связала его там, заткнула ему рот кляпом, а после безжалостно лишила его мужского достоинства, подражая в этом старому конюху, что холостил коней в доме ее отца, — с тех самых пор барон Римальдо сделался совершенно другим человеком.

СОДЕРЖАНИЕ

Марк Сиддонс
ИЗБРАННИЦА НОЧИ

5

Дуглас Брайан
СЛЕПОЙ БОГ

331

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И СЛЕПОЙ БОГ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Обложка *Сергея Шикина*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художники *Кирилл Рожков, Владислав Асадуллин*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Владимира Сергеева*

Корректор *Алевтина Борисенкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.09.98.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 8000 экз. Заказ 627.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЧИТАЙТЕ
дилогию
**«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»**

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и матеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

Северо-Запад®

ЧИТАЙТЕ
ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА
«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

- том 1
«Миддорский оборотень»
- том 2
«Нефритовая Страна»
- том 3
«Стальное сердце»
- том 4
«Ветры Катраза»
- том 5
«Раб Сармы»
- том 6
«Тварь в лабиринте»
- том 7
«Край Вечных Снов»
- том 8
«Золотой скакун»
- том 9
«Мятежник»
- том 10
«Проигравший — умирает»
- том 11
«Погибший мир»
- том 12
«Корнузльский кровосос»

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •
- Молчание идола •
- Коготь дракона •

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

*****fantasy*****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ШИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

Сенсация!

Впервые на русском языке
пенталогия

БАРБАРЫ ХЭМБЛИ «ХРОНИКИ ДАРВЕТ»

- Время тьмы •
- Стены воздуха •
- Легионы света •
- Дворец зимы •
- Педяной ястреб •

Чудовища, приходящие в ночи,
заброшенные замки, разрушенные города,
драконы, сторожащие древние клады,
ждут вас на страницах романов
Барбары Хэмбли

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ

МАЙКЛА МУРКОКА "САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

Читайте в серии
«Перекресток миров»
новые книги

**Михаила Ахманова
Константина Бояндина
Андрея Валентинова
Сергея Герасимова
Андрея Дашкова
Святослава Логинова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

КНИГА VI
«ЦИТАДЕЛЬ»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА VII
«ПОСЛАНЕЦ»

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

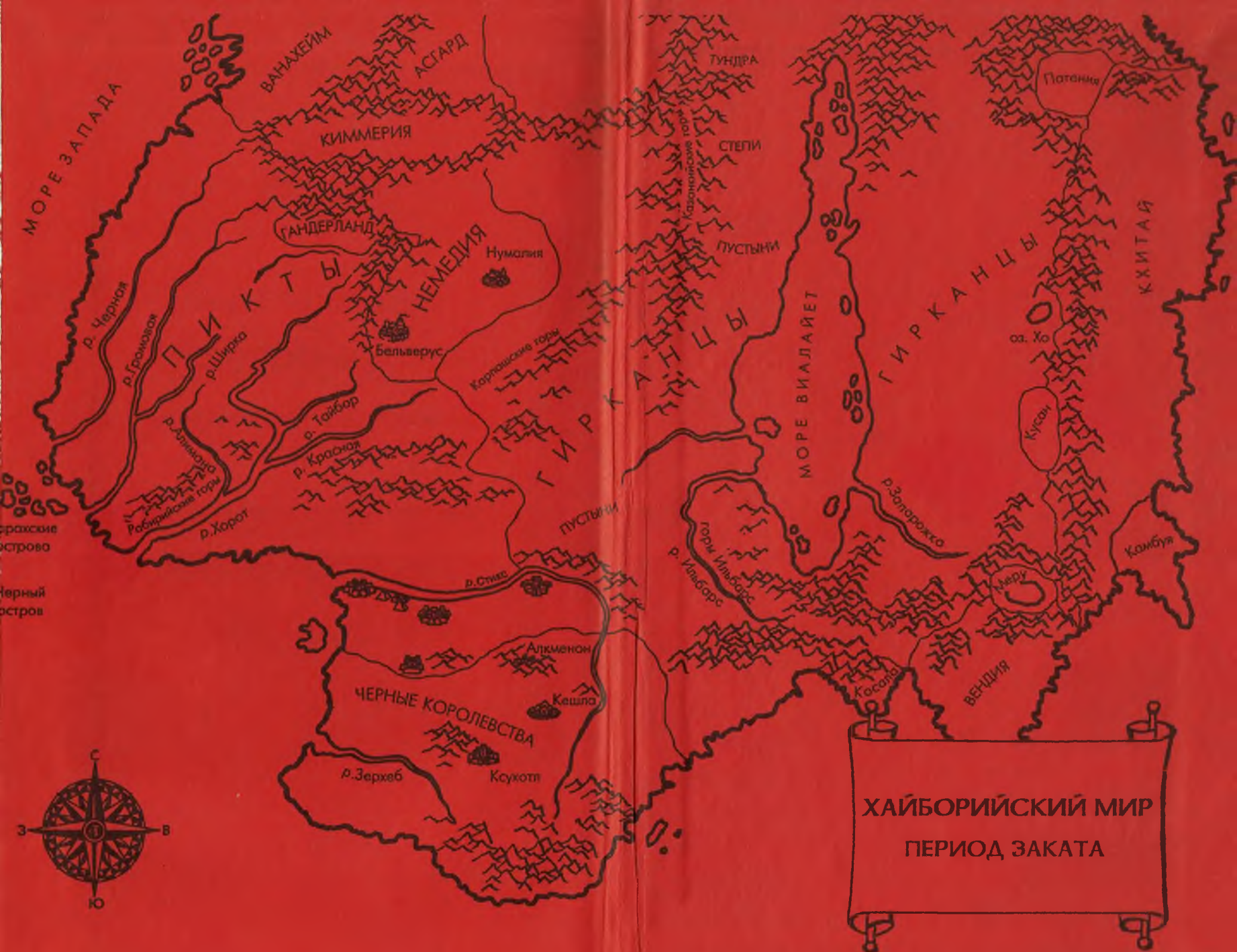
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-87365-058-6

9 785873 165058